АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА

ЭТИМОЛОГИЯ
1977

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА
1979

Очередной том ежегодника содержит статьи, посвященные преимущественно конкретной индоевропейской, в частности славянской, лексике. Рассматривается материал неиндоевропейских языков. Продолжается публикация словаря славянских названий рыб. В критико-библиографическом отделе напечатаны рецензии на словарные и теоретические публикации в области этимологии.

Этимология
1977

Утверждено к печати
Институтом русского языка АН СССР

Редактор издательства *Т. М. Дривинг*. Художественный редактор *Н. Н. Власик*. Технический редактор *Н. Н. Плохова*. Корректор *М. В. Борткова*.

ИБ № 15109

Сдано в набор 25.09.78. Подписано к печати 12.06.79. Формат $60 \times 90^1/_{16}$. Бумага типографская № 1. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Усл. печ. л. 12. Уч. изд. л. 14,1. Тираж 2550 экз. Тип. зак. 787. Цена 1 р. 60 к.

Издательство «Наука», 117864 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука», 199034, Ленинград, В-34, 9-я линия, 12

Э $\frac{70101\text{-}206}{042\ (02)\text{-}79}$ 566-79. 4602000000

СТАТЬИ

В. Н. Топоров

К СЕМАНТИКЕ ТРОИЧНОСТИ (СЛАВ. * *TRIZNA* И ДР.)

В одной из ранних своих статей О. Н. Трубачев предложил новую этимологию слав. **trizna* [1], связав это слово с числительным **tri*, точнее, с производным от него названием трехгодовалого животного **trizь* (ср.: *Почто трѣбоу положити повелѣ Б҃ъ Аврааму ѭницеѭ трии лѣтъ. и козоѭ тризоѭ*. Изб. Свят. 1073 г., л. 135 [2]), находящим ближайшее соответствие в лит. *treigỹs* с тем же значением. Подобное решение представляется теперь самоочевидным, и, — забегая вперед, — приходится удивляться, что никто из пытавшихся разгадать этимологию этого слова не предложил такого естественного объяснения раньше. Впрочем, эта «рассеянность» имеет свои причины, которые были устранены О. Н. Трубачевым. Прежде всего было сделано, несомненно, правильное предположение, что «*тризна*, *тризнище* — это обычай принесения в жертву животного при погребении» [3], и это допущение сразу же дало в руки автора сильную семантическую мотивировку предлагаемой этимологии. Беспроигрышность этой мотивировки позволила отбросить целый ряд неясных форм, связанных

---

[1] См. *Трубачев О. Н.* Следы язычества в славянской лексике (1. *Trizna*) — SR 11, 1958, с. 219 и сл.; то же — ВСЯ 4, 1959, с. 130 сл.; ср. также дополнение к статье *тризна* — *Фасмер* IV, с. 102.

[2] Ср. также: *Въэми ми юницу тризу и козу и овень тризь*. Быт. XV, 9. Сборн. Волог. XV в. (λάβε μοι δάμαλιν τριετίζουσαν καὶ αἶγα τριετίζουσαν, καὶ κριὸν τριετίζοντα), или: *поими оуницю тризоу и овьнъ тризъ*. Изб. XIII в., см. Срезневский 3, с. 997. Следует заметить, что все эти цитаты относятся к известному месту из книги Бытия, где описывается ж е р т в а («вот, дым как бы из печи и пламя огня прошли между рассеченными животными». XV, 17) в знак завета, заключенного Господом с Авраамом. Греч. τριετίζουσαν, τριετίζοντα при τρι-έτης, τρι-ετής, 'трехлетний, трехгодовалый', давало, видимо, славянскому переводчику возможность как-то соотнести ίζ- и *-из-*.

[3] Этот вывод делается на основании сопоставления двух фрагментов из «Жития Константина Муромского». Ср. сначала: . . .*не по ихъ обычаю творимо бѣ погребеніе. . .*; *ни т р и з н и щ а, ни димы, ни битвы, ни кожи кроянія, ни лицедранія, ни плача безмѣрного не творяху*; и сразу же далее: *Гдѣ к о н я з а к а л а ю щ і и . . . и битвы и кроенія и лиц натресканія творящіи!*, откуда возможность идентификации *тризнища* и *коня закаланія* (к анализу этого текста ср. также: *Котляревский А.* О погребальных обычаях языческих славян. М., 1868, с. 125 и сл.).

с анализируемым словом, которые отвлекали внимание предыдущих исследователей от принципиального решения и сосредоточивали его на частностях.

Если сейчас возникла потребность вновь обратиться к анализу слав. **trizna*, то она определяется стремлением еще раз обратить внимание на некоторые сложные и неясные детали, во-первых, и, во-вторых, по возможности расширить тот контекст, в котором черпаются семантические мотивировки данного этимологического решения.

Строго говоря, в распоряжении исследователей нет описаний погребальных обрядов или каких-то их частей, которые были бы обозначены как «тризна». Ситуация такова, что или эти описания существуют (напр., у арабских путешественников или в западнославянских исторических хрониках), но они безымянны, или же, напротив, слово *тризна* выступает в тексте, но без разъяснения того, что имеется в виду [4]. В этом последнем случае при некоторых благоприятных обстоятельствах (в частности, когда есть последовательность частей погребального обряда), с известной вероятностью можно делать выводы о соответствующей реалии, т. е. о значении-денотате. Однако эти возможные выводы не должны вызывать особого оптимизма, поскольку даже в случае идентификации названия и его денотата остаются нераскрытыми семантические мотивы подобного называния. Отсюда преимущественный интерес (как, напр., в последней книге Э. Бенвениста о словаре индоевропейских институций) к значению-сигнификату, к его эволюции во времени, позволяющей восстановить историческую последовательность семантических мотивировок и единственное решение, относимое к идеализированному исходному состоянию, или к тому, как последовательность этапов эволюции значения проецируется на иерархизованную совокупность значений данного слова в синхронном плане.

В случае слав. **trizna* начинать приходится, несомненно, с тех примеров, где это слово выступает переводом греческих лексем. Только здесь значения бесспорны [5]. Ср. ст.-слав. трызна ἔπαθλον (Супр.), ц.-слав. (рус.) *тризна* (и *тризнь*) στάδιον, παλαίστρα, ἆθλον [6],

[4] Еще об одной категории случаев см. ниже.

[5] Именно они были приняты как наиболее древние и исходные А. И. Соболевским, см. Сб. ОРЯС, т. 87, № 3, 1910 («Тризна», с. 273—274).

[6] Соответствующие примеры — Срезневский 3, с. 995—997. Несколько особый случай, когда греч. ἐπὶ τὸ σκάμμα переводится *на тризноу* (*съ оусердїемъ идѧше*). Муч. Марк. ев. 2. Мин. чет. апр. 629, что нужно расценивать как слишком обобщенный перевод: греч. σκάμμα обозначает ров (в частности, в гимнасиях и палестрах; отсюда и поговорка ἐπὶ τοῦ σκάμματος εἶναι 'быть у рва', т. е. быть готовым к схватке, к борьбе). Иное дело — передача τὸ σκάμμα как *тризнище*. В «Лексиконе» Берынды (1627) упоминается *три́зни*, обозначающее место, где происходят поединки; ср. указанные М. Будимиром в связи с **trizna* ст.-серб. *trzni* (Босния) с тем же значением и диал. *trzan*. См. *Будимир М.* Протословенски и староанадолски Индоевропљани. — Зборник философског ф-та Београдског универзитета, кн. II, 1952, с. 261—262. О подобных формах см. ниже.

а также производные слова *тризньный*, *триздьный*, *тризньникъ* (*Тризньникъ часто исходя на тризну*. Златостр. XII в. ὁ ἀθλητὴς εἰς παλαίστραν βαδίζων), *тризникъ* с существенными отличиями от предыдущего слова[7], *тризнодавьць* (ἀγωνοθέτης, устроитель состязаний; тот, кто распределяет награды), *тризнище* (помимо других значений, ср. 'место тризны', 'ров' (см. выше) — τὸ σκάμμα или же: 'судилище' — δικαστήριον) и т. п.[8] Суммарное перечисление греческих слов, которые переводятся словом *тризна*, оказывается недостаточным. Когда *тризна* передает греч. στάδιον или παλαίστρα (ристалище, стадион, школа, где, в частности, обучают борьбе), имеет место перенос по смежности. Случаи типа πρὸς τὸ στάδιον — *на тризноу* или εἰς παλαίστραν — *на тризноу* аналогичны современному узусу: *пойти на стадион — пойти на футбол*, *пойти в кино — пойти на кинофильм* и т. п. Поэтому ядро образует пара ἆθλον — *тризна*. Это уравнение оказывается весьма важным не только потому, что оно, если не единственный, то самый надежный аргумент в пользу таких значений, приписываемых слову *тризна*, как 'борьба', 'состязание', 'подвиг' (даже 'награда'[9]): оно позволяет, во-первых, высказать предположение о семантической мотивировке *тризна* именно в этих значениях и, во-вторых, существенно расширить семью слов, связанных с *тризна*, как за счет лексем с несколько иным кругом значений, так и за счет языков, чьи данные в этой связи или трактуются неверно, или же вовсе отвергаются.

Вполне разделяя мнение о слав. **trizna* как производном — в конечном счете — от количественного числительного **tri*[10], видимо, допустимо видеть в *тризна* (в значении 'состязание', 'борьба' и т. п.) обозначение с о в о к у п н о с т и и з т р е х ч а с т е й, каждая из которых относится к особому виду состязаний, входящих в состав погребального обряда, а в сумме соста-

---

[7] Ср.: *Подобьнѣ мьнѧ трыздьнїкоу зълоу*... Гр. Наз. XI в., 259 πυκτῇ κακῷ (πύκτης 'кулачный боец': πυγμή 'кулак'); . . . *тризникъ. великыя тризны сотворивый*. Ио. Мал. Хрон. IV. 86 ὁ τελεστής, ὁ μυστικὸς ἄθλους ποιήσας. Нужно думать, что примеры такого рода, когда два разных по значению греческих слова передаются словами одного корня в славянском (ὁ τελεστής — *тризникъ*, ἄθλους — *тризны*), особенно поучительны, так как предполагают реальное наличие более чем одного значения у корня *тризн-* в данное время. Впрочем, такие примеры, как *Крѣпии трызници и борци*. Жит. Ио. Злат. XV в., могут дать повод для поиска каких-то различий между тризником и простым борцом, ускользающих от современного исследователя.

[8] Сюда — же — *натрыжение* (ἔπαθλον) и др., см. *Срезневский* 2, с. 342, а также далее.

[9] Ср.: *Трызнѫ обрѣтъ*. Гр. Наз. XI в., 86 (ἆθλον εὑράμενος).

[10] При этом следует помнить о н е к о т о р о й изолированности *тризна* среди других лексем с этим суффиксом; подавляющее большинство таких образований предполагает Adj., ср. *белизна*, *голизна*, *голубизна*, *желтизна*, *крутизна*, *левизна*, *новизна*, *прямизна*, *серизна*, *чернизна* и т. п. См. Обратный словарь русского языка. М., 1974, с. 79. Существенно, что в отличие от слов перечисленного типа в *тризна* элемент *-и-* относится к корню. Из других отклонений ср. *головизна*, *укоризна* и др.

вляют нечто вроде *троеборья* (ср. др.-греч. τρί-ᾱθλον, куда могли входить бег, метания, борьба, при более известном пентатлоне [πέντ-ᾱθλον, ион. πεντάεθλον, ср. πεντάθλιον у Пиндара; πεντ-ᾱθλος, ион. πεντάεθλος 'искусный в пятиборье' πενταθλέω, -εύω 'состязаться в пятиборье'], введенном еще на 18-й олимпиаде и состоявшем из пяти упражнений: ἅλμα, δίσκος, δρόμος, πάλη, ἀκόντισις [11]; ср. совр. *биатлон* как продолжение той же модели). Хотя в современных языках используется именно модель типа «три» & «бор» (ср. нем. *Dreikampf*, лит. *trìkovė*, лтш. *trīscīņa* и т. п.), вполне возможны и варианты с внутренней формой «тройка», «триада». Не исключено, что *тризна* и воспринималось как такое «сокращение», если только, разумеется, соответствующее состязание, борьба давали основание для использования семантического множителя «три» [12].

Предположение о наличии у древних славян особого вида состязаний как части погребального обряда кажется достаточно правдоподобным. Помимо обширных типологических параллелей, уместно напомнить о такого рода состязаниях у осетин (о чем не раз уже писалось) и, возможно, у их скифо-сарматских предков на территории Северного Причерноморья, не говоря уж о подробном изображении состязаний после сожжения трупа Патрокла (ристание на колесницах, кулачный бой и борьба, бег, вооруженный поединок, метание диска и копья, стрельба) в 23-й песне Илиады.

Не менее важно, что др.-греч. ἆθλον, переводом которого является *тризна*, наряду с указанными значениями обладало и некоторыми другими, внутренне с ними связанными смыслами. Ср. прежде всего ἆθλον 'тяжелое испытание', 'страдание', 'мука', 'мучение' (ср. πολλῶν πόνων ἆθλα у Софокла); те же значения обнаруживаются и в ἆθλος (а также — 'труд', 'задание', 'дело' [13]) и в производных ἄθλιος 'бедственный', 'несчастный', 'жалкий', 'мучительный' (но и 'предназначенный к состязаниям'), ἀθλίως 'несчастливо', ἀθλιότης 'несчастье', 'бедствие' и т. п. Подобное сочетание смыслов типологически настолько часто (ср. *состя-*

---

[11] Начиная с 23-й олимпиады был введен и кулачный бой — πυγμή, ср. выше πύκτης 'кулачный боец', передаваемое словом *трыздьнїкъ*.

[12] Любопытно, что этот же элемент в разных языках может использоваться при обозначении победителя, того, кто достиг некоего высшего состояния (т р и как образ полноты, законченности, совершенства, превосходства; ср. образования типа укр. *трисв'ятий*, др.-греч. τρισ-ευδαίμων 'в высшей степени счастливый' (т. е. 'трижды счастливый'), τρίσ-μακαρ 'трижды блаженный', но и рус. *треклятый*, др.-греч. τρισ-κατάρατος, то же и т. п.), и соответствующей награды, доли (включая и обозначение третьего приза, ср. τριτεῖα); интересно, что в числе наград на погребальных состязаниях в память Патрокла фигурируют т р еножники, ср. Ψ 259, 264); разумеется речь должна идти и о весьма опосредствованных случаях; ср. лит. *tributum* 'дар', 'подношение'; 'подать', *tribūtio* 'распределение', *tribuo* 'распределять' 'даровать', 'присваивать', 'наделять', *tribus* 'триба' (одна из трех частей, на которые первоначально делилось население Рима), *trēs*, *tri-* (*tria*, *trium*).

[13] Ср. ἀθλεύω 'упорно работать', 'выполнять тяжелый труд', но и 'состязаться, бороться'.

заться : *истязать*, **tęg-* : **tęz-* и т. п.), что делает несомненным, вопреки другому мнению, включение в семью *тризна* и таких западнославянских фактов, как чеш. *trýzeň* 'мука', 'мучение', *trýznění* то же, *tryzniti* 'мучить', 'пытать' (ср. *tryznitel*, *trýznivý* 'mučivý' и т. д.), словац. *trýzeň*, *trýznenie*, *tryznit'* (ср. *tryznitel'*, *trýznivý* и т. д.), польск. *tryźnić* 'притеснять', 'мучить', 'терзать' (наряду с более обычными 'тратить', 'расточать' — о времени), *tryźnienie*, *tryźnicel* и т. д. Польские примеры, как и, напр., ст.-чеш. *tryznovati*[14] в соответствии с лат. *abuti* ('расточать', 'растрачивать', 'проматывать', 'злоупотреблять') и *illudere* (ср., в частности, 'бессмысленно тратить', 'губить', но и 'портить', 'надругаться', 'позорить' и т. п.), показывают убедительные связи между этими двумя семантическими кругами и исключают необходимость (и даже правдоподобие) видеть в *tryzniti* два разных слова, как делают некоторые[15].

Приведенные западнославянские факты апеллируют к связи с *тризна* не только через ἆθλον, совмещающее в себе значения, присущие и *тризна* и западнославянским примерам, но и более непосредственно — через такие случаи, как ц.-слав. *тризна* : *страдальство*. . . Толк. неуд. позн. реч. 196 (Срезневский 3. с. 995)[16], и, главное, через весьма характерную связь жертвы, жертвоприношения с мучением, страданием. В силу всех этих обстоятельств нельзя считать целесообразным исключение чеш. *trýzeň* из числа слов, сопоставляемых со слав. **trizna*, как это предлагается О. Н. Трубачевым[17]. Ссылка на то, что слова на-зна не имеют в старославянском парных образований на-знь, также, видимо, недостаточна. Прежде всего число примеров на -знь в старославянском явно недостаточно для надежного заключения (их десять); наличие *trýzeň* при *тризна* (уместно напомнить и о чеш., словац., польск. *tryzna* 'тризна', как бы их ни объяснять) само по себе является нарушением отмеченной закономерности, и число таких нарушений может быть увеличено при выходе за пределы славянских языков (ср. слав. **bojaznь* при прусск. *biāsnan* и под.); наконец, едва ли стоит отбрасывать др.-русск. *трызнь* 'борьба'[18], считая эту форму сомнительной из-за ее однократности («Пандект Антиоха»).

Связь западнославянских примеров, обладающих «отрицательными» значениями (сфера «трудного», «мучительного», «связанного с печалью» и т. п.), с *тризна* и, следовательно, *три* реализует весьма нередко используемую модель семантической мотивировки,

---

14 ČČM 1864, с. 166.

15 Ср. Machek,[1] с. 538—539.

16 Естественно, что *страдальство* здесь может толковаться и иначе.

17 См. *Трубачев О. Н.* Указ. соч., с. 131.

18 Кстати, в связи с соотношением *трызнь* — *тризна* — *трызно* ср. *бóлозень* — *бóлозна* — *бóлозно* (ср. также *бóлбзя́*, см. Словарь русских народных говоров, вып. 3. Л., 1968, с. 76), хотя, конечно, словообразовательная структура этих двух триад различна.

с помощью которой могут быть объяснены и некоторые до сих пор остававшиеся темными случаи. Так, лат. *trīste* (*tristis*) ʽпечально’, ʽгорько’, ʽсурово’ (ср. *trīstis*, *trīstitia*, *trīstitūdo*, *trīsticulus*, *trīstificus*, *trīstia*, *trīstor* и т. п.) через значение ʽтрудно’, ʽс трудом’ [19] связывается с указанными выше славянскими примерами, которые в свою очередь соотносятся с числительным т р и. То же, разумеется, верно и для германских примеров, продолжающих и.-евр. **trīsti-* или **treisti-*, типа др.-в.-нем. *drīsti*, др.-сакс. *thrīsti*, др.-англ. *đrīste* (см. Pokorny, с. 1092) [20]. Не исключено, что и лат. *trīcae* ʽнеприятности’, ʽзатруднения’, ʽтреволнения’, ʽпустяки’ и т. п. (откуда *trīcor* ʽчинить трудности’, ʽприбегать к уловкам’, *trīco* ʽкрючкотвор’ и т. п.) следует толковать как «сокращение» таких полных моделей, как русск. *треволнение*, ц.-слав. *тръвълнение* и переводимое им греч. τρι-κυμία (ср. Минея 1096 г.); впрочем, это объяснение в глубокой перспективе, видимо, не противоречит обычному выведению *trīcae* (**trī-kā-*: лат. *terō* ʽтереть’ и т. п., к и.-е. **ter-*, ср. *trībulō*, *trībulātio* и т. п.) из форм со значением ʽтереть’, ʽрастирать’, ʽмолотить’ и проч., о чем см. ниже.

Если сама связь западнославянских слов типа чеш. *trýzeň* с слав. **trizna* семантически несомненна, то фонетические детали (*i* : *y*), конечно, пока не могут считаться удовлетворительно объясненными. Очевидно, приходится считаться с какими-то нерегулярными явлениями. Но здесь необходимо со всей категоричностью напомнить о польск., чеш. и словац. *tryzna* ʽтризна’ с тем же самым неожиданным *y*, которое и заставляет исследователей избирать самый легкий путь, а именно считать зап.-слав. *tryzna* заимствованием. «Čes. termín je ovšem přejat z východu, asi od Poláků, proto *y*. — Málo jasné; celá vec potřebuje podrobného zkoumání» (Machek, 1957, с. 538) [21] — таков более или менее обычный выход

---

[19] Ср.: adulescentes gravius aegrotant, t r i s t i u s curantur (Цицерон «юноши тяжелее болеют, т р у д н е е выздоравливают».

[20] Видимо, неслучайно наличие элемента *-st-* в указанных латинских и древнегерманских словах. Давно было замечено, что этот суффикс может выступать в порядковом числительном т р е т и й, ср. др.-ирл. t r i s s (из и.-е. **tri-sto-*); оск. *trstus* ʽtestes’, лат. *testis* (из **ter-st-is*; свидетель как т р е т и й присутствующий), в связи с чем ср. соотношение *trīstimōnia*, *-ium* ʽпечаль’, ʽмрачность’ и т. п. и *testimōnium* ʽсвидетельство’; вед. *triṣṭha-*. См.: *Szemerényi*. Studies in the Indo-European System of Numerals. Heidelberg, 1960, p. 81; О *-st-* как показателе порядковых числительных и суперлатива см. *Benveniste E*. Noms d’agent et noms d’action. Paris, 1948, p. 161 и след.; *Кацнельсон С. Д*. Историко-грамматические исследования. М.—Л., 1949, с. 236—237, 243—244 и др.

[21] Ср. *Holub-Kopečný*, с. 392. Отсылка к польск. *tryzna* (см. выше) существенно не меняет сути дела, так как наличие элемента *try-* ʽтри’ в сложных словах (латинского, греческого или даже славянского происхождения, ср. *trygubica*, *trynożki* и. т. д., а также несложное слово *trynka* ʽтройка’ в картах), видимо, не могло предотвратить процесса стирания внутренней формы слова (семантический элемент «три»). В противном случае ничто не мешало бы перекодировке в **trzyzna*. В русском *тризна*, напротив, внутренняя форма осознавалась, вероятно, значительно дольше.

из положения. Но при наличии исконных слов типа чеш. *trýzeň* нет серьезных оснований считать, что поляки или чехи заимствовали термин восточнославянского язычества, усвоили его себе (причем не в качестве обозначения исторической реалии, ограниченной чужим культурным миром) и сохранили почти через тысячелетие после предполагаемого заимствования. Ст.-чеш. *tryzn*, согласно этой логике заимствования, тоже должно было бы рассматриваться как неисконное слово. Поэтому кажется более целесообразным считать, что не только чеш. *trýzeň* и под. связано с рус. *тризна* (см. выше) как факты одного и того же плана: чеш. *trýzeň* и под. может точно так же быть связанным и с зап.-слав. *tryzna* [22]. В этом случае особенность обеих групп слов (*trýzeň* и под. и *tryzna*), отличающая их от восточно- и южнославянских слов этого корня (*y* : *i*), должна иметь единое объяснение. Не предлагая его, можно все-таки с известным основанием предположить, что деэтимологизация слав. **trizna* в западной Славии (*tryzna*) как-то связана с взаимодействием этого слова с продолжениями слав. **tru-* : **try-* : **trov-* : **trav-* (и.-е. **treu-* : **trŏu-* : **trŭ-*), ср. словац. *trúznit'* 'мучать' и т. п.: *trýznit'*, то же. Во всяком случае, заслуживает внимания тот факт, что значения, уже упоминавшиеся в связи с **trizn-* и под., повторяются и в продолжениях слав. **tru-* и под. ('мучать', 'причинять страдание', 'тратить', 'потреблять' (ср. слвц. *trovit'*), 'проводить время' (ср. польск. *trawić*) и др.). Существенно, что последние обладают и такими значениями, как 'кормить', 'питать', 'переваривать' (ср. ст.-слав. тракити σιτεῖσθαι Супр., с.-хорв. *тра̑вити*, чеш. *tráviti*; ср. *trava* и под.), которые могли бы помочь соотнести слав. **trizna* с идеей пира на похоронах, пиршественного поминовения покойного и, может быть, даже основного признака этого пира — ритуального питья. Во всяком случае, уже Иордан употребляет в описании погребения Аттилы славянское слово *strava* в характерном контексте: Postquam talibus

---

[22] Можно сформулировать суть вопроса еще решительнее: если бы даже *tryzna* было действительным заимствованием в чешском и т. д., то оно непременно связалось бы с исконным *trýzeň* и под. Здесь уместно напомнить о следах тризны, обнаруживаемых в последнее время и у южных славян (см. *Filipović M.* Tragovi staroslovenske (staroruske) trizne kod Južnih Slovena. — In: Radovi Naučnog društva Bosne i Hercegovine. XXVI, Odjeljenje istorijsko-filoloških nauka, knj. I. Sarajevo, 1966), при том, что слова, которые связывают с **trizna*, имеют нестандартную звуковую форму, ср. *trzna* 'ledina', *trze*, *trza*, *trzan* и др. (=«kasno jagnje u proleće koje se pusti da čitavog leta sisa majku, da bi se, na taj način ugojeno, zaklalo u svečanim prilikama»), а также боснийско-герцеговинские топонимы типа *Trzanj*, *Trzna* и т. п. В этой связи особенно существенно указание, согласно которому в этих говорах возможен переход *ri* или *iri* (чакавск.) в *r̥* иначе говоря: **trizna* > *trzna* и под. См.: *Vuković J.* Još jedan prilog tumačenju stsl. reči *trizna* (*tryzna*). — In: В памет на професор Стойко Стойков (1912—1969). Езиковедски изследвания. София. 1974, с. 591—953; *Idem.* Glasovno-morfološka i morfološko-semantičke evolucje dveju praslovenskih reči (*trizna*, *-lъža*). — In: Glasnik Zemaljskog muzeja — etnografija, nova serija XXVI. Sarajevo, 1971. — Очевидно, анализ праслав. **trizna* и его продолжений требует учета и этих форм (**tr̥z-*, **tryz-*).

lamentis est defletus, stravam super tumulum ejus, quam appellant ipsi, ingenti comessatione concelebrant. . . («De getarum origine et rebus getis», Cap. 49), вполне сопоставимом с древнерусскими описаниями, в которых в соответствии с *stravam* выступает *тризна*. Ср. ...да поплачюсѧ надъ гробомъ его, и створю трызну мужю своему. Лавр. летоп. (945) [23], а также непосредственно предшествующий фрагмент: и посла къ Деревлѧномъ рькущи сице. се оуже иду к вамъ. да пристроите меды многи (ср. ingenti comessatione) въ градѣ идеже оубисте мужа моего. Эти *меды многи* в связи с тризной и *stravam* отсылают к диалектному *тризна*, обозначающему 'выпиваемое во время поминального угощения вино или смесь из пива, меду, браги' [24] (ср. *пивомедие*). Конечно, *тризна* как обозначение ритуального напитка могло возникнуть относительно поздно по метонимическому признаку. Но в данном случае важнее показать, что *тризна* могло иметь то же значение, что и *strava*, что оба эти термина относились к одному и тому же моменту погребального обряда и что, наконец, в этих условиях взаимодействие между слав. **trizna* и **try-* (**trav-* и т. п.) не являлось бы чем-то экстраординарным [25]. Именно праславянский переход $*\bar{u} > *y$ фонетически сблизил эти две разные группы слов. При наличии же известной близости их значений этого могло оказаться достаточным для порождения скрещенных форм разной степени сложности (ср., напр., вариант **tryti* : **tryzna* (: **trizna*), подобно **koriti* : **u-korizna* и др., при котором название тризны может мотивироваться — хотя бы частично и приблизительно — идеей пиршества, кормления, угощения). Кстати, нужно заметить, что и церковнославянские примеры, относящиеся к данной теме и обычно игнорируемые, содержат в себе ряд неясностей подобного же рода: так, при *тризна*, *трызна* отмечены приставочные образования *натризнити* 'насмеяться', *натрызнити* (καταστῆσαι), *натрыжнениѥ*, *натрыждениѥ* 'борьба',

---

[23] Ср. близкие вариации: и плакасѧ по мужи своемъ и повелѣ людемъ своимъ съсути могилу велику... и повелѣ трызну творити. посемь сѣдоша Древлѧне пити. Лавр. летоп. (945 г.) или: аще кто оумрѧше, творѧху трызно надъ нимъ. Лавр. летоп. (вводн. часть, см. ПСРЛ I, с. 14) и др. Ср. также *ни плача безмѣрнаго*. . . в «Житии князя Константина Муромского».

[24] См. Словарь современного русского литературного языка, т. 15. М.—Л., 1963, с. 966: На похоронных обедах сливают вместе виноградное вино, ром, пиво, мед и пьют в конце стола. Это называется «тризной». (Мельников-Печерский); Во многих местах России, особенно на заволжском севере, вино, выпиваемое в память покойника на сорокоустах, так-таки и называется «тризною» (Е. Марков).

[25] Интересно, что и здесь возникает смысл 'тереть', 'растирать'; ср. сербск.-ц.-слав. *трыти* τρίβειν, болг. *трия* 'тру' и т. п. Само же др.-греч. τρίβω, помимо 'тереть', 'растирать' и под., обозначает: 'мучать', 'изводить', 'уничтожать', 'потреблять', 'тратить', 'проводить' (о времени) и т. д. Вместе с тем, слав. **try-* ($< *tr\bar{u}$-) родственно др.-греч. τρύω 'мучать' и т. д., не говоря об этом слове с другими расширениями в древнегреческом и других индоевропейских языках.

но и *натръжениѥ* 'борьба' (*подвигъ натърженꙗ съ дързновениѥмь въсприимъ*. Мин. 1096 г., сент. 100), *натръжнениѥ*, то же' ср. *натрижнениѥ* (σκάμμα), см. Срезневский 2, с. 342. В свете форм со старым слоговым сонантом (**tṛzn-* > **trъzn-*) уместно — хотя бы теоретически — допустить, что формы *трызн-* могут не только быть результатом известных колебаний *ри* : *ры* (ср. *крило* : *крыло*, *гриб* : *грыб* и т. п.), но и предполагать в качестве исходной форму типа **trūzn-* (> **tryzn-*), что возвращает нас к обстоятельствам западнославянских примеров.

Связывая слав. **trizna* с ц-слав. *тризь* 'трехгодовалый' (о животном), О. Н. Трубачев не только объясняет словообразовательные сложности, но и дает наиболее убедительную семантическую мотивировку слова, обозначающего тризну, когда оно кодирует определенную реалию, связанную именно с жертвоприношением: «Слав. *trizna* могло, таким образом, иметь значение 'жертвенное заклание трехгодовалого животного'» [26]. К этому можно добавить не только языковую отмеченность, особую выделенность слов со значением 'трехлетний', 'трехгодовалый' (ср. рус. *третьяк*, с.-хорв. *трѐħāк*, блр. *трызíмак* и т. п., не говоря о старых индоевропейских образованиях типа др.-греч. τρι-έτης, τρι-ετής, лат. *triennis*, *triennālis*, др.-инд. *tri-vatsá*, *tri-varṣa* и т. п. — часто, но далеко не всегда, применительно к животным), но и весьма распространенное в разных традициях принесение в жертву именно т р е х г о д о в а л о г о животного. Такое предпочтение определяется не только и даже не столько особой ролью числа т р и и самой идеи т р о и ч н о с т и в мифопоэтических традициях, сколько более специализированными мотивами, о которых вкратце см. ниже. Поэтому, строго говоря, в образованиях с элементом -*z*- типа ц.-слав. *тризь*, с.-хорв. *двӥзе* 'двухлеток' (овца или баран), *двӥзāк*, *двӥзац* 'двухгодовалый баран' первоначально не содержалось ни указания на в о з р а с т (годы) [27] (в отличие от приведенных выше сложных слов с вторым элементом, обозначающим 'год'), ни указания на ж и в о т н о е (это указание не что иное как результат «сокращения» полных сочетаний типа *коза триза* или *treigỹs veršis* и т. п.). Можно думать, что элемент -*z*- в слав. **trizь* (как и -*g*- в лит. *treigỹs*) указывал к р а т н о с т ь,

---

[26] См.: *Трубачев О. Н.* Указ. соч., с. 135.

[27] То же относится даже к регулярному типу в литовском (*dveigỹs*, *treigỹs*, *ketvérgis*, *penkérgis*, *šešérgis*, *septynérgis*, *aštuonérgis*, *devynérgis*, *dešimtérgis*, *šimtérgis*,), где значение 'имеющий столько-то л е т' стало принудительным. См. *Skardžius*. Lietuvių kalbos žodžių daryba. Vilnius, 1943, с. 103; Lietuvių kalbos gramatika. Vilnius, 1965, I, с. 576 и др. По мере возрастания числового ряда все более обнаруживается тенденция к отклонению от указанной принудительности, ср. *ketvérgis* (*ketvergė*) 'keturių akių korta', *ketvérgė* 'монета в 20 коп.', 'монета в 40 коп.'; *penkérgis* 'susidedantis iš penkių vienetų' (Penkérgis žvakių svaras), *penkérgė* 'монета в 25 коп.'; *aštuonérgė* 'aštuonių akių korta' и т. п. (см. LKŽ I, с. 345; V, с. 665; IX, с. 788 и др.), ср.: рус. *четвéрг*, ц.-слав. *четвьргъ* с тем же элементом или даже др.-в.-нем. *zwîg* 'ветка', нем. *Zweig*, англ. *twig* и т. п.

многочастность определяемого этим словом объекта [28], которая у балтов и славян чаще и устойчивее всего реализовалась в связи с возрастом животного. Таково, собственно, положение и в других индоевропейских языках, где идея трехчастности выражается сочетанием числительного «три» с чистым суффиксом или даже суффиксообразным элементом, сохраняющим связи с полнозначными словами (ср. др.-греч. τρι-πλόος /-πλοῦς/, τρί-πλαξ, лат. *triplex*, нем. *dreifach*, с.-хорв. *трдгуб*, *трдкратан* и др.).

В силу сказанного нельзя исключать возможность и других мотивировок слав. **trizna* (кроме указания на трехгодовалость жертвенного животного) в связи именно с жертвоприношением при погребальном обряде. В архаичных традициях эволюция жертвоприношения реконструируется на основании огромного количества данных обычно в следующем порядке (в направлении к прошлому): бескровная жертва ← жертва некрупного, относительно недорогого (часто именно трехгодовалого) домашнего животного (← жертва трех таких животных) ← жертва трех животных разных видов (напр., конь — корова — овца или корова—овца—коза, или коза—свинья—петух и т. п.[29]) ← сосуществование трех возможных жертв (нередко сменяющих друг друга в эволюции): человек, домашнее животное, дикое животное ← жертва отмеченного числа (в частности, трех) юношей, девушек и т. д. Данные славянской археологии, этнографии, ранние исторические свидетельства и т. п. позволяют с бо́льшим или меньшим вероятием восстановить все этапы этой схемы, причем почти все ее звенья, кроме самых ранних, засвидетельствованы совершенно бесспорными источниками. Поэтому напрашивается предположение, согласно которому на более ранних этапах слав. **trizna* могло мотивироваться иначе. Так, оно могло, видимо, обозначать т р е х животных одного или разных видов. Характерно, что ц.-слав. *триз-* появляется трижды именно в контексте, описывающем тройную жертву трехгодовалых домашних животных: *Възми ми ю н и ц у тризу и к о з у тризу и о в е н ь тризь.* Быт. XV, 9. Сбор. Волог. XV в. Аналогичную ситуацию можно предполагать и у древних славян и балтов. Не имея здесь возможности говорить об этом подробнее, приходится ограничиться лишь минимумом необходимого. В одной из цитировавшихся выше работ указывалось, что из четырех стад, фигурирующих в восточнославянских сказках, которые продолжают основной миф, и четырех

---

[28] Похоже (особенно в случае **trizь*, *treigỹs*), что такие образования указывали не только на многосоставность, но и на ее завершенность, целостность. В этом смысле мифопоэтические триады потому и сакрально значимы, что состоят не из случайных элементов, а из элементов так или иначе репрезентирующих устойчивую трехчастную модель вселенной.

[29] И здесь эволюция обычно определяется переходом от триад более ценных животных к менее ценным. Ср.: *suovetaurilia* (свинья, баран, бык) у италиков, см. *Dumézil G.* Tarpeia. Paris, 1947, с. 117—122, отчасти: *Иванов В. В., Топоров В. Н.* Исследования в области славянских древностей. М., 1974, с. 64—65, 116 и др.

видов животных, участвующих в обряде жертвоприношения, т р и являются общими — конь, корова, овца (введение четвертого животного или стада, подтверждаемое и другими данными (ср. римские и древнеиндийские ритуалы [30]), объясняется, видимо, четырехчленной моделью мифопоэтического космологического пространства и соответственно Перуна, ведущего борьбу за этих животных). Есть, разумеется, и более очевидные примеры тройной жертвы, ср. в описании латышского ритуала (1610 г.): . . . eique immolare j u v e n c a m nigram, h i r c u m nigrum et g a l l u m nigrum. . . [31] или особенно в описании погребального обряда в память литовского князя Швинторога, содержащемся в западнорусских летописях и у М. Стрыйковского. Вместе с Швинторогом сжигают сокола, коня и хорта (собаку). Эта териоморфная триада кодирует три вертикальные зоны: верх—середина—низ, подобно тому как эти же зоны соотносятся с туром, волком и змеями в легенде об основании Вильнюса (ср. тех же животных в былинах с той разницей, что там выступает *лютый зверь*, обычно идентифицируемый именно с волком). Тройная жертва такого типа сочетает в себе аспект дифференцированности с аспектом целостности и соотносится с вертикальной структурой пространства, актуализируемой именно в погребальных обрядах в связи с оппозицией ж и з н ь — с м е р т ь. Впрочем, известны и другие типы соотнесения тройной жертвы. Анализируя мифы о жертвоприношении, различающие три рода смерти, Дюмезиль высказал предположение, согласно которому каждый род смерти влечет за собой ритуал одной из трех социальных функций [32]. Полный жертвоприносительный ритуал предполагает объединение всех трех частных видов похоронного обряда. На основании значительного индоевропейского материала, в частности, и славянского, поставлен вопрос о тройной жертве, соотносимой с социальной структурой общества [33]. Поскольку сам похоронный обряд может предполагать сожжение в о г н е, утопление в в о д е или погребение в з е м л е, тройной ритуал соотносится и с тремя стихиями. Испытать все три смерти значит исчерпать весь возможный опыт («пройти сквозь огонь и воду, и медные трубы», по ветхозаветному выражению), преодолеть все препятствия и обеспечить свою посмертную жизнь. Тройная жертва гарантирует полноту соответствующего ритуала и достижение всех решаемых им задач. Не исключено поэтому предположение, что и такое понимание

---

30 См. *Dumézil G.* Religion romaine archaïque. Paris, 1966.

31 *Šmits P.* Latviešu tautas ticējumi. Rīgā, 1940, N 23119, с. 1400.

32 См. *Dumézil G.* La Saga de Hadingus. Paris, 1953, с. 118—159; ср. *Idem.* Triades de calamités et triades de délits à valeur trifonctionelle chez divers peuples indo-européens. — Latomus. Revue d'études latines, t. XIV, 1955, p. 173—185.

33 См. *Ward D. J.* The Threefold Death: An Indo-European Trifunctional Sacrifice. — In: Myth and Law among Indo-Europeans. Berkeley—Los-Angeles, 1970, p. 123—142; *Talley J. E.* The Threefold Death in Finnish Lore. — Ibid., p. 143—146.

тройной жертвы в принципе могло служить мотивировкой слав. *trizna, хотя и оно так или иначе соотносится с тремя членениями по вертикали и их атрибутами: верх-небо — огонь, боги, будущее; середина-земля — земля (стихия), люди, настоящее; низ-подземное царство — вода, покойники, прошлое. Ведийская традиция жертвоприношения, отличающаяся исключительной полнотой, многообразием и способностью эксплицировать те смыслы, которые обычно остаются скрытыми в других традициях, вся ориентирована на соотнесение жертвы со структурой мира. Более конкретно это соотнесение предполагает, что три мира (или трехчастный мир) отвечают трем жертвам (или расчленению жертвы на три части [34]), независимо от того, как эти жертвы осуществляются (животные, лепешки, сома, возлияния, возглашения, литургические формулы, слоги, которые поются особым образом, поэтический размер (*triṣṭubh*) и т. п.); единственное непременное условие, что бы их было три, по числу миров, само название которых отражает основную тему всего погребального обряда — смерть (*pitṛ-loka-* 'мир предков', собств. — 'отцов', т. е. мир мертвых): жизнь (*jīvaloka* — 'мир людей', собств. 'живых'): бессмертие (*deva-loka* — мир бессмертных, собств. — 'богов') [35]. Число примеров, где троичность жертвы объясняется в связи с троичностью вселенной, огромно; можно сказать, что само указание связи жертвенной и космологической триады для определенного класса ритуальных текстов является непременным элементом текста [36]. Поэтому здесь более существенно указать на постоянство, с которым в этих

---

[34] Ср.: t r e dhāvibhaktaṃ juhoti, traya ime lokā. Тайтт.-Самх. V, 4, 3, 3 «он приносит жертву, расчлененную на три части, (ибо) три этих мира» и т. п. Возвращаясь в связи с этим мотивом к теме славянской тризны, уместно иметь в виду и несколько другой аспект проблемы, находящий основание в сообщении Ибн Фадлана и уже давно оцененный как объяснение слав. *тризна*. О. Н. Трубачеву автор обязан указанием на следующее наблюдение (как и на ряд важных работ о тризне): «Ибн Фадлан говорит о разделении имущества покойного на три части, из которых одна идет на погребальное пиршество, и это известие совершенно удовлетворительно объясняет происхождение славянского слова *тризна*, которым обозначалось погребальное пиршество или поминки». См. *Иловайский Д. И.* Разыскания о начале Руси. Изд. 2. М., 1882, с. 31. Ср. также: «Что же касается богатого, то собирают то, что у него имеется, и делят на три трети, причем [одна] треть — для его семьи, [одна] треть на то, чтобы на нее скроить для него одежды, и [одна] треть, чтобы на нее приготовить набиз, который они пьют до дня, когда его девушка убьет сама себя и будет сожжена вместе со своим господином». См. *Ковалевский А. П.* Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Харьков, 1956, с. 143, 245 (ср. с. 140: о самобичевании ремнями и плаче над покойным — в связи с отмеченными выше мотивами).

[35] Ср. Каушит.-Брахм. 20, 1. Интересно, что сам мир предков в индоевропейской традиции (вед. *pitṛloka-*) может обозначаться словами, использующими семантический элемент «три», ср. τρι(το)πάτορες 'прапрадеды', лат. *tritavus* и т. п. Об отношении этой тройственности к вновь умершему см. *Трубачев О. Н.* Указ. соч., с. 135 (с интересным белорусским примером).

[36] Подробно см. *Gonda J.* Triads in the Veda. Amsterdam, Oxford, New York, 1976, p. 59, 63, 67, 86, 93 и др.

текстах выступает сочетание числительного «три» и названия жертвы или действия жертвоприношения (ср. *yajñá-* — *yaj-* : *yájati*, *-te*; *havíṣ* — *hu-* : *juhóti*). Эти сочетания или прерывны, или составляют одно целое, представленное сложными словами [37], ср. *tri-haviṣ* и даже (редко) *tri-yajña-* [38]. Именно последние формы представляли бы собой особый интерес в связи с возможностью понимания тризны (**trizna*) как тройной жертвы. В древнеиранской традиции, генетически тесно связанной с ведийской, в качестве соответствия к *tri-yajña-* выступало бы нечто вроде авест. **ϑri-yasna-* (ср. авест. *yasna-*, *yasnya-*, *yesnya-*, *yazata-*, к *yaz-* : *yazaⁱte*, ср. др.-перс. *yadataiy*) [39], ср. еще х.-сакск. *gyaysna-* (*gyays-*), н.-перс. *ǰašn* 'праздник' (ср.-перс. *yaštan* 'почитать'), *īzad* 'бог', осет. диг. *izæd*, осет. ир. *zæd*, ягноб., шугн. *izzát* и т. п.; ср. также согд. *yz-* 'жертвовать' и др. Иначе говоря, можно думать о существовании старых иранских форм типа **ϑri-yazna-*, **ϑri-yezna-*, *ϑri-yizna-* и т. п., весьма близких и по значению и по форме к слав. **trizna* (: **ϑri/ye/zna-* ?).

Во всяком случае наличие (гипотетическое) в одном и том же (на юге России) ареале или в смежных ареалах славянской и иранской форм указанного типа может подтолкнуть исследователя к некоторым новым продолжениям в этой теме [40]. В частности, встает вопрос о возможных отражениях слова того же корня, что и в др.-инд. *yajati*, авест. *yazaⁱtē* (индо-иран. **yag* : **ig-* как нулевая ступень) в славянском. В свое время Потебня проницательно указал на возможность связи с этими словами слав. **jьgra* [41] («и г р а означает собств. *восхваление и умилостивление божества* (пением, пляской)»; *-ra* — суффикс). Эта идея была забыта или отвергнута (ср.: «Неприемлемо. . .» Фасмер 2, с. 116, с предложением этимологии, лишенной серьезных оснований). Верно нащупав связь, Потебня, однако, был очень неточен в деталях. Поэтому сейчас его этимология может если не быть реабилитированной, то во всяком случае получить в свою пользу дополни-

---

37 Есть и промежуточные случаи; *triṣavano yajñaḥ* — тройная жертва (в связи с тремя мирами) в Джайм.-Брахм. 2, 431 и т. п.

38 Ср. *triyajña* как *yajñeśá* 'повелитель жертвы', *tribhir veda ijyate* 'Веда почитается тремя' (см. *Böhtlingk*. Sanskrit—Wörterbuch in kürzerer Fassung. Bd. 3. SPb., 1882, S. 53) или как *tri-akṣa-* 'трехглазый' (см. *Monier-Williams M*. A Sanskrit-Englisch Dictionary. Oxford, 1970, p. 460, 462), ср. выше о тройке (трехочковой карте) в других языковых традициях

39 См. *Bartholomae*, с. 1270—1271, 1273—1274.

40 Если эта гипотеза приобретет некоторые дополнительные аргументы в свою пользу, то более или менее естественно возникла бы идея связи между авест. *daiva-yasna* (*daevayasnā*) 'почитатель дэвов', точнее его прототипом и славянскими обозначениями *Verbascum* (коровяк) типа болг. *дивизна*, с.-хорв. *дйвизна*, чеш. *divizna*, польск. *dziwizna* и др., в.-луж. *dźiwizna* и т. д., понимаемыми как «божественное пламя» (свеча), ср. нем. *Himmelbrand*, *Königskerze*, *Marienkerze* и т. д. Ср. дакийск. διέσεμα 'Verbascum'. См. *Sławski* I, с. 288; *Machek*¹ с. 88; БЕР I, с. 385 и др.

41 См. *Потебня А. А.* К истории звуков русского языка. Этимологические заметки. Варшава, 1883, 4, с. 58 и др., а также *Преображенский*, с. 264.

тельные аргументы. Выше уже указывалось, что лат. *illudere* (в частности, — 'играть', ср. *lūdere*, *lūdus* и др.) определяло чеш. *tryznovati* и, следовательно, давало повод к условной реконструкции-уравнению: *tryzn-* : *trizn-*='игра'. Ритуальное значение славянских слов с значением 'игра' сейчас вне всякого сомнения. Ср. хотя бы в русских говорах такие смыслы этого слова, как 'хороводная игра, изображающая обряд сватовства', 'свадьба', 'торжество', 'праздник', а также 'свадебная песня', 'пляска', 'танцы', ср. *игра́ть* 'водить хороводы', 'петь песни', 'танцевать', 'плясать' (наконец, — 'участвовать в играх', причем во многих фразеологических сочетаниях, включающих и обозначение игры, сама эта игра является выродженным обрядом) [42]. Примеры из других славянских языков и исторические свидетельства о бесовских игрищах [43] могли бы еще очевиднее подтвердить ритуальный характер игры у древних славян, причем в ряде случаев игра связана именно с жертвоприношением. Любопытно, что слав. **jьgra* указывает на особую роль словесной части ритуала (помимо указанных примеров, ср. *игре́ц* 'певец', *игри́ца* «женщина, поющая на свадьбе»; ср. «Игри́цами называют баб, величающих присутствующих на княжом столе» и т. п., с. 70—71 и др.), что сближает славянские данные прежде всего с иранской традицией, ср. *yasna-* как название одной из частей Авесты, где, собственно, и происходит величание, почитание в слове (ср. *yazaᵛtē*). Возможно, что в этом контексте получат свое наиболее естественное объяснение такие, до сих пор игнорируемые факты, как брянск. *трызни́ть* 'говорить постоянно об одном и том же' (ср.: *Годе табе трызнить! Як ты не бачыш, што тебе нихто не слухае*) [44]; блр. *тры́зьніць* 'гаварыць праз сон' (ср.: *Хворый усю ноч трызьніў*), 'бредить', 'грезить' (ср. *тры́зніцца* 'бредиться', 'мерещиться', 'чудиться', *тры́зненне* 'глубокий бред') и т. п.[45] Также получает разъяснение и непонятое

---

[42] См. Словарь русских народных говоров, вып. 12, 1977, с. 65—74. Ср. еще *игре́ц* 'нечистый дух', 'бес', 'домовой' и т. д. В связи с значением 'петь песни' ср. непонятное рус. диал. *ижа́ть*: *ижа́ть песни* 'петь песни' (с. 80). Не из **jьg-i̯a-ti* ли (к **jьg-ra*)? Если это так, то найдена форма без элемента *-r-* (ср. еще *ижи́нька* 'милая', 'ненаглядная'?).

[43] Ср.: [и] браци не бываху в них. и игрища межю селы. схожахусѧ на игрища на плѧсанье. и на всѧ бѣсовьскаꙗ игрища. и ту оумыкаху жены собѣ. . . [и] аще кто оумрѧше творѧху трызно надъ нимъ. Лавр. летоп. 14 или особенно: Того ради не подобаеть хрьстьяномъ въ пирехъ и на свадьбахъ бѣсовьскыхъ игръ играти, аще ли то не бракъ наричется нъ идолослужение. — Иже есть пляска, гоудьба, пѣсни мирьския, — сопѣли, боубьни, и вся жертва идольска, иже молятся огневи подъ овиномъ, виламъ, Мокошьи, Симоу, Рьглоу, Пероуноу, Волосу скотью богу, Хърсоу, родоу, рожаницямъ и всѣмъ проклятымъ богомъ ихъ. — «Слово некоего Христолюбца», см. *Аничков Е. В.* Язычество и Древняя Русь. СПб., 1914, с. 376.

[44] *Расторгуев П. А.* Словарь народных говоров Западной Брянщины. Минск, 1973, с. 262.

[45] Беларуска-рускі слоўнік. М., 1962, с. 926; *Бялькевіч І. К.* Краёвы слоўнік усходняй Магілёўшчыны. Мінск, 1970, с. 445 и др. К значению 'бредить'

до сих пор рус. ц.-слав. *натризнити* 'насмеяться', упоминавшееся выше: ср. рус. диал. *игра́ть* 'издеваться', 'тешиться', 'злорадствовать', *игра́ться* 'насмехаться', 'издеваться', 'тешиться', 'глумиться' (с. 69, 70). Такому развитию значений не приходится удивляться, так как лат. *lūdere* означает не только 'играть', 'плясать', но и 'резвиться', 'шалить', 'шутить', 'насмехаться', 'высмеивать', 'дразнить'; вместе с тем *lūdus* сохраняет не только эти последние значения (ср. *per ludum jocumque* 'шутя', 'в шутку' у Теренция и Цицерона), но и те, которые объединяют это слово с слав. **trizna*, ср. 'публичные игры', 'состязания' (в частности, на Марсовом поле — *lūdus campestris*. Цицерон) и т. п.

Разумеется, существуют некоторые фонетические трудности в объяснении связи слав. **jьgra* с др.-инд. *yaj-* (*yăg-*), авест. *yaz-*, др.-греч. ἅζομαι (< *ἅγι̯ομαι), ἅγι̯ος, ἁγνός 'чистый', 'святой' и т. п. (весьма существенны такие слова, как ἁγισμός 'погребальная жертва', 'священное жертвоприношение', ἁγιστεία 'священный обряд', 'культ огня' и др.) и возведении его к и.-евр. **i̯ag-* 'religiös verehren' (**i̯agos* 'почитание') [46]. Не исключено, что нужно считаться с какой-то нерегулярностью: так, напр., можно думать о **i̯og-* > **jьg-*, подобно местоимению **i̯os* > слав. **jь* (балт. *jis*) или об исходной форме с «шва»: и.-евр. **i̯ₔg-* > слав. **jьg-*. Если слав. **jьgra* окажется действительно принадлежащим к этому кругу, то прибавится еще одно указание на гетероклитическое образование с *-n-* : *-r-* (не исключено, что формы с *-r-* можно обнаружить не только в славянском; ср. др.-греч. ἀν-ιγρός 'печальный', 'тягостный', 'неприятный' и т. д., см. выше об этих значениях в связи с слав. **trizn-*; ср. также ἀν-ιγρόν· ἀκαθάρτον, φαῦλον, κακόν, собств. — 'лишенный почитания, сакральной чистоты' и т. п.)[47]. Все эти соображения, конечно, нуждаются в обсуждении и проверке. При этом следует иметь в виду, что и *yajña-*, и *yasna-*, и ἅγνος, и **jьgra* отсылают нас к идее сакральной отмеченности и почитания, а не жертвы как таковой (заклание и т. п.). В этих обстоятельствах понятно различие слав. **jьg-* 'религиозно почитать' и **žьrtva* 'жертва'.

Существуют и другие возможности семантической мотивировки слав. **trizna* даже при том ограничении, что это слово производно от числительного **tri-* и так или иначе относится к жертвоприношению. Др.-греч. τρίτα (sc. ἱερά) как обозначение заупокойного жертвоприношения на третий день после

ср. представление о снах, ночных видениях, бреде как порождениях подземного царства, посылаемых человеку во сне (другой вариант предполагает, что эти явления связаны с путешествием души спящего в царство смерти).

[46] *Pokorny*, с. 501. Бенвенист исходит из **i̯eg-* (**yeg-*), что позволяет думать о ряде **i̯eg-*: **i̯og-*: **i̯ₔg-*, объясняющем индо-иранские формы (но не древнегреческие).

[47] Теоретически допустимо думать и о слав. **tri-jьg-* (**tri-jьg-n-*) > *tri*(*i*)*z*(*n*)-, подобно др.-инд. *tri-yajña-* и др.

смерти [48] или платоновское *τριταία ἐκφορά* ‘вынос (тела) на т р е т и й день’ (наряду с рядом других аналогий в индоевропейских языках) соотносятся не только с тем, что обозначается как «Хрьстово т р и д ь н е в ь н о ѥ лежаниѥ въ срци земльнѣмь», «т р и д ь н е в ь н о ѥ въскрьсенїе» и т. п.[49], но и с известными языческими обычаями (в частности, и у древних славян) не предавать покойного погребению в течение т р е х дней, когда, видимо, и совершается погребальный обряд во всей его полноте [50].

Какими бы многообразными ни были возможные смысловые мотивировки слав. **trizna*, они, видимо, всегда могут быть соотнесены с числительным т р и, а само слово так или иначе всегда связано со с м е р т ь ю через погребальный обряд. Эта связь т р е х со смертью может быть введена в значительно более широкий контекст с теми же участниками. В недавней работе этот контекст, образующий определенный сюжет, был проанализирован подробно [51], и поэтому здесь можно суммировать только те основные соображения, которые наиболее непосредственно связаны с темой этой статьи. Речь идет прежде всего о сюжете, в котором участвуют мифологические или сказочные герои, чье имя значит «третий» (ср. др.-инд. *Trita*; авест. *Θrita*, *Θraētaona*, позже *Frētōn*, *Farīdūn* и т. д.; рус. *Иван Третéй*, *Третьяк*, *Третий брат* в сказках типа 301 по Аарне-Томпсону и т. д.). Преданный своими братьями, которые нередко обозначаются как «Первый», «Второй» (ср. *Ekata*, *Dvita* — братья *Trita*’ы и т. д.), «Третий», младший из братьев, оказывается в колодце, яме, воде [52], подземном царстве

---

48 Ср. *τρίτα* (*ἆθλα*) ‘третий приз’ (см. выше).

49 Ср. рус. диал. *третúны*, поминки по умершему через три недели после его смерти. Деулинский словарь, с. 564.

50 Поскольку в слав. **jьgo*, кажется, не получили развития временны́е значения, наличие др.-инд. *tri-yuga-* ‘три поколения’, ‘три мировых периода’ (ср. хетт. *dāi̯uga-* ‘двухлетний’) не дает основания для реконструкции слав. **tri-jьg-*, которое также могло привести к форме **triz-*. В невременно́м значении подобное образование встречается и в лат. *trīga* ‘трехконная упряжка’ (из **tri-i̯ug-*), ср. *bīgae* (из **bi-i̯ug-*) и т. п. Мотив троичности выступает и в пространственном плане в фрагменте из «Хроники» Козьмы Пражского, где говорится о запрещении (в 1092 г.) особых празднеств в честь умерших (возможно, речь идет именно о тризне; ср. близкие по типу описания в русской традиции): item sepulturas, quae fiebant in silvis et in campis, atque scenas, quas ex gentili ritu faciebant in biviis et t r i v i i s, quasi ob animarum pausationem, item et jocos profanos, quos super mortuos suos inanes cientes manes ac induti faciem larvis bachando exercebant (III, 1). — *Jocos profanos* отсылает к традиции ритуального осмеяния во время похоронного обряда, описанной М. М. Бахтиным и В. Я. Проппом. Само же лат. *jocus* ‘шутка’, ‘то, что осмеивается’, ‘шуточная песня’, ‘игра’, ‘веселье’ и т. п. восходит к и.-евр. **i̯ek-*: **i̯ok-* ‘говорить’ (в частности, о торжественной, ритуализованной речи, ср. умбр. *iuka*, *iuku*. Acc. Pl. ‘молитва’, ‘мольба’, оск. *iúkleí* ‘in consecratione’ и т. д., см. *Pokorny*, с. 503), образующему параллель к и.-е. **i̯eg-* (ср. **jьgra*), ср., напр., др.-инд. *yajñá*: *yācñá* ‘просьба’, *yájati*: *yácati* и т. п.

51 *Топоров В. Н.* Авест. *Θrita*, *Θraētaona*, др.-инд. *Trita* и др. и их индоевропейские истоки. — Annali di Ca’ Foscari, 1977, XVI, 3, с. 41—65.

52 Ср. *Иван Водович*, *Trita Āptya*, *Āϑwya*, т. е. ‘водный’. Сюда же следует от-

(иногда тройного состава) и т. п. образах смерти, но он побеждает препятствия (иногда добывает мертвую и живую воду) и возвращается на землю победителем, получает в награду царскую дочь и царство. Трита находится в воде, в нижнем мире, но он постоянно взывает к Небу и Земле, обозначая тем самым весь тройной состав Вселенной. Поскольку персонажи этого рода связаны преимущественно именно с нижним миром, смертью, а в архаичных космогонических текстах нижний мир вводится в описание третьим (после Неба и Земли), то возникает соблазн видеть в «тройных» именах Триты, Трайтаоны, Третьяка (Ивана) указание на третье царство, преисподнюю, куда они спускались, разыскивая живую воду. Каждый из этих персонажей хозяин третьего царства (или его пленник), который, однако, преодолевает смерть и восстанавливает космогоническую связь нижнего мира с Небом и Землей. Уместно здесь напомнить о многочисленных текстах (напр., древнекитайских), в которых элементы мироздания обозначаются по принципу: Небо — это один (первое), Земля — это два (второе), Нижний мир — это три (третье). Таким образом, слав. **trizna* может быть включено в эту тройственную схему именно в связи с темой смерти и третьего царства (преисподней). Точность выполнения погребального ритуала обеспечивает преодоление смерти, возрождение к новой жизни, к восстановлению контактов с двумя другими мирами, т. е. к новому созданию тройного состава Вселенной. Если вспомнить, что генетически «Третий» является младшим сыном Громовержца, наказанным им смертью (часто как раз с помощью расчленения, размельчения, раздробления, растолчения, растирания его тела) [53],

---

нести и др.-греч. Τρίτων, имя морского божества (позже во множ. ч. — 'морские демоны'; Геродот IV, 188 сообщает о ливийском (якобы) божестве Тритоне, связанном с водами (ср. там же реку Тритон и озеро Тритониду), восседающем на треножнике (см. выше) и предсказывающем будущее), а также др.-ирл. *triath* 'море' (Gen. *trethan*), возможно, иллир. *Tritanus*, *Tritano*, *Tritanerus* и т. п. В Эдде упоминается мифологический персонаж, занимающий самый высокий (третий) престол, — *Þriði*, собств. — 'третий' («Видение Гюльви» в «Младшей Эдде»), рассказывающий о Муспелле (здесь — страна огня), который в одном древненемецком тексте X в. соотносится с концом мира, страшным судом, смертью.

Особенно важен в этом контексте образ Триптолема ((Τριπτόλεμος), мифологического царя Элевсина, родоначальника земледелия и изобретателя плуга, олицетворявшего тройную вспашку, по смерти же — судьи подземного царства. Триптолем теснейшим образом был связан с Деметрой, которая обучила его элевсинским таинствам; он ввел в Элевсине культ Деметры и стал ее жрецом. Частые в вазовой живописи изображения Триптолема в виде мальчика или бородатого мужа со скипетром или со связкой колосьев и чашей вина в руках перед Деметрой (как и более редкий мотив: Триптолем в крылатой колеснице, запряженной змеями) также ориентируют на архаичный комплекс «жизнь — смерть» и на три космических зоны, в которых он реализуется. Ср. также Τριτογένεια.

[53] Ср. тип *Джон Ячменное зерно* или мифы о появлении опьяняющего напитка из растертого в пыль культурного героя. Ср. обычную игру слов в связи

но преодолевшим смерть (ср. др.-греч. νέκταρ, напиток бессмертия; ταρ- — и.-е. *ter- : *tr̥- 'преодолевать', 'побеждать', согласно известному исследованию П. Тиме) и многократно увеличившим свою плодородную силу, то его образ как раз и реализует идею вечной смены в цикле ж и з н ь—с м е р т ь—ж и з н ь, вечного преодоления, проникновения, проницания по вертикали всех трех миров. Именно поэтому связь персонажа, кодируемого как «Третий» (*trityo- и т. п.) с этими действиями оправдана и семантически и формально; ср. и.-е. *ter- (*terə-, *teri-, *trēi-, *tri- и с расширениями) 'тереть', 'растирать' [54], 'сверлить' и *ter- (*terə- : *tr̥̄-, *trā-) 'преодолевать', 'достигать', 'спасаться' [55] и ряд образований от этих корней, практически не отличимых от производных от и.-евр. числительного т р и. Естественно, что вопрос о соотношении этих элементов нуждается в дальнейшем исследовании. Тем не менее, сама густота слоя ассоциаций мотива троичности с темой смерти, загробного мира, жертвоприношения производит достаточно внушительное впечатление и не может быть отнесена за счет случая.

с Тритой: Боги с т е р л и этот грех на Т р и т у. Т р и т а с т е р его на людей» (ср. Атхарваведа VI, 113, 1).

[54] Ср. лат. *trīticum* 'пшеница' (т. е. 'растертая') при *terō*, *trīvī*, *trītum* и т. п. Любопытно, что загадка-шутка *три, три и три; что будет*? (ответ: д ы р к а (как результат т р е н и я) предполагает игру между формами числительного т р и (ложный ответ: д е в я т ь как сумма трех т р и) и глагола т е р е́ т ь.

[55] См. *Pokorny*, с. 1071—1075. Ср. также соответствующие предложно-наречные формы типа др.-инд. *tirás*, др.-ирл. *tri*, *tre*, лат. *trāns* и т. п. с идеей проникновения через, сквозь, за пределы, отсюда — туда, снизу — вверх и т. д. О возможной связи с *ter- в таких случаях, как лат. *inter*, *intrō*, *intrā*, *interus*, *interior*, корн. *ynter*, *yntre*, др.-инд. *antár*, *ántara*, алб. *nder* и т. п., см. в другом месте. — Интересно, что сложным образом с и.-е. *ter- 'проницать', 'тереть', 'сверлить' связаны литовские слова, которые (по крайней мере, внешне) предельно близки к слав. **trizna*. Речь идет о лит. *trìznà* 'kas viduriuoja', *triznoti* 'kiek viduriuoti' (само обозначение действия 'страдать поносом' через *viduriuoti*, ср. *vidurỹs* 'середина', *vidùs* 'внутренность', показательно и возвращает нас к теме п.-е. **en-ter*, **n̥-ter*, ср. *дизентерия* — δυσ-εντερία или франц. *entrailles* из лат. *intralia*, ср. *нутро́* и т. п.). Эти слова связаны с лит. *tríesti* (*tríedžiu*) 'страдать поносом', *trýsti*, которые возводятся к указанному *ter- (Fraenkel, с. 1122). В свою очередь с этими глаголами связаны имена типа *traidà*, *tridė* и т. д. с соответствующими значениями. Отсюда — объяснение лит. *trìznà* из **trid-d-na*, ср. *trìčas* из **trid-šas*. Вместе с тем соблазнительно лит. *tríesti*, *trýsti* сопоставить с слав. **drьstati* (ср. *trìznà*: **drьstn'a* и т. п.). Не представляет особого труда связать лит. *triznà* в указанном значении с *triznà* 'горячий', 'скорый' (Дусяты, см. *Būga K*. Rinktinial Raštai. I. Vilnus, 1958, с. 290; *Fraenkel*, с. 1122) или *triznà* 'kas labai jaudinasi, «bėdoja», и *triznióti* 'baimintis', 'be reikalo rūpintis' (см. *Vitkauskas V*. Šiaurės rytų dūnininkų šnektų žodynas. Vilnius, 1976, с. 406). Одинаковые по своим истокам (в предельном случае) и разные по образованию и истории, славянские и литовские слова в конечном счете обнаруживают некоторые семантические схождения в примерах, которые игрою случая оказались максимально подобными друг другу.

Ж. Ж. Варбот

К РЕКОНСТРУКЦИИ И ЭТИМОЛОГИИ НЕКОТОРЫХ ПРАСЛАВЯНСКИХ ГЛАГОЛЬНЫХ ОСНОВ И ОТГЛАГОЛЬНЫХ ИМЕН. VII*

(**pъrkati (sę), *pъrpati* и **(po)parъ/*para; *ščigati, *ščьgnǫti, *ščigolь (je)*)

**pъrkati (sę), *pъrpati* и **(po)parъ/*para*

В славянских языках есть группа глаголов, источник которых может быть реконструирован как **pъrkati (sę)*. Шире всего соответствующий глагол представлен в белорусском языке: *по́ркацьца* 'рыться; заниматься медленно, неспешно работать; медленно собираться куда' [1], *вы́поркаць* 'заставить выйти, вышаривать, выискивать' [2], диал. могил. *по́ркыцца* 'копаться, искать' [3], витеб. *по́ркацца* 'рыться' [4], *по́ркаць* 'ковырять; рыть, рыться' (Ву́гнала парася́та папа́сьціць. Хай, ду́маю, пагрыза́юць. Дак. . .ні грызу́ць (траву), а *по́ркаюць*, шука́юць нêйкае тра́сцы. Деревня Клетнае. Пазала́зілі ў я́му й нêшто дзень *по́ркаюцца* — дзіця́чы заня́так. Деревня Слаўкавічы) [5]. Производными от блр. *поркаць* являются диал. *пърка́ч* и *по́ркъла* 'неумелый, неаккуратный в работе, ни к чему не пригодный человек' [6] (относительно значения ср. выше *по́ркацьца* в литературном языке: 'заниматься медленно, неспешно работать').

В других славянских языках глаголы, которые могли бы быть продолжениями праслав. **pъrkati (sę)*, зафиксированы в виде изолированных образований: это прежде всего рус. диал. урал. *напо́ркаться* 'вываляться в пыли (о курах)' [7] и в.-луж. *rozporkać* 'растратить зря, расточить' [8]. О значительно более широком распространении рефлексов **pъrkati (sę)* в русских говорах косвенно свидетельствует яросл. *вы́пуркнуть* 'выделиться, внезапно выскочить под давлением' [9], 'закипев, забродив, перелиться через край,

---

* Предшествующие статьи этой серии см. в томах ежегодника «Этимология» за 1971—1976 гг.

[1] *Носович*, с. 474.

[2] Там же, с. 90.

[3] *Бялькевіч*, с. 336.

[4] *Касьпяровіч М. І.* Віцебскі краёвы слоўнік (матер'ялы). Под рэд. Байкова М. Я. й праф. Эпімаха-Шыпілы Б. І. Віцебск, 1927, с. 246.

[5] *Янкоўскі* III, с. 96.

[6] *Крыўко М. Н.* Экспрэсіўныя назвы асобы ў гаворцы в. Манякова Міёрскага раёна. — В кн.: З народнага слоўніка. Мінск, 1975, с. 292.

[7] Сл. Сред. Урала II, с. 178.

[8] *Трофимович*, с. 260.

[9] *Мельниченко*, с. 48.

убежать' [10] (ср. семантику блр. вы́поркаць 'заставить выйти'). Далее, семантическая близость к приведенным выше глаголам и реальность префикса *če-* в старых славянских глаголах позволяют поставить вопрос о генетической связи с **pъrkati* также в отношении с.-хорв. *čepȑkati* 'ковырять, рыться, копаться (например, о курах); марать'. Этот глагол обычно возводят к гнезду **čepati*, **čepiti* 'трогать, толкать, хватать, копаться, растопыривать, взъерошивать' [11]. Однако генезис и структуру основы многих глаголов, относимых к этому гнезду, нельзя не признать спорными: многочисленные образования типа **čepariti*, **čeperiti*, **čepuriti*, **čepyriti* могут быть свидетельством исконности корня **per-* или **pur-* с последующим смешением аблаутных рядов и осложнением префиксом **če-* [12]. Во всяком случае, при наличии в славянских языках однозначных рефлексов глагола **pъrkati* предположение о принадлежности к числу его производных с.-хорв. *čepȑkati* представляется вполне правомерным.

Семантика всех рассмотренных выше глаголов, восходящих к **pъrkati (sę)*, так или иначе сводится к (или выводится из) 'рыться, копаться, разгребать'. Есть, однако, структурно тождественные глаголы с несколько отличным значением: например, рус. диал. обск. *по́ркать* 'ударять чем-либо колющим, режущим' [13], польск. диал. *porknąć* 'уколоть' [14] (судя по форме, заимствование из восточнославянских языков), может быть — и кашуб. *vpurknąc* 'избить (кого-либо)' [15]. Близость семантических сфер 'рыть, копать, разгребать' и 'колоть, бить, ударять' очевидна: ср. значения рефлексов и производных от слав. **kopati* по отдельным славянским языкам. Поэтому и последняя группа глаголов (русск. *по́ркать* 'ударять' и т. д.) может быть присоединена к числу образований, на которых основывается реконструкция праслав. **pъrkati* (и родственного **pъrknǫti*), а соответственно должна быть несколько расширена и гипотетическая семантика этой основы.

Структура **pъrkati* и набор значений позволяют с уверенностью толковать эту основу как производную от **per-* 'резать, колоть, бить' с расширением *-k-*. Как подтверждение семантической близости продолжений **per-* к реконструируемому **pъrkati* показательны, например, значения блр. *поро́цьца* 'толкаться; шарить, искать чего; медленно делать что, возиться; почесывать голову' [16] (слав. **porti*, **por'ǫ*, ср. русск. *пороть*) и русск.-ц.-слав. *напери* 'проткнул' (**-periti*, **-per'ǫ*).

---

[10] *Филин* 5, с. 335. Корневое *у* в *вы́пуркнуть* вторично, ср. аналогичное *запу́рхивать* 'высоко залетать или заскакивать' (при *порхать*) — *Филин* 10, с. 367.

[11] *Skok* I, с. 308; Słownik prasłowiański II, с. 142.

[12] ЭССЯ 4, с. 56—58 (**čeperiti*, **čepuriti*, **čepyriti*).

[13] Словарь Оби, Доп. II, с. 108.

[14] Варшавский словарь IV, с. 702.

[15] *Sychta* IV, с. 225.

[16] *Носович*, с. 475.

Основа **ръrkati*, вероятно, не единственное в славянских языках производное с расширением от **per-*. Так же может быть понято происхождение и группы укр. буков. *пóрпати* 'разрыхлять землю ралом', *пóрпатися* 'разрывать землю, рыться' [17] и с.-хорв. *pȑpati* 'быстро и небрежно делать что-либо' [18], 'щупать' [19]: их потенциальный источник — праслав. **ръrpati*, с расширением *-p-*, производное от **per-*, параллельное и родственное **ръrkati*.

На индоевропейском уровне слав. **porti* и **periti* сопоставляют с греч. πείρω 'прокалывать, рассекать, разрезать' и вводят в гнездо и.-е. **per-*, *perə-* 'переводить, переходить, проникать, летать' [20]. Не оспаривая исконной принадлежности слав. **porti*, **periti* к этому гнезду, следует все-таки отметить семантическую обособленность в нем этих славянских глаголов, как и греческого, а, возможно, — и алб. *shporoj* 'пронзать, прокалывать'. Эта обособленность может быть истолкована как сохранение наиболее древней, архаической семантики гнезда, а именно — 'прокалывать, рассекать', откуда далее 'прокладывать путь' → 'проникать, проходить'. В таком случае реконструированная выше для слав. **ръrkati* и **ръrpati*, истолкованных как производные от **per-*, семантика 'колоть', 'разрывать, рыть' представляет собой иное направление развития той же архаической семантики гнезда **per-*. Реальность этого направления, обнаруживаемая славянским материалом, побуждает обратиться, как к возможному продолжению того же и.-е. **per-*, к основе и.-е. **perk'-* 'разрывать, вскапывать', предполагаемой для скр. *párśana-* 'расселина, пропасть', лат. *porca* 'борозда', кимр. *rhŷch* 'то же', др.-брет. *rec* 'пахать', др.-в.-нем. *furuh* 'борозда', лит. *prapeȓšis* 'полынья', *prapaȓšas* 'ров' [21]. Особенно примечательны в этой группе значения 'пахать' и 'борозда', которые объединяют латинскую, кельтскую и германскую лексику, что позволило Клюге предположить здесь «один из немногих, еще индоевропейских земледельческих терминов» [22]. Представляется, что и.-е. **perk'-* 'разрывать, вскапывать, пахать', как и слав. **ръrkati*, может быть расширением и.-е. **per-* *'прокалывать, рассекать, раздирать'. Тождественные семантические отношения связывают слав. **orti*, лит. *árti* 'пахать' (с родственными) и слав. **oriti* 'разрушàть', лит. *ìrti* 'разделяться, расщепляться', которые Шпехт считает родственными [23].

---

[17] *Прокопенко В. А.* Областной словарь буковинских говоров. — В кн.: Карпатская диалектология и ономастика. М., 1972, с. 453 (Далее — *Прокопенко*).
[18] RJA XII, с. 495.
[19] *Tentor M.* Der čakavische Dialekt der Stadt Cres (Cherso). — AfslPh 1909, Bd. 30.
[20] *Pokorny* I, S. 816—817.
[21] Там же, с. 821. Словарь *Niedermann—Senn—Brender* (III, S. 234) дает соответствующие литовские лексемы в форме *prãperšis*, *praperšà*, *praparšà*.
[22] *Kluge* [15], S. 232.
[23] *Фасмер* III, с. 148—149. Для обоснования родства этих двух групп существенно значение полесск. *рала* 'раздвоенная, вилообразная ветка,

Как соотносятся в таком случае слав. **pъrkati* и и.-е. **perk'*-? Возможно, здесь представлено встречающееся в славянских языках аномальное, кентумное отражение и.-е. *k'* > слав. *k*, так что слав. **pъrkati* восходит к и.-е. **perk'*-. Допустимо, однако, и предположение о другом детерминативе (и.-е. **k* или **k*^{u}), то есть о функционировании на индоевропейском уровне вариантных основ **perk'*- и **perk*$^{(u)}$- 'рыть(ся), разрывать'. В обоих случаях слав. **pъrkati* оказывается весьма архаическим образованием, связанным с потенциальной индоевропейской земледельческой терминологией. Существование же слав. **pъrpati* с той же семантикой, что и **pъrkati*, независимо от того, является ли **pъrpati* рефлексом индоевропейской основы или собственно славянским образованием, может рассматриваться как свидетельство членимости, производности и.-е. **perk'*- (с выделением детерминатива *k'*-) и функционирования самого и.-е. **per*- (без расширений) в значении 'разрывать, вспахивать'.

Некоторые материалы славянских языков как будто обнаруживают сохранение реликтов этого земледельческого значения и.-е. **per(ə)*- в его славянских продолжениях гнезда **porti*. Так, в русском языке известно словоупотребление *лемех землю порет* [24], в украинском — *споров* (могилу) *плуг* [25], в сербохорватском — uze pluga pak on *zemlju* (*njivu*) *para* (где *parati* — итератив от *poriti*) [26], а с.-хорв. *pȁrkati* значит в Лике 'мелко пахать': Marko ne ore, nego samo *parka* [27]. Ср. и польск. диал. *rozparka* 'мелкая пахота в два отвала' [28] (от **parati* или **pъrkati*?).

Интересно, далее, что в смоленских говорах есть выражение *прать лядо* 'мотыжить и корчевать лядо' [29]. Не принадлежит ли это *прать* к гнезду **porti* (с корнем **per*- 'колоть, рассекать'), в отличие от **pьrati* 'давить'? Наконец, с.-хорв. *prlj* (наряду со значениями 'короткий кусок дерева', 'палка', 'клин', 'подпорка в телеге') по диалектам известно также в значении 'род рала' [30], к которому близко и помор. *pərləc* 'часто, густо засевать, плохо возделывать землю' [31]. С.-хорв. *prlj* толкуется обычно как производное от **pьrati*, *perǫ* 'давить, напирать, подпирать' [32]. Однако связь с **per-*/**por*- 'разрезать, рассекать, прокалывать,

---

ствол дерева, развилье его' (при общеслав. 'соха, плуг') — см. *Козлова Р. М.* Белорусские регионализмы праславянского происхождения (на материале лексики восточного Полесья). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филол. наук. Минск, 1977, с. 8—9.

[24] *Даль* [2] III, с. 321 (*пороть*).
[25] *Гринченко* IV, с. 185 (*спороти*).
[26] RJA IX, с. 642 (*párati*).
[27] Там же, с. 652 (*pȁrkati*).
[28] Варшавский словарь V, с. 662.
[29] *Добровольский*, с. 698.
[30] *Филиповић М.* Живот и обичаjи народни у Височкоj нахиjи. — СЕЗб LXI. II одељ. Живот и обичаjи народни, 27. Београд, 1949, с. 275.
[31] *Lorentz.* Pomor. I, S. 625.
[32] *Skok* III, с. 46—47.

протыкать' представляется не менее вероятной (ср. семантическую модель *kolti — *kolъ, *klinъ). Вообще лексика гнезд и.-е. *per- 'проникать, переходить' (при первичном 'разрывать, рассекать, прокалывать' — см. выше) и *per- 'давить, бить' разграничивается во многих случаях с большим трудом вследствие возможности взаимного перехода значений 'рассекать, прокалывать' и 'бить'. Взаимно близки были и ряды чередований, и наборы славянских глагольных основ в этих гнездах. Ср. *za-, *pod-, *u-pirati и с.-хорв. raspirati 'вспарывать, раздирать', последнее — к *per-/*por- 'рассекать, прокалывать' [33]. Следовательно, и в этом последнем гнезде была представлена также глагольная основа с вокализмом в ступени редукции, что увеличивает вероятность принадлежности к данному гнезду смол. *прать* 'мотыжить и корчевать' и с.-хорв. *prlj* (см. выше).

Если слав. *porti и его производные обнаруживают значения с земледельческой ориентацией: 'пахать', 'мотыжить и корчевать', 'род рала', то нельзя не обратиться снова — в связи с *porti — к вопросу о происхождении названия парового поля в некоторых славянских языках, а именно: рус. *пар*, диал. *попáр* [34], *паренúна*, *парня́*, *пáрина* [35], укр. *пáра*, *паренúця*, *паренúна*, *паровинá* [36], диал. *пáрина* [37], блр. *пар* 'земля после уборки посевов служащая выпасом для скота; зябь, осенняя пашня' [38], *параніна* 'отдыхающее один год поле, на котором сеют озимые; поле, оставленное на выпас' [39], *пáренина* 'поле по снятии ярового хлеба, оставленное на зиму не паханным, а позднею весною поднимаемое для посева ржи' [40], *папáр* 'незасеянная пашня, сохраняемая для посева озимых; поле после уборки хлеба; выпас на отдыхающем один год поле' [41], 'паровое поле' [42], *пóпар* 'поле, вспаханное весной под рожь; вспаханная земля, заросшая травой' [43], *пáрина* 'паровое поле' [44], полесск. *пáроцина* 'поле, вспаханное осенью для весеннего посева', *парóха* 'участок, который вспахан поздней весной для последующего осеннего посева' [45], помор. *pᵘopar* 'паровое поле' [46].

---

[33] RJA XIII, с. 182; *Miklosich*, S. 258.
[34] Говоры Прибалтики, с. 240.
[35] *Даль* [2] III, с. 21.
[36] *Гринченко* III, с. 96, 97.
[37] *Прокопенко*, с. 448.
[38] *Яшкін*, с. 135.
[39] Там же.
[40] *Носович*, с. 393.
[41] *Яшкін*, с. 134.
[42] *Гарэцкі*, с. 114; *Сцяшковіч*, с. 348.
[43] *Яшкін*, с. 148.
[44] *Бялькевіч*, с. 316.
[45] *Выгонная Л. Т.* Полесская земледельческая терминология. — В кн.: «Лексика Полесья», с. 113. — Здесь же: *пар* 'поле, вспаханное на зиму для весеннего посева', *паранúна*, *парэ́нина*, *пáрынина*, *паринúна*, *пáрына* 'поле, оставленное на год незасеянным; вспаханное осенью для весеннего посева поле; так называется только весною'.
[46] *Lorentz*. Pomor. II, S. 58; Варшавский словарь IV, с. 640 (*popar* 2 и 3).

Относительно этимологии русск. *пар* как названия парового поля, 'Brachfeld', решительно преобладает мнение о его образовании от глагола *преть*, *прею* [47], то есть *пар* 'паровое поле' генетически отождествляется со слав. **parъ* 'испарение, жар'. При этом земледельческое значение упоминается лишь для русск. *пар* и родственных образований в украинском и белорусском языках. Это первый аспект этимологии слова *пар* 'паровое поле', который нуждается в уточнении и корректировке: помимо восточнославянских лексем, выше приведено помор. *p^u opar*. Следовательно, есть основания думать, что восточнославянское (*po*)*parъ*/*para* 'паровое поле' не является следствием собственно восточнославянского семантического развития 'испарение' → 'паровое поле', поскольку иначе пришлось бы предполагать тождественное, но независимое развитие значения и в поморских диалектах, что маловероятно. С другой стороны, невозможна проекция значения 'паровое поле' на праславянский уровень: сама реалия паровое поле как составная часть трехпольной системы земледелия появилась уже в период самостоятельного развития отдельных славянских языков (в России, например, — в начале XV в.[48]). Поэтому наиболее реальным представляется предположение, что в праславянский период лексема *(*po*)*parъ* обозначала какой-то земельный участок, а с развитием трехполья была использована как название парового поля и в восточнославянских языках, и в поморском. Параллельное, но независимое развитие значения '(какой-то?) земельный участок' → 'паровое поле' более вероятно, чем параллелизм развития 'испарение' → 'паровое поле'. Ср. семантическое развитие 'выжженный участок земли' → 'паровое поле' для **ugorъ* в славянских языках. О возможности существования праслав. *(*po*)*parъ*/**para* как названия земельного участка косвенно свидетельствуют сербохорватские топонимы *Parnica* и *Parnice* — названия местностей и отдельных кварталов [49].

Какой же именно земельный участок обозначало праслав. *(*po*)*parъ*/*para*, какая семантическая мотивировка лежит в основе этой лексемы? Для решения этого вопроса необходимо сопоставление семантических моделей, представленных в названиях парового поля в различных славянских и индоевропейских языках [50], с семантикой славянских этимологических гнезд, корни

---

[47] *Фасмер* III, с. 203. Там же см. литературу.

[48] *Кочин Е.* Сельское хозяйство на Руси в период образования Русского централизованного государства. Конец XIII—начало XVI в. М.—Л., 1965, с. 159.

[49] RJA IX, с. 654.

[50] Для изучения славянских названий парового поля и их семантических моделей определенный интерес представляет статья: *Palkovič K.* Názvy pre «úhor» a «prieloh» v slovenčine a iných slovanských jazykoch. — Jazykovedný časopis, 1963, ročn. XIV, I, с. 57—64. Автор рассматривает, однако, не собственно семантические источники значения 'паровое поле',

которых реконструируются в форме **per-/*por-* или **par-*. Подобный сравнительный анализ лежит и в основе существующих гипотез о происхождении русск. *пар* 'паровое поле'. Во-первых, это предположение об исконности семантики 'гниющее (поле)' (с перегнивающей растительностью, стерней?) и соответственно о родстве со слав. **prěti*, **prějǫ*. В. Террас отвергает возможность признака гниения как более вероятного для целинного земельного хозяйства [51]. Ср., однако, реализацию модели 'гнить' → 'паровое поле' в лит. *pūdymas* 'паровое поле' (от *pūdyti* 'гнить'), а также наличие группы польск. *podpar* 'гниение у корней дубов, стоящих в болотистых местах' [52], н.-луж. *para* 'грязь, болото', польск. *parów*, *parowa* 'болото', *parznów* 'болотистое место в лесу' [53], полаб. *poró* 'грязь, болото', *poréina* 'трут, дрянь' [54], *poraină* 'трут', 'унавоженное поле' < **parina* [55], чеш. диал. *opařisko* 'болото' [56]. Следовательно, не исключено, что праслав. *(*po*)*parъ*/*para* было этимологически обозначением гниющего (с перегнивающей растительностью?) или болотистого земельного участка.

Во-вторых, это гипотеза Микколы о связи *пар* 'паровое поле' с *переть*, *пру* при исконности значения 'пастбище': ср. швед. *träde* 'поле под паром' — *träda* 'топтать, попирать' [57]. О существовании такой семантической модели в славянских языках свидетельствует русск. диал. симбир., пенз. *тóлок*, *толóка*, курск. *толóк* 'пар, на котором пасется скот' [58], укр. *толокá* 'поле под паром, выгон', польск. редк. *tłok* 'паровое поле' [59].

Помимо изложенных гипотез о происхождении слова *пар* 'паровое поле', ресурсы славянской лексики позволяют предложить еще два направления поисков. Одно из них — связь с гнездом слав. **porati*/**parati*: ср. польск. *porać się*, *parać się* 'заниматься, трудиться', в.-луж. *porać*, н.-луж. *póraś* 'приводить в движение, побуждать' и укр. *пóрати* 'обрабатывать (землю)', 'убирать (хлеб)', 'ухаживать (за скотом)'. Возможно, производным от этого глагола является прилагательное в яросл. *парáтные полосы* 'пахотное поле возле деревни' [60]. Тогда допустима и принадлежность к этому гнезду слав. *(*po*)*parъ*/*para*, при условии

а набор значений, сосуществующих с этим последним в различных лексемах по славянским языкам.

51 *Terras V.* Russische *paren'* und *par.* — ZfslPh 1962, Bd. XXX, 1, S. 71—74.
52 Варшавский словарь IV, с. 396.
53 *Bezlaj F.* Slovenska vodna imena, II. Ljubljana, 1961, c. 75.
54 *Rost P.* Die Sprachreste der Draväno-Polaben in Hannöverschen. Leipzig, 1907, S. 410.
55 *Polański-Sehnert*, p. 113.
56 *Kašík A.* Popis a rozbor nářečí středobečevského. Praha, 1908, c. 95.
57 *Mikkola* — WuS B. 3, S. 86.
58 *Даль* ² IV, c. 413.
59 Варшавский словарь VII, с. 66.
60 *Мельниченко*, с. 141.

первичности значения 'обработанная земля' (третья гипотеза), хотя я затрудняюсь привести другую лексему со значением 'паровое поле', построенную по этой семантической модели.

Наконец четвертое направление этимологического истолкования открывается как следствие изучения гнезда и.-е. *per(ə)- и его славянских продолжений: *porti, *-periti, *pъrkati, *pъrpati. Как было показано выше, и на индоевропейской почве, и на славянской это гнездо давало образования с «земледельческой» семантикой: 'пахать', 'борозда', 'рало'. В то же время в славянских языках известны обозначения парового поля с этимологическим значением 'вспаханный (участок земли)': ср., например, болг. *орница* 'давно не обрабатываемая пахотная земля' и словац. диал. вост. *orníca* 'паровое поле' [61]. Если обратиться к сущности самой реалии «паровое поле», то становится очевидным, что в этой мотивировке отражается самый существенный признак предмета, а именно — прежняя, предшествующая сезону непосредственного использования (сева) вспашка. Действительно, именно предварительная вспашка отличает паровое поле и от луга и целины, совсем, никогда прежде не паханых, и от поля, вспахиваемого и засеваемого в один сезон. Показательно, что в Полесье поле, вспаханное осенью для весеннего сева (т. е. собственно паровое поле), называется *паранúна*, *пáрына* только весною (см. выше, прим. 45). Поэтому представляется закономерным использование для обозначения парового поля лексемы с первичным значением 'вспаханный (земельный участок)'. Эта мотивировка представлена в немецком языке, где название парового поля *Brache* образовано от *brechen* 'ломать, рвать' (den Acker brechen 'распахивать пашню') [62]. Эту мотивировку имел в виду и Террас, предлагая толкование русск. *пар* как *pa-orъ (к *orati 'пахать') [63], однако эту реконструкцию трудно подтвердить. Более реалистичное решение, кажется, может быть найдено, если, опираясь в семантическом плане на ту же модель, обратиться как к источнику производящей основы к гнезду слав. *porti, *periti. Поскольку глаголы этого гнезда сохранили следы архаического значения 'пахать', праслав. *(po)parъ/para может быть производным от *porti именем с характерным для ряда бессуффиксальных отглагольных имен удлинением корневого гласного (ср. *garъ, *krajь, *skala).

*ščigati, *ščьgnǫti, *ščigolь(je)

Круг родственных с польск. *szczegół* 'подробность, особенность', *szczególny* 'особенный, единственный' образований, выявленных в славистической литературе, весьма ограничен: это рус. *щёголь*

[61] *Palkovič*. Názvy pre «úhor». . ., с. 62.
[62] В данном случае ценность немецкой лексемы как отражения определенной семантической модели вряд ли умаляется тем фактом, что *Brache* является «ein Kunstwort der Dreifelderwirtschaft» (Kluge [15], S. 96).
[63] *Terras V*. Russische *paren'* . . ., S. 73—74.

(возводимое, как и польск. *szczegół*, к **ščьgol-*), ц.-слав. сцѣглъ 'единственный, одинокий' и с.-хорв. *cȉgli* 'единственный' (**scěglъjь*) и чеш. *štíhlý* 'тонкий' (**ščiglъjь*). В качестве их корня Миклошич предположил *skьg-*, не обсуждая его значение, но отметив семантическую обособленность русск. *щегольной* 'острый' и чеш. *štíhlý* 'тонкий' [64]. Эта обособленность является иногда основанием для иного этимологического истолкования русск. *щеголь* и чеш. *štíhlý*, вне связей с польск. *szczegół* и т. д.[65] Что же касается возможных индоевропейских соответствий для гнезда слав. **ščьg-*/**ščig-*/**scěg-*, то все предложенные сопоставления (др.-инд. *kēvals* 'одинокий, сплошной', лат. *caelebs* 'безбрачный', лтш. *kaĩls* 'голый') вызывают сомнения [66].

Есть и другая точка зрения на рассматриваемую группу слов: *(*s*)*cěglъjь* толкуется как производное от и.-е. **kai̯-* 'один, единственный', с суффиксом *-gl-*. Чеш. *štíhlý* при этом исключается из круга возможных родственных [67].

Ниже предлагается опыт доказательства генетического единства приведенной лексической группы. Для этой цели, в частности — для уяснения структуры основ входящих в группу имен, большое значение имело бы обнаружение родственного славянского слова без суффиксального элемента *-l-*, присутствующего во всех именах. С другой стороны, разнообразие ступеней огласовки корня в этих именах позволяет априори предполагать существование родственного им праславянского глагола, послужившего производящей основой хотя бы для некоторых из суффиксальных имен.

Продолжением такого глагола представляется чеш. диал. *ščigat*, *-ám* 'обрывать, ощипывать свежие ветки, побеги' [68]. Махек безоговорочно относит его к числу поздних образований от слав. **ščipati*/**ščьpnǫti*, считая корневое *g* в *ščigat*, как и *k* в *ščikati*, следствием вторичного, обратного образования на базе фонетического упрощения *ščьpn-* > *ščьn-* [69]. Как показал анализ значительной группы славянской лексики, есть все основания предполагать для праславянского состояния существование глаголов **ščьknǫti*, **ščьkati*/**ščikati* с системой производных имен (**skokotъ*, **ščeka* и др.) [70]. Представляется, что и чеш. *ščigat* является про-

---

64 *Miklosich*, S. 289.

65 Ср. о чеш. *štíhlý*: *Machek* [2], с. 624. Чешская лексема толкуется здесь как преобразование близкого по значению чеш. *štíplý*.

66 *Фасмер IV*, с. 498; *Skok I*, с. 262.

67 ЭССЯ 3, с. 176.

68 *Malina J*. Slovník nářečí mistřického. Praha, 1946 (=Archiv pro lexikografii a dialektologii, číslo 10), с. 119.

69 *Machek* [2], с. 626.

70 См.: *Варбот Ж. Ж.* О возможностях диахронического истолкования морфонологической вариантности в славянских отглагольных именах. — В кн.: Славянское языкознание. VII Международный съезд славистов. Варшава, август 1973 г. Доклады Советской делегации. М., 1973, с. 108—109; *Она же*. К реконструкции и этимологии некоторых праславянских

должением древнего, праславянского глагола, на славянской почве не связанного со **šč*ьpnǫti*, **ščipati*.

Правда, в отличие от чеш. *ščikati*, приведенное диал. *ščigat* не имеет компактного лексического родственного окружения в славянских языках. В большинстве случаев расхождения значений или контаминация затемнили генетические связи лексем, попытка восстановления которых все-таки представляется целесообразной. Прежде всего, рассматриваемый в качестве возможного родственного со **ščiglъjь* 'тонкий, стройный' глагол *ščigat* оказывается надежным связующим семантическим звеном между **ščiglъjь* 'тонкий, стройный' и **ščьgolъ/ь* 'подробность, особенность', **scěglъ* 'единственный, одинокий': все эти значения хорошо выводятся из 'рвать, драть' (ср. семантические модели русск. *драный* 'худой, тощий', *подробность*, *частность* — последнее к слав. **čęstь* и далее к **kǫsъ*). И значение русск. диал. псков., твер. *щбогольный* 'острый, сметливый' может быть понято как производное от исходного 'рвать' → 'урывать, ухватывать' (ср. *хваткий*). Таким образом, допустимо предположение, что чеш. *ščigat* является продолжением праславянского глагола **ščigati*, от которого произведено **ščiglъjь* и, возможно, **ščьgolъ/ь*, **scěglъ* (последние могут быть и соотносительными с данным глаголом, родственными ему образованиями).

Для подтверждения праславянской древности чеш. *ščigat* полезно было бы выявление генетически тождественных глаголов в других славянских языках. Поскольку значение отглагольного имени, опираясь на значение глагола, свидетельствует о его семантических возможностях, значение чеш. *štíhlý* 'тонкий, стройный' как производного от **ščigati* может служить основанием для сближения чеш. *ščigat* с восточнославянскими блр. *щегáць* 'изнуряться' [71] и смол. *щигáть* 'приходить в изнеможение', *пощúгать*, *пощúгнуть*, *пощéгнуть* 'поиссохнуть, изнуриться' (*пащéгли* с голода) [72]: значение последних 'поиссохнуть' позволяет толковать другие употребления — 'изнуряться, приходить в изнеможение' — как производные от 'похудеть, истощиться' (ср. 'тонкий, стройный' — чеш. *štíhlý!*).

Если смол. *щигáть* и, скорее всего, блр. *щегáць* генетически отождествляются с чеш. *ščigat* как рефлексы праслав. **ščigati*, то корневое подударное *е* в *пощéгнуть* позволяет предполагать здесь продолжение основы **ščьgnǫti*. Еще один рефлекс **ščigati*, возможно, представлен польским диалектизмом *szczygać* 'стричь' [73]. А к **ščьgnǫti* близко по исходному вокализму корня чеш. *štechtati*, *oštěchtati* 'оборвать, общипать' (Husy zelí *oštechtaly*) [74].

глагольных основ и отглагольных имен. VI. — Этимология. 1976, М., 1978, с. 38—42.

71 *Носович*, с. 720.

72 *Добровольский*, с. 1011, 695.

73 Варшавский словарь VI, с. 595. Составители словаря сочли *szczygać* результатом упрощения *strzygać*.

74 *Kott* II, с. 436; *Kott* III, с. 951.

Наконец, еще один глагол, который может быть введен в рассматриваемое этимологическое гнездо, однако лишь как вторичный, отыменный, — это чеш. диал. *ščihlêt se* 'смеяться' [75]. Махек толкует этот глагол как экспрессивное изменение **ščirati* [76]. Наличие известной семантической модели 'обнажать (зубы)' → 'смеяться' (*скалиться*, *склабиться*) делает более вероятным образование *ščihlêt se* от прилагательного на *-l-* **ščigl-* с семантикой 'обнаженный'='оскаленный', которое может быть отождествлено генетически с чеш. *štíhlý* 'тонкий, стройный'. Таким образом, глагол *ščihlêt se* косвенно подтверждает, что исходным для чеш. *štíhlý* значением было 'оборванный, ободранный'. Впрочем, в словацких и моравских говорах есть много вариантов глагола 'смеяться' типа *šteklit'*, *čekl'at'*, *čeglit'*, *ščeglit'*, *štehlit'* и т. д., которые Махек вряд ли обоснованно отделил от *ščihlêt se* и вывел из **skek-*[77]. Скорее следует считаться с возможностью существования двух формально и семантически близких славянских гнезд: **šček-/*ščьk-/*ščik-* (см. выше) и **ščьg-/*ščig-* и их контаминации в ряде конкретных образований.

Из именных лексем как производное от **ščigati* может быть истолкован белорусский диалектизм *шыгалье* [78], *шиголле*, *щиголь* 'иглы хвойных деревьев (елки и сосны)' [79]. Разумеется, широкое распространение в славянских языках имен, производных от **golъ(jь)*, как обозначений веток наводит на мысль об исходности структуры **ši-gol-*. Однако фиксация формы с начальным *щ-*, предложенная выше реконструкция глагола **ščigati* с гипотетической семантикой 'рвать, драть, щипать', наконец, наличие в рассматриваемом гнезде имени с суффиксом *-ol-* (польск. *szczegół*) побуждают предложить иное толкование происхождения этого диалектизма, а именно — как производного от **ščigati*. Первичная семантическая мотивация может быть реконструирована двояко: 1. 'оборванное, сорванное (с дерева на корм скоту)' — ср. использование на корм не только веток лиственных деревьев, но и молодых побегов хвойных деревьев, а также значение чеш. *ščigat* 'обрывать, ощипывать свежие ветки, побеги'; 2. 'дерущее, рвущее' → 'колючее'.

Бессуффиксальным именем, производным от того же праслав. **ščigati* 'рвать, драть' представляется словен. *ščiga* 'щербатый (человек)' [80], семантическая связь здесь вполне очевидна. Вероятно, этимологически тождественно словенскому *ščiga* русское диалектное *щига* 'плут, бездельник, продувной человек', к ко-

---

[75] *Kopečný F.* Nářečí Určic a okolí. Prostějovský úsek hanáckého nářečí centrálního. Praha, 1957, с. 149.
[76] *Machek* [2], с. 627.
[77] Там же, с. 624.
[78] *Расторгуев П. А.* Северско-белорусский говор. Исследования в области диалектологии и истории белорусских говоров. Л., 1927, с. 154.
[79] *Никончук М. В.* Лексичний атлас Правобережного Полісся (Рукопись).
[80] Ljubljanski Zvon 1891, XI, с. 300.

торому С. Б. Веселовский возводит древнерусское прозвище *Щига*[81]. Значение *щига* 'плут, бездельник, продувной человек' может быть результатом семантического развития 'рвать' → 'ловкий, хваткий (человек)' (ср. *рвач*). Следовательно, возможна реконструкция праслав. **ščiga*.

Таким образом, предполагается существование на праславянском уровне этимологического гнезда с корнем **ščьg-/*ščig-/*scěg-*, в которое входили **ščigati*, **ščьgnǫti*, **ščiglъjь*, **ščьgolъ/ь*, **ščigolь(je)*, **ščiga* и **scěglъjь*. На славянской почве это гнездо было независимо от **ščьp-/*scěp-*, но семантическая близость обеих лексических групп позволяет предполагать для них единый индоевропейский источник. Таковым может быть и.-е. **skĕi-* 'резать, рвать, отделять', которое дало во всех индоевропейских языках многочисленные производные, преимущественно с различными расширениями. Из славянской лексики сюда относят **cěva*, **cěditi*, **cěniti*, **cěpiti* 'разделять, раскалывать', **cěriti* 'скалиться' и т. п.[82] Учитывая семантику рассмотренных выше славянских лексем, можно упомянуть близкие по значению индоевропейские образования этого гнезда (с другими детерминативами): лтш. *šķieva* 'трещина в дереве', лит. *skiedrà* 'щепка', греч. σχινδαλμός 'щепка', σκῖπων 'посох, палка' (*'отломленная ветка'), др.-в.-нем. *scivaro* 'обломок, осколок'[83].

---

81 *Веселовский С. Б.* Ономастикон. М., 1974. с. 377.
82 *Pokorny* I, S. 920, 921; ЭССЯ 3, с. 174, 183, 185, 188, 190—191.
83 *Pokorny* I, S. 920—922.

И. П. Петлева

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ ПО СЛАВЯНСКОЙ ЛЕКСИКЕ. VIII
(болг. *вѐрне*, с.-хорв. *му̏кљив*)

Болг. диал. *вѐрне*

Диал. (юго-зап.) болг. *върне*, безл. 'идет дождь (снег, град)' и (с пометой таен говор), по-видимому, вторичное 'льёт, плачет' (см. также отглагольное *върнéж* 'дождь; осадки') в Болгарском этимологическом словаре сопровождается следующим комментарием: «Вероятно, контаминация *валѝ* и *ръмѝ*» [1]. Что касается македонских *врне* 'падать (о дожде, снеге, граде)', *врнеж* 'дождь; осадки' [2] и сербохорватских диалектных *вр̏нути* 'лить, идти (о дожде, снеге)', 'потечь, полить (о слезах)' (Призрен), *вр̏њава* 'сильный дождь или снег' (Запланье) [3], отсутствующих как в данном словаре, так и в Этимологическом словаре сербохорватского языка П. Скока, то они могут быть заимствованиями из болгарского, так как зафиксированы на юго-востоке Югославии, т. е. на территории, соседствующей с Болгарией, и, кроме того, структурно и семантически идентичны болгарским примерам (исключение составляет, очевидно, лишь с.-хорв. *вр̏њава*).

Гипотеза, выдвигаемая составителями Болгарского этимологического словаря относительно происхождения глагола *върне*, представляется неубедительной, что заставляет нас искать иное решение. Его подсказывает нам целый ряд болгарских примеров. Это прежде всего серия глаголов, отмеченных в Тырново: *гавъртам*, *гавръ̀твам*, *гавръ̀тна*, *гивъ̀ртам*, *гивръ̀тна* 'переворачивать, опрокидывать' [4] и *гивръ̀тнъ* 'повалить, опрокидывать, перевернуть; выливать, проливать (воду, жидкость)' [5]. Как указывается в Болгарском этимологическом словаре, эти глаголы предлагалось трактовать как контаминацию *гъ̀лтам* (или *гъ̀тнам*) и *връ̀тна* (Вл. Георгиев) или как образования от *въ̀рна* с префиксом *ка-* (с перегласовкой *к-* в *г-*) (А. Теодоров-Балан). Думается, что в данном случае предпочтительнее объяснение, исключающее скрещивание. И тогда при любой интерпретации начального **ga-/*gy-* (как озвонченного варианта префикса *ka-* или

---

[1] БЕР III, с. 211.
[2] *Конески* I, с. 85; И—С, с. 65.
[3] РСА III, с. 70, 71.
[4] БЕР III, с. 221.
[5] СБНУ XIV, 3, 214. — Извлечения из Софийск. арх., сделанные О. Н. Трубачевым.

вокализованного *g*- протетического перед сонантом [6]) в качестве корневой части здесь следует выделять **vьrt-* 'вертеть', и поэтому единственно возможной является реконструкция, принимаемая О. Н. Трубачевым, — **ga-/*gy-*+**vьrtnǫti*. Для нас существенно, что диал. *гиврътнъ* демонстрирует сочетание значений 'переворачивать, опрокидывать, валить' и 'выливать, проливать', что наводит на мысль о возможности истолковывать и *върне* 'идет дождь' как семантическое ответвление славянского **vьrtnǫti* '(по)вернуть', который в современном болгарском языке представлен континуантой *върна* 'вернуть', но в диалектах имеет и иные значения, более близкие к 'вертеть, поворачивать' — см., например, *наврънем* 'наклонять' [7]. Есть и другие примеры, свидетельствующие о семантической связи болгарских рефлексов славянского **vьrt-/*vort-* 'вертеть' со значением 'лить'. Это диал. болг. *на-връштам* 'напаивать, поливать' [8], *на-вр̥нем* 'наклонять сосуд с жидкостью, чтобы пролить ее' [9]. Следует также отметить, что, хотя составители Болгарского этимологического словаря не связывают *върне* 'идет дождь' с **vьrt-(/*vort-)*, они возводят к нему столь близкие семантически рассматриваемому нами глаголу болг. диал. (Прилепско) *развърне се* (*развърна*, *развръщам*) '(о дожде) начать лить много и сильно' [10].

Итак, в исследуемом нами случае значение 'лить, идти (о дожде, снеге, граде)' связано с первоначальным 'вертеть', очевидно, через связующие семантические звенья 'переворачивать, опрокидывать' → 'валить, ронять, лить (заставлять падать).' Ср. показательное в данном отношении полесск. *ка-вернýт'* 'упасть с высоты' [11]. См. еще лит. *ver̃sti*, также восходящее к и.-е. **u̯ert-* 'вертеть, гнуть', которое означает 'опрокидывать, переворачивать', 'валить', 'извергаться (о вулкане)', 'бить (об источнике)'. Подтверждением возможности развития значения 'лить (о дожде, осадках)' на базе 'низвергать; переворачивать, опрокидывать' (<'вертеть, катать') может служить семантика славянских **val'ati*, **valiti*: болг. *вáлям* 'валять, катать, ворочать' — *вали* 'идет дождь (снег, град)' [12], рус. *валить* 'повергать, опрокидывать боком, ронять. . .' — *валит снег* [13]; далее — к вост.-лит. *volióti* 'катать', лтш. *uolît* 'катать, вертеть', *vel̃t* 'катать, валять', др.-инд.

---

[6] О некоторых причинах появления вторичного вокализованного *g*-протетического (**gy-*, **go-*) см.: *Петлева И. П.* К вопросу о *g*-протетическом в славянских языках. — Этимология, 1976. М., 1978.

[7] БЕР, III, с. 192.

[8] *Младенов Максим Сл.* Лексиката на ихтиманския говор. — БД III, 1967, с. 110.

[9] *Гълъбов Лука.* Говорът на с. Доброславци, Софийско. — БД II, 1965, с. 91.

[10] БЕР III, с. 192.

[11] *Никончук Н. В.* Приставки *ка-* и *ко-* в полесских говорах. — См. настоящий том, с. 123.

[12] *Геров* I, с. 104, 104—105.

[13] *Даль* [3] I, стб. 395.

vālati (*valatē*) 'вертится, переворачивается', *vālayati* 'катит, переворачивает', лат. *volvo* 'катаю, вращаю' и др. — к и.-е. **u̯el-* 'катить, крутить' [14].

С.-хорв. диал. *му̏кљив*

С.-хорв. *му̏кљив* приведено составителями Загребского словаря с указанием на его распространение в западных областях (в частности, в Лике) со значением 'мокрый, влажный', которое затем уточняется с помощью примеров, где данное прилагательное сочетается с сущ. *дрво* и означает 'сырой': *мукљив*, н. п. дрво влажно изнутра, nass, humidus, . . . ово је дрво *мукљиво*, видиш да није за поса. Здесь же фиксируется словосочетание *мукљив чир* с невыясненной семантикой [15]. В Сербско-хорватско-русском словаре И. И. Толстого прилаг. *му̏кљив* дается с аналогичным значением 'сырой (о внутренней части дерева)', но без пометы «диалектное» [16].

Согласно традиционной точке зрения (Миклошич, Маценауэр, Петерссон и др.), нашедшей отражение и в Этимологическом словаре Скока, с.-хорв. *му̏кљив* сопоставляется с латышским *mukls* 'топкий' [17], более полный перечень индоевропейских параллелей приводится в Словаре Покорного под праформой **meug-*, **meuk-* 'скользить, ускользнуть, скользкий', 'слизь, слизистый', 'мягкий': лат. *mūcus* 'слизь', *mūcor* 'плесень', греч. μύξα 'слизь', 'нос'; др.-инд. *muñcáti*, *mucáti* 'освобождает, отпускает', лит. *munkù*, *mùkti* 'убегать, ускользать, отслаиваться', лтш. *mùku*, *mukt* 'ускользнуть, удрать', лит. (*s*)*maũkti* 'сбрасывать, стащить' и т. д. Что касается представленных здесь славянских примеров, то они семантически достаточно удалены от значения 'сырой, влажный', отмеченного у слова *му̏кљив*: слав. *(*s*)*mъknǫti* 'выскальзывать', чеш. *smeknouti* 'снять', ст.-слав. смыкатисѧ 'ползать', русск.-ц.-слав. *мъкнѫтисѧ* 'transire', ст.-слав. мъчати (**mъkē-*) 'jactare', а также (под праформой *(*s*)*meug*(*h*)-, наряду с лтш. *smaugs* 'стройный, гибкий', лит. *smáugti* 'душить', лтш. *smudži*, *smūdzi* 'комары, мошки') польск. *smug*, *smuga* (*smuk*) 'узкая полоса'. Видимо, учитывая эту семантическую дистанцию, Скок пишет, что с.-хорв. *му̏кљив* не имеет эквивалентов ни в одном из славянских языков [18].

Однако данное слово может обрести достаточное число славянских соответствий, формально и семантически чрезвычайно ему близких, если оно будет соотнесено не с и.-е. **meuk-*, **meug-* (будучи реконструированным как **muklivъ*), а с и.-е. **melk-*, **melg-* на основе праформы **mьlk-*(*ъ*)*livъ*. Дело в том, что По-

---

14 *Фасмер* I, с. 268.
15 RJA VII, с. 144.
16 *Толстой* [1], с. 421.
17 *Skok* II, с. 479.
18 Там же.

корный приводит для корня *melk-, *melg- то же самое значение, которым характеризуется и лексема *му̀кљив*, — 'сырой, влажный, мокрый' ('сырость, влага') [19]. Кроме того, серьезным аргументом в поддержку нашей гипотезы является факт существования чешского прилагательного *mlklý* 'сырой', которое, с одной стороны, демонстрирует такую же огласовку корня (ступень редукции), которая наличествует и в *му̀кљив*, — *mьlk-, а, с другой, — практически общее для этих двух слов значение 'сырой, влажный'. В отношении чешского слова (Фасмер присоединяет к нему также чеш. *mlkvý* 'сырой' и словац. *ml'kvy* 'сырой, незрелый') утвердилось мнение о закономерности его включения в состав указанного выше индоевропейского *melk-, *melg- [20]. Если учесть все эти обстоятельства, станет очевидным, что отрыв друг от друга столь близких примеров, как с.-хорв. *му̀кљив* и чеш. *mlklý*, и отнесение их к двум разным этимологическим гнездам (первое — к *meuk-, *meug-, второе — к *melk-, *melg-) противоестественно. Напрашивается вывод о необходимости их объединения в единое гнездо под общей праформой, каковой в данном случае должно быть только *mьlk-, так как чешское слово нельзя возвести к *meuk-.

Согласно предположению Скока, с *му̀кљив* может быть связано с.-хорв. *му́клица* 'болезнь лошадей, при которой кровь сочится сквозь кожу' [21], помещенное в Загребском словаре в качестве «темного». Указанную болезнь называют также словом *кр̏вавица* 'кровоточащая ссадина, опухоль, желвак (у лошади)' [22]. Ср. приведенное выше и оставшееся неясным *мукљив чир*, которое, очевидно, также обозначает 'кровоточащий (гноящийся? мокнущий?) нарыв, чирей' или 'кровоточащую язву', учитывая тот факт, что в сербохорватском языке слово *чир* значит 'нарыв, чирей', а сочетание *чир у стомаку* — 'язва желудка' [23]. Показательно, что с.-хорв. *му́клица*, видимо, было образовано на базе слова, идентичного чешскому *mlklý*: *mьlkl-ъ(jь) → *mьlkl-ica → *му́клица*, что как будто свидетельствует в пользу былого существования в сербохорватском лексемы, восходящей к *mьlk-l-: *mьlklъ '*влажный, сочный, сочащийся' (не исключено и *mьlklь '*влажность, сок, просачивающаяся жидкость'). Первое (*mьlklъ), как мы уже указывали, вероятно, послужило основой для образования с помощью суффикса -ica слова *му́клица* (*mьlkl-ica) (ср. *крвав-ица* < *крвав*). Что касается прилагательного *му̀кљив*, то оно могло возникнуть, очевидно, как на базе корневой (глагольной или именной) основы *mьlk- с помощью суффикса -(ъ)livъ (*mьlk-(ъ)livъ), так и на базе именной основы

---

[19] *Pokorny* I, S. 724.

[20] *Pokorny*, там же; *Фасмер* II, с. 645; *Skok* II, с. 440. К сожалению, в Этимологическом словаре Махека чеш. *mlklý* обнаружить не удалось.

[21] *Skok* II, с. 479.

[22] RJA VII, с. 144.

[23] *Толстой* [1], с. 1067.

на *-l-* посредством суффикса *-ivъ* (**tъlkl-ivъ*). См. замечания Ж. Ж. Варбот (правда, касающиеся древнерусского материала), о том, что «иногда характер производящей основы для имен прилагательных с суффиксом *-(ъ/ь)liv-* неясен, поскольку эта основа может быть равно приписана и глаголу, и соотносительному с ним корневому имени (существительному или прилагательному)», а также о том, что «некоторые из прилагательных на *-(ъ/ь)liv-* могут быть образованиями с суффиксом *-iv-* от именных основ на *-l-*» [24].

Любопытно, что в сербохорватском языке существуют образования формально тождественные сербохорватскому *му̏кљив* (**tъlklivъ*) и чешскому *mlklý* (**tъlklъjь*). Они представлены в составе гнезда со значением 'молчать' (с.-хорв. *му́чати*, *му́кнути* — к слав. **tъlčati*, **tъlknǫti*): *мукљив* (в Загребском словаре и в Словаре Скока приведено без акцента, а в Сербско-хорватско-русском словаре И. И. Толстого дано с той же акцентуацией, что и *му̏кљив* 'сырой' (ср. также *му̏чљив*) и *му̑клӣ* [25].

Итак, с.-хорв. *му̏кљив* и *му́клица* вместе с чешским *mlklý*, по нашему мнению, видимо, следует относить к и.-е. гнезду **melk-*, **melg-* 'сырой, влажный; влага, сырость' [26], куда, согласно Покорному, входят также греч. μέλκιον · κρήνη 'колодец', гот. *milhma* 'облако', ср.-в.-нем. *milgen* 'размачивать зерно для корма скоту', лит. *mal̃kas* 'глоток', лтш. *malks*, *malka* 'питье (залпом)', а из славянских, наряду с чешским *mlklý*, серб. *мла̏ка* 'водянистая почва', *мла̑ква* 'лужа', польск. *pa-młoka* 'облако; сырой туман', а также **melko* [27], относительно которого однако существуют и иные объяснения, в частности, трактующие его в качестве германского заимствования [28].

При более подробном перечислении славянских продолжений индоевропейского корня **melk-*, восходящих к праформе **molk-*, следует упомянуть с.-хорв. *мла̏ка* 'болотистая почва; трясина', 'лужа', 'стоячая вода', 'жидкость', *млаква* 'лужа' (и 'не замерзающая зимой лужа'), болг. *млака* 'болотистое место, болото', 'водянистая почва (когда ее копают, выступает вода)', словен. *mláka* 'лужа', 'заливной луг', *mláčina* 'лужа', 'болото', *mláčiti* 'разливая воду, делать лужи', *mlakóta* 'лужа', чеш., словац. *mlaka* 'лужа', южночеш. *mlačina* 'поляна в лесу, заросшая травой', польск. *pa-młoka* 'сырой туман; облако', *młokicina* 'ручей',

---

[24] *Варбот Ж. Ж.* Древнерусское именное словообразование. Ретроспективная формальная характеристика. М., 1969, с. 162 и 163.

[25] RJA VII, с. 144; *Skok* II, с. 474; *Толстой* [1], с. 421.

[26] См.: *Петлева И. П.* Праславянский слой лексики сербохорватского языка. II. — Этимология. 1971. М., 1973, с. 47—48.

[27] *Pokorny* I, с. 724.

[28] См. перечень работ, посвященных проблеме происхождения славянского **melko*, в Словаре Фасмера (II, с. 645—646), а также *Мартынов В. В.* Анализ по семантическим микросистемам и реконструкция праславянской лексики. — Этимология. 1968. М., 1971, с. 20; *Абаев В. И.* О перекрестных изоглоссах. — Этимология, 1966. М., 1968, с. 255—257.

‘болотная ива’ (однако польск. диал. *młaka* ‘лужа’, ‘сырая поляна, заболоченная луговина в лесу’ трактуется как сербское или болгарское заимствование [29]), др.-русск. *молокита* ‘болото, топь’, укр. гидроним (из Подолья) *Молокиш* (но укр. *млака* трактуется в Словаре Скока как заимствование из словацкого или польского) [30]. Итак, сопоставление рассматриваемых *му̀кљив* и *му́клица* с и.-е. гнездом **melk-* (а не **meuk-*) дает возможность связать эти образования с достаточно обширной славянской семьей слов, восходящих к **mьlk-/*molk-*, разрушив представление об изолированном характере данных сербохорватских примеров. Отрыв их от родственных образований был, очевидно, вызван серьезной фонетической перестройкой этих слов (**мьлк-* > *мук-*).

---

[29] *Gołąb Z.* Wyrazy pochodzenia południowo-słowiańskiego w polskich gwarach góralskich. . . — JP XXXII, 1952, 5, с. 207—208.

[30] RJA VI, с. 831, 833; БТР [3], с. 463; *Skok* II, с. 440. *Мариновъ Д.* Думи и фрази изъ западна България. — СбНУ XIII, 1896, с. 253; *Pleteršnik* I, с. 587, 589; *Machek* [2], с. 367; *Brückner*, с. 340; *Фасмер* II, с. 645; *Срезневский* II, стб. 170.

Л. В. Куркина

НАЗВАНИЯ ГОРНОГО РЕЛЬЕФА
(на материале южнославянских языков)

Термины географического ландшафта представляют важную часть лексики, исследование которой в ретроспективном плане может дать интересную информацию об историко-географических условиях жизни славян в разные моменты их исторического развития. Весьма ценен и поучителен этот лексический материал в комплексном исследовании проблем этногенеза южных славян. Одним из основных здесь является вопрос об исконной этнической принадлежности славян, которые к VII в. колонизировали Балканский п-ов и положили начало сложным этническим процессам, формированию языков, национально-политических объединений, самостоятельных государств. Вопрос о том, какие из диалектов праславянского языка лежат в основе ю.-слав. языков, решается двояко. Традиционная теория связывает южных славян с антами, предками восточных славян [1]. В последние годы в польской лингвистике активно разрабатывается идея первоначальной близости западных и южных славян [2]. В этногенетических построениях образование ю.-слав. языков представляется в виде постепенного отпочкования от общего ствола-основы, каким является праславянский, новой ветви, получившей самостоятельное развитие. Такое представление, как уже отмечалось в литературе, страдает прямолинейностью и односторонностью и отражает еще не изжившую себя шлейхеровскую теорию родословного древа. Реальные конкретно-исторические процессы протекали, видимо, сложнее и многообразнее. Однозначное решение не объясняет во всей полноте первоначальную лингвистическую карту Балканского пол-ва. Интенсивные исследования славянской лексики в плане этимологизации и реконструкции праславянского лексического фонда формируют новые представления о взаимоотношениях диалектов в рамках языка-основы и свидетельствуют скорее об этнической неоднородности славянских миграций. В работах последних лет все более определенно утверждается мысль, что

---

[1] *Бернштейн С. Б.* Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961, § 11—12.

[2] Ср. для примера: *Stieber Z.* W sprawie pierwotnego podziału dialektalnego języka prasłowiańskiego. — In: Symbolae linguisticae in honorem J. Kuryłowicz. Wroclaw-Warszawa-Kraków, 1965, c. 304—308; *Nalepa J.* Słowiańszczyzna północno-zachodnia. Podstawy i jej rozpad. Poznań, 1968.

миграции славян осуществлялись не едиными монолитными потоками, а объединениями однородными или этнически смешанными [3]. Языковая и культурная монополия славян на Балканах утверждается в ходе ассимиляции, постепенного поглощения местного населения, в процессе взаимодействия, вторичного сближения отдельных диалектов в более крупные объединения. В настоящем и прошлом не совпадают лингвистические и географические границы ю.-слав. языков. При реконструкции изначального состояния принципиальное значение, по мысли И. Поповича, имеют два фактора: 1) отделение от основного ю.-слав. массива северной Паннонии в результате венгерской экспансии и включение в сферу влияния западнославянских языков среднесловацких диалектов, южнославянских по происхождению; 2) сближение с ю.-слав. языками севернославянских диалектов: словенизация на севере современной Словении чешских диалектов и сербизация восточнославянского карашевского диалекта на территории западной Румынии [4]. В плане этногенеза решается проблема классификации ю.-слав. континуума. Двум волнам славянских миграций соответствует противопоставление северо-западных диалектов — хорватскосербско-словенских — юго-восточным болгаро-македонским [5]. Нет единого мнения в понимании вопроса о времени возникновения тех диалектных различий, которые характеризуют северо-западную часть ю.-слав. области. Одни полагают, что словенско-кайкавско-чакавское единство существовало уже в праславянскую эпоху, другие связывают формирование его со временем переселения на новую родину [6]. В этногене-

---

[3] *Трубачев О. Н.* Ранние славянские этнонимы — свидетели миграции славян. — ВЯ 1974, № 6, с. 48—67. В самое последнее время см.: *Шустер-Шевц Х.* Язык лужицких сербов и его место в семье славянских языков. — ВЯ 1976, № 6, 70—86.

[4] *Popović I.* Geschichte der serbokroatischen Sprache. Wiesbaden, 1960, гл. I, § 13—16; гл. IV, § 67.

[5] В формировании противопоставления западной и восточной частей ю.-слав. языков придается решающее значение разным факторам. Старая теория Копитара и Миклошича, в свое время отвергнутая Ягичем, объясняет расщепление ю.-слав. языков хронологическим различием двух волн славянских миграций на Балканы. Первое славянское население, осевшее на Балканах, состояло из «словенских» и «болгарских» племен, затем оно было разделено и оттеснено на западную и восточную периферии более поздним потоком «сербохорватских» племен. Ван-Вейк особо выделял географический фактор. Различное развитие западной и восточной областей он объяснял существованием широкой субстратной зоны с романским населением. Раздел ю.-слав. области связывают и с действием субстрата — греческого, романского. Попович относит деление на две зоны еще к праславянской эпохе. См.: *Popović I.* Op. cit., гл. VI.

[6] Положение об общности словенских, кайкавских и чакавских диалектов и противопоставленности их штокавскому диалекту еще в праславянский период поддерживают А. Белич. (*Belić A.* Les rapports mutuels du serbo-croate et du slovène. — RÉS 1921, I, p. 20—27), Ф. Рамовш (*Ramovš F.* Über die Stellung des slovenischen im Kreise der slavischen Sprachen. — Annales Academiae scientiarium fennicae. Ser. B, t. XXVII, S. 218—238),

тических построениях остается много спорных и нерешенных вопросов.

В интерпретации исторической динамики языковой карты большое значение имеет изоглоссный метод. Распределение региональных лексико-семантических изоглосс внутри и за пределами ю.-слав. пространства дает некоторые основания для выводов о древнейших отношениях и составе племен, осваивавших Балканский пол-в. В диахроническом плане любой набор изоглосс требует дифференцированного подхода. В общей сумме изоглосс, составляющей характеристику того или иного языка, наряду с явлениями древними, обусловленными генетическим родством, всегда присутствуют и такие черты, которые возникли в условиях временных языковых союзов и отражают контакты с соседними языками и диалектами [7]. Характеристика изоглосс новых и старых зачастую сопряжена с большими трудностями, и теоретически открытой остается возможность независимого параллельного развития. Противопоставление двух диалектных зон — западной и восточной — на ю.-слав. территории предстает в виде сложного соотношения разнонаправленных изолекс с разной географией севернославянских продолжений. Перед исследователем стоит задача отбора значимых, выразительных изолекс и выявления природы лексических схождений, поскольку они могут определяться разными историческими причинами. Так, устанавливаемый ряд кашубско-болгарских изоглосс говорит о существовании древних связей диалектов лехитской и болгаро-македонской групп. Продолжения этих изоглосс в балтийских языках свидетельствуют о том, что предки болгар и македонцев занимали северную часть праславянской территории, а их ближайшими соседями были балтийцы и предки поморян и поляков [8]. Широкая полоса изоглосс, связывающая западную латеральную зону восточнославянских языков, Карпаты и частично ю.-слав. языки, интерпретируется как отражение славянских миграций в южном направлении [9]. Словенско-западнославянские изоглоссы, по мнению З. Штибера, доказывают, что «предки словенцев пришли

Ф. Славский (*Славский Ф.* Взаимоотношенията между южнославянските езици. — БЕ 1956, VI, 2, с. 7—15), И. Попович (*Popović I.* Op. cit., гл. VII).

[7] Разграничение двух типов изоглосс, обусловленных спонтанными изменениями и контаминацией языков, находим в работе В. М. Жирмунского «О некоторых проблемах лингвистической географии» (ВЯ 1954, № 4, с. 3—25).

[8] *Бернштейн С. Б.* К изучению польско-южнославянских языковых связей. — В кн.: Studia z filologii polskiej i słowiańskiej 5. Warszawa, 1965, с. 33—36; *Popowska-Taborska H.* Z problematyki badawczej nawiązań leksykalnych (na materiale karzubsko-południowosłowiańskim). — RS XXXVI, 1, с. 3—16; Там же литература на эту тему.

[9] *Толстой Н. И.* Об изучении полесской лексики. — В кн.: Лексика Полесья. М., 1968, с. 12—18; *Бернштейн С. Б.* Интерференция языков карпатского ареала. — В кн.: Балканские исследования. Проблемы истории и культуры. I. М., 1976, с. 202.

на юг из Моравии или Чехии»[10]. И Попович отделяет собственно словенский от северо-западного словенского диалекта, который, как он думает, первоначально входил в чешскую область и позднее южнославянизировался[11]. Существует мнение, что население Паннонии, вытесненное венграми, было по преимуществу славянским, оно говорило на диалектах, переходных между протословацким (или «моравским») и протословенским. В древней Паннонии севернее Балатона преобладал протословацкий диалект, а южнее и юго-западнее была представлена ранняя форма словенского[12]. Положение о западнославянской основе словенского языка остается дискуссионным и имеет своих сторонников и противников[13].

В настоящей работе делается попытка установить основные направления ю.-слав. изолекс на материале географических названий, а точнее на материале небольшой семантически ограниченной группы названий холмов, гор и горных ущелий, перевалов. Названия горного рельефа занимают особое положение в общей лексической системе славянских языков прежде всего потому, что этот слой лексики в значительной своей части формируется в новых географических условиях жизни на Балканах. Славяне,

---

[10] *Штибер З.* О древних словенско-западнославянских языковых связях. — В кн.: Русское и славянское языкознание. М., 1972, с. 309.

[11] *Popović I.* Op. cit., гл. I.

[12] *Birnbaum H.* Common Slavic. Progress and Problems in its Reconstruction. Michigan, 1975, p. 12—13.

[13] *Ramovš F.* Über die Stellung der Slovenischen, S. 232. «Мы должны сказать, что движение западных и южных славян из праславянской родины проходило совершенно независимыми путями, что западная ветвь южных славян не имела на своем пути никаких контактов с чехами, в результате альпийские славяне оказались связующим звеном между западными и южными славянами». По Рамовшу, южные славяне продвигались в северо-западном направлении от устья Дуная.

В самое последнее время идею исконных словенско-чешских связей развивает Х. Василев. Однако приведенный им материал не вызывает доверия прежде всего потому, что очень неопределенны принципы отбора лексических соответствий. Список исключительно чешско-словенских лексических соответствий составлен в основном на материале современных литературных языков без учета диалектных и исторических данных. Так, словен. *deber* 'овраг' и чеш. *debř* подаются как лексемы, не имеющие продолжений в сербохорватском, но при реконструкции изначальных отношений важно учесть ст.-серб. *debri* мн. 'лощина, овраг в лесу', местное название *Dàbar*, производное *дабрина* 'густая тень, прохлада' (ЭССЯ 5, с. 176), а также ст.-слав. дьбрь и т. д. См.: *Vasilev Chr.* Slovenisch und Westslavisch. — In: Slavistische Studien zum VII Internationalen Slavistenkongress in Warschau 1973. München, 1973, S. 526—541; *Он же.* Möglichkeiten und Grenzen in der Erforschung der urslavischen Wortgeographie am Beispiel lexikalischer Übereinstimmungen zwischen Serbokroatisch und Westslavisch. — WslJb 1975, 21, S. 280—289. — Таким образом, серьезные методические просчеты почти полностью обесценивают материалы, отобранные для подтверждения теории изначальных словенско-западнославянских связей. Заметим, что нет четкости и ясности в постановке самой проблемы западно-южнославянских отношений.

исконные жители равнин[14], спустившись на юг, столкнулись с необходимостью освоения больших горных массивов. Путь им преграждали карпатские горы, протянувшиеся более чем на 2 тыс. км. Колонизации Балканского п-ова, по всей видимости, предшествовал длительный период оживленных торговых связей севера, Балтийского моря с югом, Средиземноморьем. Славяне передвигались по известным им путям древних торговых отношений, по долинам рек, горным ущельям, в обход гор и через перевалы[15]. Смена географической среды в процессе миграции, особенности природных условий Балканского п-ова явились тем внешним фактором, который определил становление и развитие горной терминологии. Основная часть «горной» лексики — это семантические инновации эпохи славянских миграций, сложившиеся на основе переосмысления унаследованного славянского материала. Ю.-слав. периферия наряду с инновациями дает немало примеров сохранения архаичных лексем в их первичном значении: ср. с.-хорв. *брȇг* 'холм, возвышенность', польск. *brzeg* 'берег'~нем. *Berg* 'гора'; с.-хорв. *сте́на* 'скала, большой камень', польск. *ściana* 'стена'~нем. *Stein*[16]. Характерные для ю.-слав. области пучки лексико-семантических изоглосс в известной степени могут служить показателем славянских миграций в период заселения Балканского п-ова и Восточных Альп, вместе с тем в ретроспективном плане они позволяют составить некоторое представление о том, как проходило формирование лингвистической карты на Балканах.

* * *

Ю.-слав. названия горного рельефа в самом общем виде объединяются в две группы лексико-семантических изоглосс, одна из них характеризует северо-западную часть, другая — юго-восточную. Обе диалектные зоны четко выражены, хотя, естественно, и не имеют резкой границы. И явления типично восточные обнаруживают продолжения в западной области и наоборот. Внутри диалектных зон существуют узко локальные регионализмы с разными соответствиями в севернославянских языках.

---

[14] В рамках данной работы мы лишены возможности разбирать вопрос о пространственно-временной локализации славянской прародины. Скажем лишь, что мы исходим из теории, помещающей прародину славян в бассейне Западного Буга и среднего течения Днепра. См.: *Бернштейн С. Б.* Очерк сравнительной грамматики славянских языков, с. 62—66.

[15] *Трубачев О. Н.* Ранние славянские этнонимы, с. 50—51.

[16] *Мартынов В. В.* Проблема славянского этногенеза и методы лингвогеографического изучения Припятского Полесья. Советское славяноведение 1965, № 4, с. 78; *Он же.* Лексические архаизмы на южнославянской языковой периферии. — В кн.: Ареальные исследования в языкознании и этнографии. Тезисы третьей конференции на тему «Методика лингво- и этнографических исследований. Маргинальные и центральные ареалы. 10—12 февраля 1975». Л., 1975, с. 23—24.

В восточной части ю.-слав. языков особого внимания заслуживают изолексы, для которых характерна тесная связь с карпатской диалектной зоной. Карпаты явились областью длительного пребывания славян, здесь складываются общие элементы в лексике, получившие широкое распространение в результате интенсивных межъязыковых контактов, связанных с условиями жизни и быта карпатского населения. Основным занятием населения было земледелие и отгонное скотоводство. Пастушеские племена сыграли немалую роль в распространении карпатизмов на смежной территории. Карпатизмы обнаруживают соответствия в восточной части ю.-слав. языков, некоторые из них имеют продолжения в северо-западных говорах русского языка. Общие особенности этой диалектной зоны формируются под воздействием общего субстрата и в результате языковой интерференции [17]. По наблюдениям Иллича-Свитыча [18], значительная часть географической терминологии складывается в период карпатской миграции славян. Древние славянские основы получают географическое значение в украинских говорах Карпат, в прилегающих к ним диалектах западно-славянских языков и нередко в восточной части ю.-слав. языков. К горным терминам карпатского ареала Иллич-Свитыч относит слав. **dělь* (ср. болг. *дял* 'холм', с.-хорв. *dȉo* то же, укр. гуцул. *діл* 'горная цепь, хребет' и т. д.), **perslopъ* (ср. ст.-серб. *prěslopь* (с XIV в.) 'седловина', болг. *пре́слап* то же, словац. *príslop* и т. д.). В их число входит и основа **kyčera*, производная от **kyka* и связанная, по всей видимости, чередованием с **kuka*. Эту основу представляют болг. диал. *кичера̀* 'склон с густым молодым лесом, который подходит к лугам и нивам' и название конусообразного возвышения, покрытого группами деревьев, *Кичер*, *Кичера* [19]. В сербохорватском наличие этого термина подтверждают горные топонимы *Kičer*, *Kicer*, *Kičelj* [20]. В украинском это апел. *ки́чера* 'гора, покрытая лесом, кроме вершины', 'крутая гора, поросшая лесом', 'вершина горы', гуцул. *кі́чера* 'гора' [21], бойк. *кич'ира=чіра*, *кічера* 'гора, холм, крутой холм, поросший лесом' [22] и названия многих вершин в Карпатах — *Kyczera*, *Kyczara*, *Kyczerky* [23]. В западных языках эту основу продолжают морав. *kyčera* 'холм', словац. *kyčer* 'крутой

---

[17] *Бернштейн С. Б.* Проблемы карпатского языкознания. — В кн.: Карпатская диалектология и ономастика. М., 1972, с. 3—15.

[18] *Иллич-Свитыч В. М.* Лексический комментарий к карпатской миграции славян. — Изв. ОЛЯ, 1960, XIX, 3, с. 222—231.

[19] *Заимов Й.* Местните имена в Пирдопско. София, 1959, с. 185; *Ковачев Н. П.* Местните названия от Севлиевско. София, 1961, с. 16.

[20] *Bezlaj F.* Slovenska vodna imena. I. Ljubljana, 1956, с. 317.

[21] *Марусенко Т.* Материалы к словарю украинских географических апеллятивов (названия рельефов). — В кн.: Полесье. М., 1968, с. 231.

[22] *Онышкевич М.* Словарь бойковского диалекта. — В кн.: Карпатская диалектология и ономастика. М., 1972, с. 328.

[23] *Stieber Z.* Toponomastyka Lemkowszczyzny II. Nazwy terenowe. Łódź, 1949, с. 43—44.

голый холм', др.-луж. *kyčera* 'wohl Berg' [24]. По всей видимости, слав. **kyčera* не заимствовано из румынского (ср. рум. *chiceră* 'холм, бугор'), как полагали некоторые исследователи [25], а является исконным образованием, распространившимся на смежной территории Карпат.

К числу терминов, отлично характеризующих восточную часть ю.-слав. языков, относятся обозначения крутого склона горы, пропасти основами **urъva*, **urъvina*, родственными **rъvati*, **rovъ*. Это — с.-хорв. *ӱрвина* 'крутой склон горы' и *Урвина*, название горы [26]; болг. *ỳрва* 'долина между крутыми высокими горами', троян. *ỳрвъ* 'крутой склон', севлиевск. *Урва*, название места с крутыми склонами, *Уров дол* 'пастбище' [27], макед. *урвиште* 'пропасть' и топ. *Урвиште* [28]. Им точно соответствуют. укр. *ýрвúще* 'круча, пропасть', 'глубокий овраг', *ýров* 'ущелье с нависающими скалами', *урови* 'пропасти, обрывы', *уровúще* 'пропасть', 'крутой склон горы' [29], польск. *urwisko*, *urwa* 'обрыв, утес' [30], чеш. *urvisko*, *urva* 'обрыв' [31]. Словен. *ròv*, *rovíšče* отмечено в значении 'яма' [32].

Восточный ареал характеризуют и образования с корнем **mъk-/*myk-* (ср. **mykati*, **smukati*) в значении 'горное ущелье, узкий проход в горах': ср. с.-хорв. *smȁk* 'пропасть' [33], болг. пирдоп. *Горната Прóмка* (Стара-Планина) при апел. *промкъ* 'узкий проход среди скал' [34], укр. *вúсмик* 'возвышение на дороге', 'невысокая горка, холм', 'холм в лесу, заросший деревьями' [35], чеш. *průsmyk*, устар. *prosmyk* 'ущелье', 'проход в горах' [36], в.-луж. *přesmyk* 'лаз, лазейка' и 'перевал', 'горное ущелье' [37].

Не достигает западной окраины ю.-слав. территории сложение **čelopekъ/*čelopokъ* с общим значением 'крутой склон горы, обращенный к солнцу': с.-хорв. диал. *čelòpek*, болг. *Челопѐчане*, село (с XVI в.), укр. *чолопок* 'вершины горы' (Житомир., Хмельниц., Тернопол. обл.) [38], макед. *челопек* [39].

---

[24] *Machek*², с. 313.
[25] *Hrabec St.* Nazwy geograficzne Huculszczyzny. Kraków, 1950, с. 38—39.
[26] *Караџић*, с. 813; *Schütz J.* Op. cit., S. 31.
[27] БТР; *Ковачев Ст.* Троянският говор — БД IV, с. 229; *Ковачев Н. П.* Местните названия от Севлиевско. София, 1961, с. 270.
[28] *Пјанка Вл.* Топономастиката на Охридско-Преспанскиот базен. Скопје, 1970, с. 154.
[29] *Марусенко Т.* Указ. соч., стр. 252—253.
[30] Варшавский словарь VII, с. 353—354.
[31] *Kott* IV, с. 417.
[32] *Pleteršnik* II, с. 439—440.
[33] RJA XV, 65, с. 661.
[34] *Заимов Й.* Местните имена в Пирдопско, с. 143; *Ковачев Н.* Речник на говора на с. Кръвеник, Севлиевско. — БД V, с. 35.
[35] *Марусенко Т.* Материалы к словарю украинских географических апеллятивов, с. 221.
[36] PSJČ IV, с. 1335.
[37] *Трофимович К.* Верхнелужицко-русский словарь. М., 1974, с. 220.
[38] ЭССЯ, вып. 4, с. 47.
[39] *Пјанка Вл.* Указ. соч., с. 154.

Отдельные горные термины, сложившиеся в Карпатах, потоки славянской миграции перенесли на запад в район Восточных Альп. В недавнее время К. Гутшмидт обратил внимание на наличие лексических связей словенского языка и карпатоукраинских говоров [40]. В сфере географической терминологии подтверждением этих связей является общее для всей указанной территории обозначение горы, холма основой **bьrdo* (перв. название ткацкого станка): ср. словен. *bŕdo* 'холм'. Характерное для карпатской зоны различие в семантике слов **gora* ('самая высокая точка местности' → 'горный лес') и **polnina* '(голое пространство в лесу' → 'безлесная вершина') наблюдается и в словенском: ср. словен. *planíca* 'безлесное пространство в горах', *planína* 'безлесная гора; пастбище в горах'. Нет необходимости в подробном рассмотрении этого материала, поскольку он хорошо изучен и систематизирован в литературе [41]. Добавим, что в состав карпатско-южнославянских изоглосс входит и слав. **kuka* в качестве горного термина. В сербохорватском эту основу представляют *kukalj* 'высокое плато' (Задар) и горные топонимы *Kučer*, *Kučaj* [42], в болгарском — *Ку́кувица*, название обширного голого холма [43], в украинском — *кучка* 'небольшая насыпь' [44]. Зап.-слав. языки сохраняют многочисленные топонимы и гидронимы с этой основой: ср. польск. *Kuczek*, *Kuczka*, слвц. гидр. *Kučin*. В словенском названия горного хребта *Kuk*, *Kukársko brdo*, горные топонимы *Kuk* (община Толмин), *Kučer* (Подземель) [45] со всей определенностью говорят о существовании в прошлом апеллятива **kuka* со значением 'неровная, изогнутая гора'. Небезынтересно, что тот же семантический сдвиг 'крюк, изгиб' → 'бугор, холм' отражают родственные образования в балтийских и германских языках: ср. лит. *kaũkaras* 'холм, бугор', др.-исл. *haugr* 'холм' [46]. Как видим, часть семантических инноваций карпатского периода жизни славян по мере освоения Балканского п-ова распространяется в западном направлении [47].

Однако далеко не все славянские племена надолго задержались в Карпатах. Часть славян двинулась в обход Карпат через Нижне-Валашскую низменность и заселила Мизию, Фракию,

---

[40] *Гутшмидт К.* К карпатоукраинско-южнославянским лексическим параллелям. — В кн.: Славянское и балканское языкознание. Проблемы интерференции и языковых контактов. М., 1975, с. 202—210.
[41] *Иллич-Свитыч В. М.* Указ. соч., с. 222—227.
[42] *Schütz J.* Op. cit., S. 22, 26.
[43] *Заимов Й.* Местните имена в Пирдопско, стр. 198.
[44] *Марусенко Т.* Указ. соч., с. 234.
[45] *Bezlaj F.* Slovenska vodna imena I, c. 317; Krajevni leksikon Slovenije I. Ljubljana, 1968, c. 206, 410.
[46] *Фасмер* II, с. 404.
[47] Заметим, что семантические сдвиги в языках и диалектах карпатского ареала имели место и в более позднее время после ухода славян на Балканский пол-в (ср. **dьbrь*/**dъbrь* и **obъlazъ*). См.: *Клепикова Г. П.* Из карпатоукраинской терминологии горного ландшафта. — Вопросы географии 1970, № 81, с. 60—70.

Родопы, Македонию. Об этом свидетельствует узко локальный характер многих географических названий в восточной части ю.-слав. языков. Среди них унаследованный от праславянской эпохи диалектизм **golma*, его представляют болг. *гла̀ма* ʽбольшая скала' (сев.-зап.), ʽгора, голая вершина', название горы *Глама*[48], с.-хорв. *гла̏ма* ʽголая каменистая гора, скалистая вершина горы', *Glama* как название сел, холмов (вост. Сербия) и каменистого ущелья[49]. Сербские и болгарские лексемы известны лишь в географическом значении, предполагаемое для них русское соответствие *голо́мя* семантически далеко отстоит, ср. ʽчасть дерева без сучьев', ʽобнаженная сабля, клинок', ʽоткрытое море, определенное расстояние от берега'[50]. Семантические расхождения у основ **golma*, **gol-men-*, соотносительных с **golъ*, могли наметиться еще в праславянских диалектах и углубиться в их дальнейшем развитии. Праславянской эпохой датируется, видимо, и регионализм **kręžь*, ограниченный в своем распространении диалектами болгарского и македонского языков: ср. болг. ботевград. *креш* ж. р. ʽскалистая возвышенность, заросшая кустарником и мелким лесом', *кръш* ʽпологий склон' (севлиевск.), ʽголый крутой склон, острая каменистая вершина' (пирдоп.), ʽкаменистая земля'[51]. Близкие лексико-семантические соответствия представляют лишь русские диалекты: ср. рус. *кряж гор* ʽгряда гор, хребет, цепь', *креж* псков. ʽобрыв берега', олон. ʽгора, скала, возвышенный берег'[52]. Примером локальной инновации более позднего времени, а точнее эпохи освоения Балкан, может служить использование термина ткачества **bidlo* в качестве обозначения горы в восточной части ю.-слав. языков: ср. болг. диал. *би́ло* ʽгребень горы, горный хребет', ʽвершина горы, холма', макед. *било* ʽгребень горы', с.-хорв. *би̏ло* ʽгребень горы', в Шумадии *bȉla* ʽmontis genus', также *pòbilje* ʽгребень горы', ʽместо, где горный склон круто обрывается', далее топонимы *Pobilje*, *Zabilje* (вблизи Сараева), болг. *Билото*, чеш. *Bydlin*[53]. Все признаки местного образования имеет и обозначение горы основой **vьrtl-*: ср. болг. *върл* ʽкрутой', *върла̀к* ʽстремнина' и многочисленные топонимы[54], макед. *врлина* ʽстремнина'[54] и с.-хорв. диал. *vȑlēt* то же[55]; видимо, сюда же укр. *Говерла*,

---

[48] БЕР I, с. 246; *Заимов Й*. Местните имена в Пирдопско, с. 140.
[49] РСА III, с. 315; RJA XII, 1, с. 147; *Schütz J*. Op. cit., S. 21; ЭССЯ, 6, с. 206.
[50] *Фасмер* I, с. 431; *Филин* 6, с. 319.
[51] *Григорян Э. А*. Словарь местных географических терминов болгарского и македонского языков. Ереван, 1975, с. 108.
[52] *Варбот Ж. Ж*. Заметки по славянской этимологии. — В кн.: Этимология. 1970. М., 1972, с. 71—72; *Толстой Н. И*. Славянская географическая терминология. М., 1969, с. 120—122.
[53] ЭССЯ, вып. 2, с. 94—95; *Schütz J*. Op. cit., с. 26; *Skok* I, с. 162; *Šmilauer* V. Příručka slovanské toponomastiky. Praha, 1970, с. 39 (относит сюда же русск. топ. *Билово*).
[54] БЕР I, с. 211; *Видоески Б*. Кумановскиот говор. Скопје, 1962, с. 250.
[55] *Schütz J*. Op. cit., S. 32.

название горы в Карпатах[56]. К числу балканских инноваций следует отнести, по всей видимости, и образования с корнем **boj-* в функции горного термина: ср. болг. диал. *прибой* 'крутой берег' и название гребня гор *Разбой*, *Прибовица* (Пирдоп)[57], с.-хорв. название горы *Pribojac* (Герцеговина)[58].

* * *

Свою специфику в распределении географических названий имеет западная часть ю.-слав. языков. Восточные Альпы и Западные Балканы осваивались в основном паннонскими славянами и племенами, двигавшимися с востока. Лингвистическая общность словенского и кайкавского, чакавского, штокавского (западного) диалектов сербохорватского языка проявляется и в сфере лексики. Здесь находим ряд «горных» терминов, неизвестных остальным ю.-слав. языкам. Основную часть их составляют семантические инновации, обнаруживающие тенденцию к распространению на смежные территории в северном и восточном направлении. К семантически новому слою лексики эпохи переселения и освоения новой родины относится, видимо, общеславянская основа **kъlkъ* (ср. русск. *колк* 'костяной комель под рогом коровы или быка', болг. *кълка* 'бедро' и т. д.)[59] в географическом значении. В функции горного обозначения эта основа выступает лишь в западной части ю.-слав. языков и не имеет семантических соответствий в северославянских языках. В сербохорватских диалектах находим *kŭk*, *kûk* в значении 'большой камень, утес, скала' и топоним *Kŭk* (Милна, Брач), название высокого места (с 1144 г.)[60]. Несколько шире в географическом значении представляют основу **kъlkъ* словенские диалекты: ср. словен. *kȍłk*, *kȍlk* 'выступ скалы, вершина горы, холм', горные топонимы *Kolk*, *Kovk*, *Kok*, *Kuk*[61], резьян. *kolk*, *ku:k* 'небольшая гора, холм', терск. *kôuk* 'гора' и название возвышенной местности[62]. Эта семантическая инновация проникает и на восточную территорию: ср. болг. страндж. *кълка* 'холм' при общеупотребительном 'бедро', 'поворот дороги, излучина'[63]. К поздним новообразованиям принадлежит, видимо, и географическое переосмысление

---

[56] *Трубачев О. Н.* Заметки по этимологии некоторых нарицательных и собственных имен. — В кн.: Этимология 1971. М., 1973, с. 85.
[57] *Заимов Й.* Местните имена в Пирдопско, с. 238, 241.
[58] RJA X , 50, с. 815.
[59] *Фасмер* II, с. 291—292.
[60] RJA V, с. 753; *Skok* II, с. 225.
[61] *Pleteršnik* I, с. 424; *Badjura R.* Ljudska geografija. Terensko izrazoslovje. Ljubljana, 1953, с. 122 (с указанием, что Плетершник не совсем точно дает значение 'der Felsvorsprung', 'die Klippe', правильнее 'der Hügel, Kegel'); *Bezlaj F.* Slovenska vodna imena I, с. 271—272.
[62] *Kronsteiner O.* Die Toponymie des Resia-Tales. — WslJb 1975, XXI, S. 129; *Бодуэн де Куртенэ.* Словарные материалы. Архив АН СССР, ф. 102, оп. 1, № 8, 11, л. 115, 151, 166.
[63] *Григорян Э.* Указ. соч., с. 112.

строительного термина **selmę*[64] на смежной территории западных и южных славян. В ю.-слав. языках эту основу в функции «горного» термина представляют с.-хорв. *sljȅme* 'вершина горы', 'холм', топ. *Slȩme*, название высокой горы вблизи Загреба[65], словен. *slẹ́me* 'горный хребет', 'гребень горы'[66]. Семантическое изменение 'брус, перекладина' → 'гребень горы' отражают и западнославянские языки: словац. *slemeno* 'горный хребет', *Slemä*, название горы, чеш. *slemě* 'гребень горы' и *Slemeno*, польск. *Ślemień*[67]. Результатом интерференции является, видимо, и макед. диал. *сле́ме* 'гребень горы'[68]. Локально ограничено обозначение горного перевала основой **-voj-/*vij-*, родственной гл. **viti*. В с.-хорв. это *prȅvija*, *prijȅvoj*, *prévoj* 'перевал в горах', 'седловина', топонимы *Previja*, *Previjica*, *Prevoja*, название горы в Шумадии, *Prevojica*, гора в Сербии, *Pȍvija*, село и гора в Черногории[69]. В словенском «горное» значение отражают топонимы *Prevóje*, название селения на гребне горы, *Prevóje pri Šentvidu* (община Домжале)[70]. Семантическая инновация проникает и в Охридско-Преспанскую область: ср. макед. *превој* 'перевал'[71] при болг. диал. *привой* 'ремень, соединяющий ярмо с ручкой плуга'[72].

В западной части ю.-слав. языков представлены и древние обозначения горного рельефа, унаследованные, по всей видимости, еще из праславянской эпохи. Наличие лексико-семантических соответствий для них в той или иной части севернославянского мира весьма значимо для понимания этногенетических процессов. Праславянский диалектизм **kolnьcь*, ограниченный по преимуществу словенскими, хорватскими, кайкавскими диалектами, родствен лит. *kalnas*, лтш. *kalns* 'холм, гора'. В болгарском эта основа выступает с суффиксом *-ik- кланик* в значении 'пространство между очагом и стеной'[73]. Строго географическое значение имеет лишь основа **kolnьcь* на самой западной периферии ю.-слав. территории: ср. с.-хорв. *klánac*=*klânȁc*=*klânac* 'ущелье, узкий тесный проход между горами', хорв.-кайк. топ. *Klanjec* (Загорье)[74], словен. *klánec* 'ущелье, проход в горах' (ср. также *klanec ali strmec* 'Steigung oder Gefälle')[75], 'дорога, круто поднимающаяся в гору'[76], *klanz* 'дорога по краю'[77],

---

[64] *Фасмер* III, с. 668—669.
[65] RJA XV, с. 493, 533, 653, *Schütz J.* Op. cit., S. 26.
[66] *Pleteršnik* II, с. 509.
[67] SSJ IV, с. 114; PSJČ V, с. 355; *Machek*², с. 553; *Šmilauer V.* Op. cit., с. 159.
[68] *Григорян Э.* Указ. соч., с. 203.
[69] RJA XI, 50, с. 799; XI, 48, с. 26; *Schütz J.* Op. cit., S. 29; *Skok* III, с. 601.
[70] Krajevni leksikon Slovenije II. Ljubljana, 1971, с. 100.
[71] *Пјанка Вл.* Указ. соч., с. 156.
[72] *Младенов М.* Лексиката на ихтиманския говор. — БД III, с. 147.
[73] БТР
[74] *Skok* II, с. 88—89.
[75] *Pleteršnik* I, с. 401.
[76] *Badjura R.* Op. cit., с. 213.
[77] *Jarnik U.* Versuch eines Etymologikons der slowenischen Mundart in Inner-Oesterreich nach verläßlichen Quellen. Klagenfurt, 1832, S. 233.

резьян. *kl'anøts, na kl'antsø* 'kleiner berg'aster Hügel' [78]. По данным этимологических словарей, эта основа путем заимствования проникает в чешский, румынский: ср. чеш. *klanec* 'овраг, лощина', рум. *câlnic=colnic* < **clânic* 'широкая горная тропа', 'холм' [79].

Очень выразительными представляются изолексы, связывающие диалекты южных и восточных славян. Они в стертом виде отражают следы языковых связей и генетических отношений диалектов до эпохи славянских миграций. К числу древних явлений, датируемых праславянской эпохой, следует, видимо, отнести изолексу **krǫt-*, объединяющую словенский и диалекты восточнослав. языков. Словен. диал. *skrǫ́tina* 'большая скала' [80] интересно тем, что является единственным ю.-слав. свидетельством этой основы в функции горного термина (ср. еще словен. *krǫ̂t* прил. 'крутой, стремительный' и *krotiti* 'поворачивать, крутить'). Восточнославянские языки шире представляют эту основу в географическом значении: ср. рус. *круча* 'яр, обрыв, утес, стена, скала', *кру́чи* 'горы, скалы, обрывы, пади' [81], блр. *кру́ча* 'высокое место, крутой берег, обрыв' [82], укр. *круча* 'крутой склон горы', 'пропасть', 'крутой берег', 'возвышенность', *скрут* 'недоступная вершина горы' [83], вост. полесск. *круча* 'крутой берег реки' [84]. Специфическая изолекса, объединяющая западную окраину ю.-слав. пространства и восточнославянские диалекты, может быть свидетельством изначальной близости этих диалектов и подтверждением, таким образом, теории некоторых исследователей [85] о том, что в заселении и освоении Восточных Альп принимали участие восточнославянские племена. Прерывистая изоглосса того же типа характеризует и слав. **skъrbina/*ščьrbina* в географическом значении. Эту основу в качестве названия горного рельефа представляют с.-хорв. *Шт̏рбина*, название горы [86], словен. *skrbína* 'хребет, скала', резьян. *skerb'yna* 'зуб скалы' [87], макед. диал. *штрба* 'неровная гора', *Штрбово* (с XVI в.), название села [88], укр. диал. *щербина* 'углубление в скале', 'пропасть, глубокий овраг' (Львов., Хмельн. обл.) [89]. Семантическое сходство, как видим, наблюдается в диалектных зонах, разделенных большим пространством. Можно думать, что толчок к семантическому сдвигу 'трещина, зазубрина' → 'гора с острыми выступами' появился в эпоху славянских миграций, но в более полном виде

---

78 *Kronsteiner O.* Op. cit., S. 129.
79 *Machek*², с. 251; *Skok* II, с. 88—89; *Šmilauer V.* Op. cit., с. 91.
80 *Pleteršnik* II, с. 500.
81 *Даль*² II, стр. 203.
82 *Яшкін І. Я.* Беларускія геаграфічныя назвы. Мінск, 1971, с. 98.
83 *Марусенко М.* Указ. соч., с. 233, 249.
84 *Толстой Н. И.* Указ. соч., с. 90, 100.
85 *Bezlaj F.* Eseji, особенно гл. VII.
86 *Караџић*, с. 877.
87 *Pleteršnik* II, с. 622; *Kronsteiner O.* Op. cit., S. 129.
88 *Пјанка Вл.* Указ. соч., с. 131—132.
89 *Марусенко М.* Указ. соч., с. 254.

эта тенденция реализовалась в западной части ю.-слав. языков, откуда семантическая инновация проникла в территориально близкие македонские диалекты. Эпохой славянских миграций, по всей видимости, следует датировать и изоглоссу **sъklepъ*/ **sъklopъ*, охватывающую в основном западную часть ю.-слав. языков и карпатские говоры украинского языка. Основа **sъklopъ*, соотносительная с слав. **klepati*, **klopъ* [90], в функции горного термина имеет ограниченное распространение; ее продолжают с.-хорв. *sklȍp*, *sklòpa* 'закрытое место, котловина', 'горная цепь', *sklopine* 'гряда гор', топ. *Sklop*, название горы (Хорватия, Босния), *Sklopňaci*, название горной вершины [91]; словен. *gorski sklop* 'горная цепь' [92]; чеш. *klepy* 'крутые отвесные горы или отвесные скалы' [93]. Другую диалектную зону образуют укр. гуцульск. *склеп* 'скалистое неприступное место', *склепíке* то же, *склепíте* 'отлогий склон горы' [94], лемк. *na Sklepi* [95]. Данная семантическая изолекса четко отграничивается в общем ряду славянских образований с этой семантически емкой основой. О широте семантического диапазона слав. **klepъ*, **sъklepъ* говорят болг. диал. *клѐп* 'клевета', польск. *klepiec*, ст.-чеш. *klepec* 'силки для птиц', чеш. диал. *sklep* 'подземная часть сруба' и т. д.[96] Приведенные географические изолексы довольно определенно отражают один из основных потоков славянских миграций с востока на запад.

Трудно привести примеры географических изолекс, составляющих исключительную характеристику южных и западных славян. В сфере географической терминологии речь может идти о семантических соответствиях, рассеянных по всей славянской территории. Так, основа **kopьcь*, производная от **kopa* 'копна', развивает значение 'холм, гора' в разных частях славянского мира: ср. чеш. *kopec* 'холм', словац. *kopec* то же, н.-луж. *kopc*, *kopca* то же, укр. диал. *копецъ*, блр. *капéц* то же [97] и ц.-слав. копьць 'холм' [98], словен. *kopíca*, резьян. *kópa* 'вершина горы' [99] при лит. *kãpas*= лтш. *kaps* 'насыпной холм'. Очень показательно, что в ряде случаев ю.-слав. языки оказались в стороне от общего процесса «горного» переосмысления славянских основ. Праслав. **bordlo* (производное с суффиксом *-dlo* от основы глагола **borti*) получает географическое значение 'скала, утес' в западной и восточной группах: ср. ст.-чеш. *bradlo* 'утес', словац. *bradlo* то же, укр. диал. *борóло* 'расселина в скале', *бородó* 'скала'. Но это

---

[90] *Sławski* II, с. 208, 265—266.
[91] RJA XV, 64, с. 245—246; *Schütz J.* Op. cit., S. 30.
[92] *Pleteršnik* II, с. 490.
[93] *Малько Р. Н.* Географическая терминология чешского и словацкого языков (на общеславянском фоне). Минск, 1974, с. 26.
[94] *Марусенко М.* Указ. соч., с. 249.
[95] *Stieber Z.* Toponomastyka Lemkowszczyzny II, с. 68.
[96] См.: *Machek*², с. 546; *Sławski* II, с. 208.
[97] *Sławski* II, с. 461.
[98] *Skok* II, с. 144.
[99] *Pleteršnik* II, с. 434; *Kronsteiner O.* Op. cit., S. 129.

семантическое изменение не коснулось ю.-слав. языков: ср. болг. *брало* 'закол на воде' [100]. По наблюдениям некоторых исследователей [101], отсутствуют ю.-слав. соответствия для географического термина **grunь*, представленного карпатоукр. *грунь* 'вершина горы', 'горный хребет', 'гора', словац. *grúň* 'гора', чеш. морав. *grun* 'склон' и т. д.

Как видим, названия горного рельефа не подтверждают те этногенетические построения, в которых образование ю.-слав. языков представляется как результат движения одного потока западных славян [102]. По всей видимости, западная половина ю.-слав. территории явилась областью объединения и смешения двух основных потоков славянских миграций, проходивших через Паннонию и Дакию. Паннонскую миграцию тоже, видимо, нельзя представлять себе в виде движения однородных славянских племен. Через Паннонию проходили предки словенцев, сербов, хорватов, здесь же были поселения и предков болгар [103]. О том, что это был конгломерат самых разных племен, свидетельствуют и лексические изоглоссы. Исключительный интерес представляют немногочисленные, но очень важные в этом плане словенско-болгарские изолексы. Только на западной и восточной периферии ю.-слав. территории находим древнюю редуплицированную основу **molmolъ* (родственную **melti*) в значении 'бездна, яма, пропасть' [104]: ср. словен. *mlamol* и болг. топ. *Мламол* (Брезнишко) от исчезнувшего апел. **мламол* с первоначальным значением 'нечто выдолбленное, разрытое' [105]. В других славянских языках в близких значениях выступают образования иной структуры; ср. польск. *podmeł* 'склон, откос', словен. *podmel* 'обрыв' [106], словац. *podmol* 'место, подмытое водой' [107] и т. д. Судя по направлению изоглоссных линий, словенский язык в основе своей не просто западнославянский диалект, продвинутый в северо-западном направлении и втянутый в сферу влияния ю.-слав. языков. Формирование словенского языка протекало, видимо, более сложным путем: исходная основа его складывалась из смешения разных славянских компонентов (западных, восточных и южных) [108] с преобла-

---

[100] ЭССЯ, вып. 2, с. 200—201.

[101] *Клепикова Г. П.* О карпатоукраинской терминологии горного ландшафта. II. — В кн.: Карпатская диалектология и ономастика, с. 93—114.

[102] См. *Nalepa J.* Op. cit.

[103] *Бернштейн С. Б.* Очерк сравнительной грамматики славянских языков, с. 76.

[104] Рукописные материалы Сектора болгарского этимологического словаря. София, Болгарская АН. Цитируется по работам Заимова (Славянская филология III, 1963, с. 303) и Дуриданова (ИИБЕз 5, 1957, с. 416). *Bezlaj.* Eseji, c. 126.

[105] Ср. в другом значении идентичное болг. диал. *мламолец* 'болезнь головы', см. *Маринов* — СбНУ 1901 XVIII, II, 1, с. 46.

[106] *Nitsche P.* Geographische Terminologie des Polnischen, 1964, S. 36.

[107] SSJ III, c. 138.

[108] *Ramovš F.* Op. cit., S. 218—238.

данием кайкавского диалекта, близкого чакавскому в праславянском языке.

Наряду с изолексами, дифференцированно характеризующими диалекты, представлены и общеюжнославянские обозначения горного рельефа. Исключительно ю.-слав. характер имеет основа **čuka* ʽгора, холм': ср. с.-хорв. *čȕka* болг., макед. *чука*, *чукар* ʽгора, возвышение', словен. *čȗklja* ʽкруча в горах' (Посочье), ʽскала', ʽяма' [109]. Много топонимических названий с этой основой: *Čukara*, название горы вблизи Белграда [110], макед. *Чукар*, *Чукари*, *Чукарине* [111], болг. *Чукльовци*, *Чукарци*, *Васчукар* (Кюстендилско) [112], словен. *Čuki*, *Čuklja*, *Čuklje* [113]. Ю.-слав. **čuka*, возможно, родственное русск. ряз. *чук* ʽчуб', а также лит. *kaũkaras* ʽхолм, гора', *čiùkaras*, *čiùkuras* ʽвершина горы', др.-норв. *haugr* ʽпригорок' [114], является показателем диалектной дробности праславянского. Общеслав. **kъrn-* ʽкороткий, изуродованный' [115] выступает в «горном» значении преимущественно в ю.-слав. языках: ср. с.-хорв. диал. *kȑnjāk*, *krnjáka*, *krnjaš* ʽeine Bergform', название горы *Krn*, *Krnjak* [116], словен. *kȓn* ж. р. ʽвершина горы, утес', топ. *Kŕn*, горная деревня, *Krníca*, *Ledinske Krníce*, *Idrske Krníce* [117]. На территории Болгарии название горы *Кърневица*, *Кърнев връх*, *Кърньов преслап* (Средна-гора) [118]. В других языках засвидетельствованы лишь топонимы: ср. чеш. *Krnín*, *Krnovy* [119], словац. *Krno*, *Krňovice* [120], польск. *Karniszewo* [121]. Такой же ю.-слав. семантической инновацией является использование основы **rъtъ* с исходным значением ʽвыступающая часть предмета' (ср. др.-рус. *ръть* ʽострие', чеш. *ret* ʽгуба') [122] в качестве обозначения возвышенности: ср. словен. *ȓt*, *ŕta* м. р. ʽострие, вершина горы', *rtína* ʽгорная вершина' [123], с.-хорв. *ȓт* ʽострие, вершина', *ȓtanj* ʽконусообразная вершина горы', топ. *Rât* [124], болг. *рът* ʽхолм, возвышение', пирдоп. *рат*, *рът* м. и ж. р.

---

[109] ЭССЯ, вып. 4, с. 131.
[110] *Schütz J.* Op. cit., S. 24.
[111] *Пјанка Вл.* Указ. соч., с. 152.
[112] *Заимов Й.* Заселване на българските славяни на Балканския полуостров. Проучване на жителските имена в българската топонимия. София БАН, 1967, с. 62, 263.
[113] Krajevni leksikon Slovenije I, c. 202, 232, 234.
[114] Słownik prasłowiański II, c. 285.
[115] *Фасмер* II, с. 330.
[116] *Schütz J.* Op. cit., S. 22.
[117] Krajevni leksikon Slovenije I, c. 73, 136, 409.
[118] *Заимов Й.* Местните имена в Пирдопско, с. 196; *Он же.* Заселване на българските славяни, с. 145, 247.
[119] *Kott* I, Dod., c. 743.
[120] *Profous A.* Místní jména v Čechách, II. Praha, 1949, c. 411.
[121] *Sławski* II, 2, c. 155.
[122] *Фасмер* III, с. 506—507; *Lane G. S.* Two slavic etymologies. — RS 1936, XII, p. 71.
[123] *Pleteršnik* II, c. 441—442.
[124] RJA III, c. 162; *Schütz J.* Op. cit., S. 26.

'продолговатая стремнина', топ. *Ратá*, *Раттá*[125]. Сюда чеш. топ. *Rtyně*, полаб. **Rъt-Rotten-Retowo*, русск. *свинорт* (**svinъ rъtъ*)[126].

Нельзя пройти мимо узко региональных обозначений горного рельефа, для которых отсутствуют севернославянские соответствия. К числу таких местных новообразований можно отнести с.-хорв. *prèslo* 'долина между горами' 'возвышение между двумя горами', назв. горы *Prȅslica* (Герцеговина) от **prędslo*[127]; словен. *skrânj*, *-î* ж. р. 'стена или скала, под которой течет вода'[128] при общеслав. **skornь* 'висок, скула, челюсть'[129]. С.-хорв. назв. горы *Skrobitnik* (Хорватия), *Skrebutnik*[130], возможно, косвенно свидетельствуют о географическом переосмыслении основы, родственной **skrebti*. Семантический сдвиг в этом направлении отражает и словен. *škrabljâvica* 'неровная поверхность; ухабистая, неровная дорога'[131].

Приведенный материал в таком ограниченном объеме служит самой общей основой для размышлений об этногенетических отношениях на Балканах. По семантическим инновациям, сопутствовавшим славянским миграциям, можно выделить несколько диалектных зон, которые сами по себе являются показателями определенной языковой и территориальной близости ю.-слав. диалектов в период заселения Балканского пол-ва и Восточных Альп. Движение шло через Карпаты и Нижне-Валашскую низменность в южном и северо-западном направлении. Другая волна славян продвигалась через Паннонию в юго-западном и юго-восточном направлении. Севернославянские соответствия не дают надежных и достаточных оснований для заключений о преобладании западного или восточного компонента в ю.-слав. миграциях. Ю.-слав. периферия — область семантических инноваций разных эпох (в основном периода миграций и периода длительной постоянной жизни на Балканах) и область сохранения праславянских архаизмов. На ю.-слав. территории рассеяны праславянские диалектизмы **kolnьcь*, **golma*, **molmolъ*, **kręžь*, **krǫt-*, **sъklepъ* и др. с разной географией севернославянских соответствий.

---

125 *Бернштейн С.* Болгарско-русский словарь. М., 1968, с. 589; *Заимов Й.* Местните имена в Пирдопско, с. 40, 243.
126 *Šmilauer V.* Op. cit., S. 155.
127 RJA XI, 49, c. 710—711; *Iveković-Broz* II, c. 195 (с пометой: нет у Вука); *Schütz J.* Op. cit., S. 30.
128 *Pleteršnik* II, c. 496.
129 *Фасмер* III, c. 653.
130 RJA XV, 64, c. 339.
131 *Pleteršnik* II, c. 633.

В. Э. Орел

СЛАВ. *UDЪ

Славянское **udъ* обычно реконструируется на основе следующих соответствий: рус. *уд*, др.-рус. *оудъ* 'часть тела', 'член' ст.-слав. оуджь 'член', болг. *уд* то же, с.-хорв. *ȗд* то же; чеш., словац. *úd* 'член', польск. *ud* 'ляжка' [1]. Наряду с этим существуют также формы среднего рода, типа др.-рус. *оудо* 'часть тела', 'член', 'кусок (мяса)' с.-хорв. *у́до* 'кусок (мяса)', польск. *udo* 'ляжка'[2] (в древнерусском форма *оудо* оказывается втянутой в парадигму основ на **-es*). Характер распространения слов среднего рода указывает, по-видимому, на их независимое вторичное возникновение; что касается польск. *udo*, *ud*, то Брюкнер [3] прямо говорит об исходности формы мужского рода и связывает образование формы среднего рода с чисто польскими морфологическими процессами.

Слав. **udъ* обладает рядом особенностей, которые делают его этимологизацию сложной. Главная из них — наличие двух легко выделяемых групп значений (вполне аналогичных соответствующим значениям лат. *membrum*): 'часть тела вообще', 'кусок мяса', 'ляжка' — и 'член'. Поскольку направление семантического развития, во всяком случае, не безусловно ясно, то и этимологии этого слова оказываются в непосредственной зависимости от выбранной семантической версии. И действительно, если оставить в стороне целый ряд явно не соответствующих действительности этимологий [4], то останутся две: этимология Голуба—Копечного [5], возводящая слав. **udъ* к и.-е. **au-dhos* 'нечто отдаленное, выставленное вовне' (в свою очередь к и.-е. **dhē-*, о чем говорит Фасмер [6]), и этимология Горяева [7], повторенная впоследствии Р. Якобсоном [8], связывающая рус. *уд* с *удить* 'зреть, наливаться'

---

1 *Фасмер* IV, с. 148.
2 Там же.
3 *Brückner*, с. 592.
4 См. о них *Фасмер* IV, с. 148—149.
5 *Holub — Kopečny*, с. 400.
6 *Фасмер* IV, с. 149.
7 *Горяев*, с. 385.
8 *Jakobson R.* Marginalia to Vasmer's Russian Etymological Dictionary (Р—Я). — IJSLP, 1959, v. 1/2, p. 273. Р. Якобсон особо указывает на связь *удить* и *уд*. Этому фактически противоречит интересный анализ этой

и *вымя*. Обе этимологии связаны с двояким толкованием слав. **идъ* — как '(выступающая) часть тела вообще' и как 'член' (=*'набухающий') соответственно.

Обе этимологии едва ли могут быть признаны вполне удовлетворительными уже потому, что и Голуб—Копечный, и Якобсон (вслед за Горяевым) в равной мере исходят из предположения о словообразовательной изолированности лексемы в пределах собственно славянского материала и, естественно, вынуждены обращаться непосредственно к индоевропейской реконструкции (подобно Голубу—Копечному) или к таким материально и семантически далеким формам, как русск. *вымя*.

Между тем слав. **идъ* входит в лексико-семантическую группу, которой (в связи с этим словом) не уделялось достаточно внимания. Прежде всего необходимо привлечь к рассмотрению практически не использовавшиеся свидетельства славянских текстов. Сами вариации значения слав. **идъ* — от 'часть тела вообще' до 'член' и 'бедро' — даже в том случае, если не может быть и речи о точной реконструкции значения, указывают на нижнюю половину тела. С этой точки зрения особенно интересна сочетаемость др.-рус. *оудъ*, которое, если исключить специальные употребления для обозначения тела божества (*стыи оудъ*), обнаруживает ясную тенденцию к совместному употреблению с *плъть*, *плътьныи*, ср. *не плътьныи оудъ оуста бжии; оудъ имущи плъть* и т. п.[9]

Помимо вероятной отнесенности значения этой лексемы к нижней половине тела, мы практически лишены возможности вынести какие бы то ни было положительные суждения о слав. **идъ* из текстов просто в силу того, что в фольклорных (восточно-) славянских текстах это слово встречается крайне редко (и это, кстати, одна из важных его характеристик). Однако некоторые словоупотребления все же представляют чрезвычайный интерес. Это, в частности, касается гапакса *полоудничек* в загадке о цепах: *Летят гуськи, дубовы носки, летят, кричат. «Полоудннчки!»*[10]. Другие варианты процитированной загадки явно свидетельствуют в пользу ее первоначальной связи с тематикой плодородия [11]: потому особенно интересной становится возможность трактовать деминутив *полоудничек* (и **полоудный* [12]) как результат сложения из *полый* и *уд* (ср. *полоумный*, *пологрудый*). Приведенный гапакс, на наш взгляд, можно рассматривать как указание на то, что рус. *уд* (и его славянские соответствия) обозначает в ы с т у п а ю щ у ю

группы слов в статье: *Хэмп Э.* Miscellanea. — В кн.: Этимология. 1970. М., 1972, с. 263—268.

[9] *Срезневский* III, стб. 1155—1156.

[10] *Садовников Д. Н.* Загадки русского народа. М., 1959, с. 151, № 1295и.

[11] Там же (№ 1295а—1295к).

[12] В принципе правомерно реконструировать эту форму, имея в виду морфологическую структуру нашего гапакса и наличие в русском языке прилагательного *удный* (*Фасмер* IV, с. 149).

часть тела, образующую п о л о с т ь, что, естественно, повышает шансы на выбор значения 'член' в качестве основного.

Мы предприняли этот экскурс в семантику с тем, чтобы показать, насколько естественно слав. **udъ* может быть отнесено к той группе лексем, которые служат как бы координатами в описании человеческого тела (*голова*, *перед*, *зад*, *сердце*, *ноги*). Налицо, однако, не только содержательное, но и материальное тожество слав. **udъ* с группой слов — «координат» типа **perdъ*, **zadъ*, **nadъ*, **podъ*, соотносимых в качестве существительных с человеческим телом (*зад*, *перед*) [13] и несомненно восходящих к соответствующим служебным словам и наречиям, а в конечном счете, к предлогам **per-*, **za-*, **na-*, **po-*. Близость (как смысловая, так и внешняя) слав. **udъ* к этой группе лексем заставляет нас предположить морфологическое членение **u-dъ*, соответствующее модели, которая представлена в **per-dъ*. С другой стороны, нельзя не соотнести первый компонент **u-dъ* со славянским предлогом / префиксом **u*, а второй компонент — с суффиксальным образованием *-*dъ*. Таким образом, нельзя не согласиться с Голубом—Копечным в том, ка́к они разбивали слав. **udъ*: граница между морфемами определена ими совершенно точно; более того, формально верно ими определен и первый элемент сложения, поскольку слав. **u*, видимо, действительно восходит к и.-е. **au*. Однако лексема в целом ни в коем случае не может быть отнесена к индоевропейским образованиям — перед нами славянская инновация.

Инновационный характер слав. **udъ* определяется прежде всего некоторыми характеристиками всей группы славянских имен на *-*dъ* [14]. Хотя проблема их грамматической эволюции не ясна [15], смысловое единство этих лексем не оставляет сомнений

---

[13] См. *Эндзелин И.* Латышские предлоги, т. I. Юрьев, 1905, с. 5.

[14] Происхождение форманта *-*dъ* пока не ясно. Вызывает некоторые сомнения принадлежащее еще Ягичу (*Jagić V.* Das Leben der Wurzel *dhē-* in den Slavischen Sprachen. Agram, 1871) сближение *-*dъ* и и.-е. * *dhē-*, хотя факты вроде слав. **naditi* (*Трубачев О. Н.* Этимологический словарь славянских языков. Проспект. Пробные статьи. М., 1963, с. 64) и слав. **pridъ* (*Трубачев О. Н.* О составе праславянского словаря (Проблемы и задачи). — В кн.: Славянское языкознание. Доклады советской делегации. V Международный съезд славистов. М., 1963, с. 182) как будто говорят в его пользу. Вслед за Стангом (*Stang Chr. S.* Eine preussisch-slavische (oder baltisch-slavische?) Sonderbildung. — Scando-slavica, v. 3, 1957, p. 236) следует отклонить традиционное сближение *-*dъ* с некоторыми греческими и индоиранскими служебными морфемами (*Meillet A.* Chronique. Généralité. — RÉS, IX, 1929, p. 127; *Idem.* Sur l'étymologie de la préposition *podŭ*. — В кн.: Зборник филолошких и лингвистичких студија А. Белићу. Београд, 1921, с. 24—26). Стангу (*Stang.* Op. cit., p. 236) принадлежит перспективное сближение с вост.-балт. морфемой в *pirsdau* 'перед' и др., поддержанное Топоровым (*Топоров В. Н.* Прусский язык. М., 1975, с. 344), сопоставившим *-*dъ* и указательный элемент **di-*. Не отражает ли *-*dъ* древнюю локативную частицу, отразившуюся также в форме и.-е. отложительного падежа?

[15] Ср. гипотезу Станга (*Stang.* Op. cit., p. 236).

в их общем происхождении. Так же несомненно и то, что формирование этой группы, а равно и ее семантическое развитие обусловлены наличием попарных противопоставлений типа **perdъ* / **zadъ*: так употребление **nadъ* в качестве предлога, видимо, не обошлось без влияния антонимичного **podъ* [16]. При всем разнообразии возможных толкований компонента *-*dъ* и грамматического развития этих лексем (от полнозначности к синкатегорематичности, или наоборот), для нас здесь важнее всего то, что слав. **udъ* морфологически тождественно **perdъ*, **zadъ*, **nadъ*, **podъ*, для которых имело место хотя бы вторичное гомогенное развитие в сторону обозначения частей — resp. сторон человеческого тела [17].

Лексемы на *-*dъ*, о которых идет речь, лишь постепенно образовали единство — об этом свидетельствует и тот факт, что лишь часть лексем имеет соответствия в балтийском [18]. В случае форм **nadъ* и **podъ* мы имеем уже аналогические образования на собственно славянской почве. То же (в силу отсутствия внешних параллелей) касается и слав. **udъ*; можно предположить, что возникновение этого слова связано с табу, естественно касавшимся обозначений частей тела (это относится вообще говоря, и к другим членам группы). Кроме того, в свете сказанного выше о **serd-* в славянском, в системе «координат» тела ему естественно противопоставляется **udъ* (‘внутреннее’, ‘центральное’ — ‘внешнее’, ‘полое’) и образует оппозицию того же типа, что и **perdъ* — **zadъ*, **nadъ* — **podъ*. Таким образом, формирование этой лексемы завершает построение симметричной системы оппозиций, члены которой предназначены для специфического обозначения «сторон» тела. Как еще одно подтверждение предложенной этимологии следует рассматривать также типологическую достоверность такого описания человеческого тела, при котором как значимые точки выделяются ‘верх’, ‘низ’, (‘левая / правая сторона’), ‘зад’, ‘перед’ и два центра — ‘сердце’ и ‘penis’. Происхождение соот-

---

[16] Etymologický slovník slovanských jazyků. Slova gramatická a zájmena. Sv. 1. Tento svazek sestavil F. Kopečný. Praha, 1973, c. 127.

[17] Несмотря на отсутствие прямой генетической связи между славянскими образованиями на *-*dъ* и обозначениями ‘сердца’ и ‘середины’ — * *sr̥d-*, * *serd-*, есть основания полагать, что на славянской почве они сблизились на основе формального и смыслового сходства. На это обратил внимание еще Вондрак, но сделал из этого неверный вывод о влиянии * *serd-*, приведшем к появлению форманта *-*dъ* (*Vondrák V.* Vergleichende Slavische Grammatik, Bd. 2. Göttingen, 1928, S. 298). Иначе о * *k̑erd-* в славянском ср. *Иванов В. В.* Типология развития славянских и индоевропейских предлогов и послелогов. — В кн.: Структурно-типологические исследования в области грамматики славянских языков. М., 1973, с. 51 сл.

[18] Помимо указанных выше славяно-восточнобалтийских сближений особо укажем на тождество слав. **pridъ* (блр. *прид*, серб. *прӣд* болг., мак. *прид* ‘приданое’) и лит. *priẽdas*, лтш. *prieds* (*Трубачев О. Н.* О составе праславянского словаря (Проблемы и результаты). — В кн.: Славянское языкознание. Доклады советской делегации. V Международный съезд славистов. М., 1963, с. 182 — без указания болг., макед. *прид*).

ветствующей системы обозначений в славянском, вызванное такими причинами, как табу, представляет немалый интерес, тем более что в засвидетельствованный период славянские языки развили уже второй круг эвфемистических замен для таких единиц, как *уд* и (хотя бы частично) *зад*. Замечательно, что в качестве нейтральной замены *уд* в современном русском языке выступает другой элемент той же системы — *перед*.

Включение слав. **udъ* в указанную парадигму [19], в первую очередь, подкрепляет само предположение о существовании этой праславянской словообразовательной модели, непродуктивной, но внутренне весьма последовательной, что как раз и говорит о ее праславянской древности [20]. С другой стороны, это дает нам право остановиться на значении ʻчлен' как на исходном для данной лексемы. Это значение в свою очередь развилось на базе древнейшей семантики слав. **u*, и таким образом, продолжает значение ʻто, что вне', ʻто, что вне тела' [21]. Следует еще раз заметить, что эта этимология (точнее, ее составные части) фактически уже предлагалась Голубом—Копечным. Однако они не обратили внимания на словообразовательную модель и лексическую парадигму, в которые входит исследуемое слово, и приняли славянскую н о в а ц и ю за древнейшее индоевропейское словосложение.

---

19 Реальную не только семантически, но и формально. Так, обращает на себя внимание очевидная тенденция форм на **-dъ* в предложной функции к управлению винительным и творительным падежами — при том, что никакой регулярности этого рода не удается обнаружить в исходных предлогах — ** na* и т. п. В ряде случаев, как известно, члены этой парадигмы дают производные глаголы на **-iti*.

20 В общем плане об этом см. *Трубачев О. Н.* Из праславянского словообразования: именные сложения с приставкой *а-*. — В кн.: Проблемы истории и диалектологии славянских языков. М., 1971, с. 267—272.

21 Последнее — если принимать гипотезу В. Н. Топорова относительно специфических указательных функций слав. **-d-*/балт. ** di-* (см. *Топоров В. Н.* Указ. соч., с. 344) или, как было предложено выше, видеть в **-dъ* элемент, родственный **-ed* в составе и.-е. форманта отложительного падежа ** o-ed* > **ōd*.

А. С. Львов

ИЗ ЛЕКСИКОЛОГИЧЕСКИХ НАБЛЮДЕНИЙ

14. Ст.-слав. насѫштьнꙑи

Прилагательное насѫштанꙑи как определение к существительному хлѣбъ зафиксировано в евангелиях лишь два раза в молитве Отьче наша, притом только в отдельных рукописях: Мф VI, 11: хлѣбъ наша насѫщанꙑи даждь намъ дьньсь (Остр, Ас)[1]; хлѣбъ нашъ наставъшаго дьне даждъ... (Мар, Сав); настоѩшт(аго д'не)[2] — Зогр.). Текст Остр и Ас, без сомнения, является переводом греч.: τὸν ἄρτον ἡμῶν τὸν ἐπιούσιον δὸς ἡμῖν σήμερον. В Мар и Сав: наставъшаго дьне; в Зогр: настоѩшт(аго д'не), по мнению И. Цибулки, также являются переводом греч. ἐπιούσιον, но в конкретно бытовом или узковременном значении, в отличие от Ас и Остр, где греч. ἐπιούσιον передано в бытийном, абстрактном, так сказать, в философском смысле[3]. Нам кажется, что приведенные слова Мар, Сав и Зогр на месте греч. ἐπιούσιον появились не без влияния лат. Panem nostrum quotidianum da nobis hodie[4], где quotidianum воспринимается в значении 'ежедневный, повседневный'[5].

Л XI, 3: хлѣбъ наша насѫщанꙑи даждь намъ дьньсь (Остр); хлѣбъ нашъ насѫштънꙑ даи намъ на вьсѣкъ дьнь (Мар); хлѣбъ... д'невьнꙑ даждъ... на всакъ днь (Сав); ...надьневнꙑ даі... на вс̑ѣкъ д'нь (Зогр; в Ас нет). В Остр греческий текст тот же, что и Мф VI, 11; В Л XI, 3 этот текст известен в отдельных, более древних списках палестинской, или иерусалимской редакции, на-

---

[1] В статье приняты следующие сокращения названия памятников: Ас — *Kurz J.* Evangeliář Assemanův. . ., d. II. Praha, 1955; Врач — *Цонев Б.* Врачанско евангеле. София, 1914; Вук — *Врана J.* Вуканово еванђеље. Београд, 1964; Зогр — Зографское евангелие, изд. Ягича В. Berolini, 1879; Киев. л. — Киевские глаголические листки, по изданию Mohlberg'a, перепечатанному в книге: *Weingart M., Kurz J.* Texty ke studiu jazyka a písemnictví staroslověnského. Praha, 1949, с. 114—138; Мар — Мариинское четвероевангелие . . ., изд. Ягича И. В. СПб., 1883; Остр — *Востоков А.* Остромирово евангелие 1056—1057 г.г. СПб., 1843; Сав — Саввина книга, изд. Щепкина В. СПб., 1903; Супр — Супрасльская рукопись, изд. Северьянова С. СПб., 1904.

[2] В издании Ягича после шт поставлено многоточие, свидетельствующее о том, что текст далее нечитаем. Однако Л. Мошинский утверждает, что ему удалось прочитать заключенное нами в скобки. См.: *Moszyński L.* Ze studiów nad rękopisem kodeksu Zografskiego. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1961, c. 26.

[3] *Cibulka J.* 'Ἐπιούσιος = насѫщьнъи — quotidianus — vezdejši. — Slavia, 1956, ročn. XXV, s. 3, c. 410 и сл.

[4] *Merk A.* Novum Testamentum graece et latine, ed. IX. Romae, 1964, p. 16.

[5] *Chantraine* I—II, p. 359; *Фасмер* III, c. 48.

пример δ2, δ5, ε33 (по Содену)[6]. Текст же Мар является переводом греч.: τὸν ἄρτον ἡμῶν τὸν ἐπιούσιον δίδου ἡμῖν τὸ καθ'ἡμέραν. Заметим, что τὸ καθ'ἡμέραν переводилось двояко, то как по вьсѧ дьни (см. Мф XXVI, 55; Мк XIV, 49; Л IX, 23); то как на вьсѣкъ дьнь (см. Л XVI, 19). Текст Сав: (хлѣбъ) д'невьнъі... совпадает с нем. *täglich*, ср.: Gib uns unser *täglich* Brot immerdar[7]; Зогр: нъдьневънъі вероятнее всего под влиянием лат. quotidianum. Отметим, что в отдельных списках полных апракосов (они известны только начиная с XII в.) в Л XI, 3 на месте греч. ἐπιούσιον читается бъітьнъіи, например: хлѣба наша бъітьнаї дажда нама дьньсь (Вук, л. 91д).

Отсутствие Л XI, 1—13 в Ас, Врач и других; внесение этого текста в Остр на 5 июня, а в Сав — 12 мая месяцеслова, или календаря, является показателем того, что в первоначальном переводе краткого апрокоса этого текста Л XI, 1—13 не было, а появился он впервые в переводе т. н. комплекторных частей тетраевангелия, а оттуда переносился в дополнительные чтения отдельных апракосов. Что касается Мф VI, 1—13, то этот текст находится во всех кратких апракосах для чтения в сыропустную субботу, т. е. в первую субботу великого поста.

Таким образом, по приведенным данным, первоначальный перевод молитвы Отьче нашь находился в Мф VI, 9—13; при этом в стихе 11 насѫштьнъіи в передаче греч. ἐπιούσιον, как заметил еще Ягич, является дословным переводом или копией греческого слова[8], или иначе — калькой: ἐπι- на, οὐσι(α) -сѫшт-, ος -ьнъіи; ср. также: присъвокоупити... къ ... коупьносѫштьнѣи вѣрѣ (Супр 201, 25—27) — τῇ ὁμοουσίῳ ... πίστει: ὁμο(ς) — коупьно, οὐσίῳ — сѫштьнѣи.

Заметим, что, по существующим данным, первоначальный, или кирилло-мефодиевский, перевод Отьче нашь дошел до нас только Мф VI, 9—13 в Ас (см. л. 73d), а в остальных текст этой молитвы подвергся редакционным изменениям (о чем мы уже писали[9]).

15. Намѣстьникъ

В памятниках старославянской письменности и это слово встречается редко. Один раз оно находится в Киев. л.: іже оуго̂же бъіті блаженоумоу апостолоу твоемоу Петроу... въ часті намѣстьнікъ (л. 2а) — in honore successor; в Супр тоже один раз: и быти ти прѣимьникоу и намѣстьникоу връховьнаго апостола Петра (122, 17—19) — διάδοχον καὶ τοποτηρητήν[10].

[6] См.: *Soden H. V.* Die Schriften des Neuen Testaments in ihrer ältesten erreichbaren Textgestalt, II. Göttingen, 1913; *Merk A.* Op. cit., p. 241. Примечания.

[7] *Nestle C.*, *Aland K.* Neue Testament griechisch und deutsch. Aufl. 18. Stuttgart, 1973, S. 181.

[8] *Jagić V.* Entstehungsgeschichte der kirchenslavischen Sprache. Berlin, 1913, S. 367.

[9] *Львов А. С.* Варьирование средств выражения в памятниках старославянской письменности. — ВЯ, 1974, № 6, с. 82 и сл.

[10] Slovník jaz. stsl. II, c. 298.

В приведенных и других примерах намѣстьникъ употреблен в значениях: 'заместитель', 'преемник'. Подобные существительные образуются двояко:

1) от основ прилагательных, как градьнъи — градьникъ, праздьнъи — праздьникъ, оугодьнъи — оугодьникъ;

2) присоединением осложненного суф. -ьникъ к основе глагола: прѣселити — прѣсельникъ, прѣимати — прѣимьникъ, заштитити — заштитьникъ, застѫпити — застѫпьникъ и т. д. Эти существительные обычно обозначают nomina agentis[11].

Ко второй группе должно относиться и намѣстьникъ, однако, глагол, от основы которого могло образоваться это существительное, отсутствует.

Намѣстьникъ имеет соответствия в ст.-чеш. *náměstník*[12]; ст.-польск. *namiestnik*, по мнению А. Брюкнера, более старая форма имела написание *namiastek*[13]; с.-хорв. *namjesnik*[14]. Заметим, что в ст.-чеш. также широкоупотребительно *námestek* в тех же значениях, что и *náměstník* 'заместитель', 'преемник', 'наследник' и т. д.[15] При этом *náměstník*, *namiastek* из **naměstьkъ*. Такие сущные, в основном обозначающие nomina agentis, также образуются от основы глагола[16], но глагол **naměstiti* не зафиксирован.

По своему значению намѣстьнікъ совпадает с нем. *Statthalter*, которое в церковном языке зафиксировано в значениях: 'заместитель', 'преемник духовного лица, святого' и т. д.[17] Хотя в памятниках немецкой письменности *Statthalter* в указанном значении зафиксировано только с XIII в., но в языке, видимо, оно существовало намного раньше как калька с лат. *lociservator* или *locuntenens*[18].

Вероятным является то, что слово намѣстьнікъ, как семантическая калька с нем. *Statthalter* (так полагает П. Скок[19]), возникло в западнославянских краях, в Моравии, потому что, по имеющимся данным, здесь, в Моравии, немецкое духовенство распространяло христианство уже с самого начала IX в.[20] Из местной моравской речи интересующее нас слово вошло в переводы, выполненные в Моравии, так же, как и неприѣзнь с нем. *Unhold*; вѣгласъ, невѣгласъ с нем. *Weissager*, *Unweissager*; единъ в значе-

[11] Słownik prasłowiański I, с. 90 и сл.
[12] *Gebauer* II, с. 475 и сл.; St. čes. slov. 2. Praha, 1970, с. 171 и сл.
[13] Sł. Stpol. V., 1 (25), с. 67; *Brückner*, с. 330.
[14] *Skok* II, с. 438.
[15] *Gebauer* II, с. 474; St. čes. slov. 2, с. 169.
[16] Słownik prasłowiański I, с. 93.
[17] *Grimm J.* und *Grimm W.* Deutsches Wörterbuch. Bd. 10 (2). Lief. 1—11. Leipzig, 1905, S. 1028.
[18] Там же, с. 1024; *Klüge-Götze*, S. 754; *Schade O.* Altdeutsches Wörterbuch, Halle, 1872—1882, S. 886.
[19] *Skok* II, с. 438.
[20] Об этом см. *Бильбасов В. А.* Кирилл и Мефодий, ч. 1. СПб., 1868, с. 49; *Львов А. С.* О записи про Константина-Кирилла философа в календаре Остромирова евангелия. — Советское славяноведение, 1976, № 1, с. 96.

нии греч. τις под влиянием нем. неопределенного местоимения *ein* вместо етеръ, нѣкыи и другие. Через церковные книги, а также, возможно, и изустно слово намѣстьникъ распространилось в других славянских языках в том числе широко в древнерусском литературном языке[21].

16. О старославянских словах с основой багър-, передающих греч. πορφύρα

Из памятников старославянской письменности слова с основой *багър-* зарегистрированы в Супр, откуда и приведем несколько примеров: отъ морѣ же багъръ одеждъныи (438, 16) — ἐκ δὲ θαλάσσης πορφυρᾶς στολῆς; подъстълавъ подъ ногы ихъ багърѣницѫ цѣсарьскѫ (7, 1—2) — πορφύραν βασιλικήν; кръвиѭ виѳлеемъ багъримъ бѣѣше (397, 15—16) — ἐφοινίσσετο и другие. Всего в Супр находится 6 слов с основой багър-, которая лишь один раз встречается в начертании баг'ра (491, 30), где апострофом обозначен пропущенный редуцированный так же, как и в лв'ю (525, 21); вьз'пити (486, 22); к'деже (151, 1) и т. п. В Остр дважды зафиксировано прилагательное: въ багърянѫ ризѫ (И XIX, 2 и 5); въ ... прѣпрѧдьнѫ-. — Сав, Ас; въ ... прапрѧдьнѫ. — Зогр, Мар); также дважды: облѣкоша и въ багряницѫ (Мк XV, 17 и 20); въ прѣпрѧдь. — Ас, Сав; въ прапрѧдѫ. — Зогр, Мар)[22], — πορφύραν 'багровый, или красный, солдатский плащ'[23], в который одели Христа, поздравляя его: радоуи сѧ црю іюдѣскъ.

Заметим, что написание -ян- в Остр вместо -ѣн- (см. выше пример из Супр), как известно, передает не *ę*, а отражает восточнославянский переход ѣ (*'ä*) в *'а*[24].

Таким образом, основой рассматриваемых слов является багър- (все они вошли в употребление вместо прѣпрѧдь, прѣпрѧдьнъ в Восточной Болгарии). Нет данных признавать эту основу вторичной, развившейся из праславянского *bagr-*, как это пытаются представить[25]. Известно, что праславянское сочетание *-gr-* ни в одном из славянских языков не подверглось разъединению путем вставки между ними гласного звука[26]. В связи с этим ошибочно и отнесение багъръ к образованиям типа: ръдръ, сѣръ, модръ от

[21] *Срезневский* II, с. 301 и сл.

[22] Вопросы замены одних слов другими нами рассмотрены в книге: *Львов А. С.* Очерки по лексике памятников старославянской письменности. М., 1966, с. 222—223, куда и отсылаем интересующихся.

[23] *Bauer W.* Griechisch-deutsches Wörterbuch zu den Schriften des Neuen Testaments und übrigen urchristlichen Literatur, 5. Aufl. Berlin, New York, S. 1376.

[24] *Шахматов А. А.* Очерк древнейшего периода истории русского языка. — Энциклопедия славянской филологии, вып. II, 1. Пг., 1915, с. 117 и сл.

[25] Słownik prasłowiański I, c. 178 и сл.

[26] *Мейе А.* Общеславянский язык. М., 1951, с. 109; *Бернштейн С. Б.* Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961, с. 139; *Лескин А.*

первичного *bag*-, засвидетельствованного в восточнославянских *багать*, *багатье* 'огонь', 'горящие угли', 'тлеющий костер'[27].

Необходимо также указать на то, что от прилагательных типа ръдръ, бъдръ, мокръ и т. д. не образуются вторичные прилагательные на -ѣнъ, -анъ, тогда как от багъръ образовано прилаг. багърѣнъ, от последнего сущ. багърѣница по типу: стьклѣница, плаштѣница, гжсѣница и т. д. Прилагательные же на -ѣнъ образовывались от существительных, обозначающих материал, ср.: власѣнъ, мѣдѣнъ, дрѣвѣнъ, ланѣнъ, оловѣнъ, оцьтѣнъ и другие[28]. Все это указывает на то, что багъръ с самого начала являлось существительным, а не прилагательным; к тому же и глагол багърити — явно отыменный.

Нет нужды останавливаться также на явно ошибочных мнениях о происхождении багър- от багъно, *ба-гъръ и других, убедительно рассмотренных критикой[29].

Остается мнение о заимствовании багър- тюрк. *baqyr*, *baγyr* 'красная медь', а также известного в обозначении цвета 'багровый', 'пурпурный', 'рыжий'[30]. Однако следует иметь в виду, что др.-тюрк. *baqýr* или реже *baγýr* при заимствовании в старославянском дали бы бокыръ или богыръ, потому что в тюркских языках ударение падало на последний слог, а ударенный гласный воспринимался без изменения. Безударный же гласный *a* в славянских заимствованиях воспринят как *о*, ср. тюрк. *kalpák* > *колпакъ*, *tavár* > *товаръ*, *bajár* > *болръ*, *болринъ*; греч. *γράμματα* > *грамота*, лат. *altáre* > *олтарь* и т. д.

Однако у булгар-тюрков *baqyr* или *baγyr* могло получить звучание багър- по следующим причинам.

1. Др.-тюрк. *q* в булгарском очень рано заменился на *ch* или *γ* (последний в интервокальном положении или в сочетании сонорный, а также *v* + *q*), например, на могильной надписи начала XIII в. читается *hir* = совр. чуваш. *хĕр*, др.-тюрк. *qyz* 'девочка, девушка'; *thr* = совр. чуваш. *тăхăр*, *тăххăр*[31], др.-тюрк. *toquz* 'девять'; далее ср. др.-тюрк. *qara*, чуваш. *хура* 'черный'; соответственно: *saqal* — *сухал* [*suγal*] 'борода', *qulqaq* — *хăлха* [*chəlγa*] 'ухо' и т. п.

Грамматика древнеболгарского (древнецерковнославянского) языка. Казань, 1915, с. 98 и сл.

[27] Słownik prasłowiański I, с. 179; Этимологический словарь русского языка, т. I, вып. 2. Изд-во МГУ, 1965, с. 7 и сл.; *Даль* [4] I, с. 89; *Филин* 2, с. 33.

[28] *Brodowska-Honowska M.* Słowotwórstwo przymiotnika w języku staro-cerkiewno-słowiańskim. Kraków—Wrocław-Warszawa, 1960, с. 142 и сл.

[29] ЭССЯ, вып. 1, с. 130 и сл.

[30] *Menges K. H.* Schwierige slavisch-orientalische Lehnbeziehungen. UAJb XXXI, S. 177 и сл.; *Хабичев М. А. Bagr, bagor.* — Советская тюркология, 1976, № 4, с. 46 и сл.; *Он же. Багряный* и *багровый.* — Русская речь, 1976, № 1, с. 86 и сл.

[31] *Егоров В. Г.* Ашмарин Н. И. как исследователь чувашского языка. Чебоксары, 1970, с. 21 и сл.

Об этом же свидетельствует ст.-слав. кънигъі из булг. *k'ən'iγə* < **küni-qi*[32].

2. Редукция *у*(*ы*) и *i* в чувашском также относится уже к булгарскому периоду[33], ср. др.-тюрк. *baššyra*, чуваш. *пуçсăр* 'безголовый'; тат. *халыq*, чуваш. *халăх* 'народ'; тур., казах., тат. *salqyn*, чуваш. *сулхăн* [*sulγən*] < **salqyn* 'тень', 'холодок'; казах., тат. *saryq*, чуваш. *сурăх*, *сорăх*, мар. из чуваш. *šarəq* 'овца'[34]; тат., туркм. *qarlyγan*, чуваш. *хурлăхан* [*churləγan*] 'черная смородина' и т. п.

3. Для чувашского верхового, или вирьялского, наречия, считающегося архаическим, характерно перенесение ударения с конечного редуцированного на предыдущие слоги[35]. На старославянской почве это явление отразилось на булгарских по происхождению словах бисьръ < **bъ̆sъr*; тикъръ < *tъ̆kъr* 'зеркало', ср. чуваш. *тĕкĕр* в том же значении[36].

Указанные особенности булгарского языка дают основания считать, что ст.-слав. багъръ восходит к булг. **báγər* из др.-тюрк. *baqýr* или *baγýr*. При этом слово **baγər* воспринято не в основной семантике 'красная медь', а в качестве обозначения цвета 'багровый', 'пурпурный'. Совр. чуваш. *пăхăр* < *baγər*, где *a* > *ă* по межслоговой ассимиляции так же, как и *тăхăр* из *toquz* 'девять'[37]. О начальном *б* в слове багъръ, которому в чувашском соответствует *п*, следует сказать, что это явление закономерно, ср.: венг. *borsó*, чуваш. *пăрçа*, др.-тюрк. *burčaq* 'горох'; венг. *borjú*, чуваш. *пăру*, др.-тюрк. *buzaγu* 'теленок'; удм. *bus'ono*, чуваш. *пуçана* 'свояк', тат. диал. *biläš*, чуваш. *пилеш* 'рябина' и т. п. Во всех приведенных примерах основными признаются чувашские, или исторически булгарские слова. Однако переход начального *п* > *б* при заимствовании из чувашского удовлетворительного объяснения не имеет[38].

---

32 *Львов А. С.* Этимология старославянского кънигы — кънигъчиї. — Балканско езикознание, 1971, XV, 2, с. 25 и сл.
33 *Gombocz Z.* Bulqarisch-türkischen Lehnwörter in der ungarischen Sprache. Helsinki, 1912, S. 149 и сл.
34 *Räsänen M.* Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen. Helsinki, 1969, S. 404.
35 *Егоров В. Г.* Современный чувашский литературный язык в сравнительно-историческом освещении, ч. I. Чебоксары, 1954, с. 221 и сл.
36 *Львов А. С.* Иноязычные влияния в лексике памятников старославянской письменности (тюркизмы). — Славянское языкознание. М., 1973, с. 213.
37 *Егоров В. Г.* Указ. соч., с. 172 и сл.
38 *Ашмарин Н. И.* Болгары и чуваши. Казань, 1902, с. 125 и сл.; *Gomboch L.* Op. cit., p. 202; *Малов С. Е.* Древние и новые тюркские языки. — Изв. ОЛЯ, 1952, т. XI, вып. 2, с. 135—143; *Серебренников Б. А.* О двух возможных причинах соноризации интервокальных глухих согласных в чувашском языке. — В кн.: Проблемы сравнительной филологии. Сборник статей к 70-летию члена-корреспондента АН СССР В. М. Жирмунского. М.-Л., 1964, с. 229 и сл.; *Львов А. С.* О Н. И. Ашмарине и некоторых проблемах генетической связи болгар и чувашей. — В кн.: Н. И. Ашмарин — основоположник чувашского языкознания. Чебоксары, 1971, с. 208 и сл.; см. еще примеч. 36.

В. В. Усачева

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ СЛОВАРЯ СЛАВЯНСКИХ НАЗВАНИЙ РЫБ. V*
(семейство Cyprinidae)

Дополнение к списку сокращений [1]

Гвоздев — *Гвоздев А. И.* Говор с. Кануевки Безенчукского р-на Куйбышевской обл. — В кн.: Материалы и исследования по русской диалектологии, т. II. М.-Л., 1949.

Гильфердинг — *Гильфердинг А. Ф.* Остатки славян на южном берегу Балтийского моря. СПб., 1862.

Денисевич — *Денисевич Г. В.* География диалектной лексики в Курско-Орловской зоне. — В кн.: Вопросы изучения лексики русских народных говоров. Л., 1972.

Дрягин 1939 — *Дрягин П. А.* О рыбных ресурсах Ильмень-озера. — Изв. ВНИОРХ, 1939.

Дурново — *Дурново Н. Н.* Описание говора деревни Парфенок Рузского уезда Московской губернии. — РФВ, 1903, т. L, № 3—4.

Лисенко СПГ — *Лисенко П. С.* Словник поліських говорів. Київ, 1974.

Моисеенко — *Моисеенко М. Ф.* Форма склонения имен существительных в русских говорах Казанского Поволжья. — В кн.: Материалы и исследования по диалектологии Волго-Камья. Казань, 1961.

Попов — *Попов И. А.* Сложные наречия в говорах русского языка. — В кн.: Лексика русских народных говоров. М.-Л., 1966.

Расторгуев СБГ — *Расторгуев П. А.* Словарь народных говоров западной Брянщины. Минск, 1973.

Расторгуев — *Расторгуев П. А.* Северско-белорусский говор. Л., 1927.

Ягод. ДС — *Ягодинский А. С.* Народные говоры Чарозерского р-на Вологодской обл. — Диалектологический сборник, т. I. Вологда, 1942.

AJK — Atlas językowy kaszubszczyzny i dialektów sąsiednich. Wrocław etc. 1969.

---

* Начало см.: Этимология. 1971, Этимология, 1973, Этимология, 1974, Этимология. 1976.

[1] Основной список сокращений см. в первом из указанных ежегодников. См. также общий список сокращений данного издания.

Nitsch DPZ — *Nitsch K.* Dialekty polskie Prus Zachodnich. — In: «Wybór pism polonistycznych», t. III. Pisma pomorzoznawcze. Wrocław—Kraków, 1954.

Orłoś — *Orłoś T.* Z. Zapożyczenia słowiańskie w czeskiej terminologii botanicznej i zoologicznej. Kraków, 1972.

Лещ Abramis brama L.

ajn с.-хорв. *ajn* (Босанска Дубица — Hirtz), *hajn* (Лучко, Еждовац — Hirtz), *hain* (Сисак — Hirtz), *hajin* (Крапье, р. Сава — Hirtz);

с.-хорв. *ajna*, *anja* (Hirtz), *hajma*, *hajna* (Сисак — Hirtz);

с.-хорв. *anj* (р. Чесма — Hirtz), *hanj* (Сисак — Hirtz).

anča чеш. *chudá anča* (Костеланы на р. Морава — Běl. 180).

anj см. ajn

anja см. ajn

belook рус. *белоок* (днестр. — Герд и др. 31)

belvar болг. *бѣлвар* (Геров)

bel'ak рус. *беля́к* ʻмелкий лещʼ (н. т. р. Волга, Касп. море — Клыков); укр. *беляк* ʻяровая форма лещаʼ (дельта р. Днепр — Берг 772); польск. *b'ilåk*, *b'ėlåk* (Стеншев Познан. воев., Курник Сремск. пов. — MSGP);

рус. *белячок* ʻмелкий лещ до 1/2 фунтаʼ (в. т. р. Днепр в пределах бывш. Смолен. у. — Домр. 150), ∽ ʻполумерный $4^1/_2$—$4^1/_5$ вершк. лещʼ (волго-касп. р-н — Гримм 1896, 119);

польск. *bielec* (Нова Весь Новоторг. пов. — MSGP); ср. польск. *bielec* ʻgatunek rybyʼ (Столунь Мендзыжеч. пов. Люблин. воев. — MSGP);

слвц. *bielica* (Ferianc 53);

рус. *бели́на* ʻмолодой лещʼ (псков. — Герд и др. 31); ср. русск. *бялйна* ʻрыба большаяʼ (ПОС I, стр. 169: под *бельё*);

рус. *бельё* [бяльё] ʻмолодые лещиʼ (псков. — ПОС).

bel'ačok см. bel'ak

belica см. bel'ak

belina см. bel'ak

bel'jo см. bel'ak

berberka см. bereber

bereber рус. *беребер* ʻмелкий лещʼ (псков. — ПОС), *беребе́р* то же (Печор. р-н; Подолешье, Чудская Рудница Гдов. р-на Псков. обл.; Желачек в Эст. ССР — ПОС);

рус. *береберка* ʻмелкий лещʼ (Крым — Зол.), *беребе́рка* то же (псков. — ПОС: вариант *беребёрка*; твер. — Дополнение к Опыту, Даль[2] I, стр. 82: под *беребра́*; твер., крым. — СРНГ);

рус. *беребёрочка* ʻмелкий лещʼ (псков. — ПОС: «уменьш.-ласк. к *беребёрка*»);

рус. *беребра́* ʻмелкий лещʼ (псков. — ПОС: *бирябра́*; твер. — Дополнение к Опыту, Даль [2], СРНГ), *беребра* то же (Крым — СРНГ), *беребра́* собир. ʻлещиʼ (осташк., твер. — СРНГ);

рус. *беребрúна* 1) 'мелкий лещ' (псков. — ПОС: *берябрúна*), 2) 'малек леща' (Подолешье Гдов. р-на Псков. обл. — ПОС: *бирябрúна*);

рус. *беребринка* 'мелкий лещ' (псков. — ПОС);

рус. *беребрó*, *берёбрó* 1) 'мелкий лещ' (Каменная Стража Гдов. р-на Псков. обл., Желачек в Эст. ССР — ПОС), 2) 'малек леща' (Каменная Стража, Подборовье Гдов. р-на Псков обл. — ПОС);

рус. *берёбрýшка* 'мелкий лещ' (Каменная Стража Гдов. р-на Псков. обл. — ПОС), *беребрюшка* то же (псков. — ПОС).

bereberka см. bereber

bereb'or см. bereber

bereb'orka см. bereber

bereb'oročka см. bereber

berebra см. bereber

berebrina см. bereber

berebrinka см. bereber

berebro см. bereber

berebr(r')uška см. bereber

berezovik рус. *березовик* 'самый мелкий лещ весом 2—3 фунта, нерестящийся вместе с плотвой во время распускания березы' (бывш. Твер. и частью Ярослав. губ. — Саб. 508).

ber'ozovyj lešč см. lešč

blej польск. *blej* (оз. Снярдвы — Zwoliński 304; Вармия и Мазуры за исключением юго-вост. части Мронгов. пов. — М.-К.12: «полонизированное немецкое название; форма мн. ч. *bleje* наиболее употребительна; в ед. ч. чаще встречается форма м. р. *blej*; название, неизвестное на остальной территории Польши, не фиксируют его и словари»; Нидзица, Бяла Писка, Вейсуны Пиш. пов., Вишнево Элк. пов., Бурдонг, Лайс, Нарты Нидзиц. пов., Доротово, Ставигуда Ольштын. пов., Велички Олец. пов. — MSWMO, Вармия и Мальборское Повислье — Zn.-Prüf. 1953, 231), *blij* (Длужец Мронгов. пов. — MSWMO), *bleje* мн. ч. (М.-К.12: «форма мн. ч. наиболее употребительна»; Грабово Мронгов. пов., Упалты, Конопки Вельке Гижиц. пов. — MSWMO);

польск. *bleja* (Вармия и Мазуры за исключением юго-вост. части Мронгов. пов. — М.-К.12: «реже, чем форма м. р.»; Нова Весь Оструд. пов., Калиново, Пурда, Клебарк Вельки Ольштын. пов., Выстемп Щитнен. пов., Кшивонога, Ленгайны Олецк. пов., Тухлин, Нове Гуты Пиш. пов. — MSWMO; Мазуры — Zn.-Prüf. 1953, 231); в.-луж. *bleja* (Pfuhl);

в.-луж. *blejka* 'маленький лещ' (Pfuhl);

Ср. нем. *Blei* 'лещ' (М.-К.12).

bleja см. blej

blejka см. blej

blij см. blej

bol'šina рус. *большина* 'крупный лещ' (р. Волхов, оз. Ильмень — Домр. и Правд. 53: «нередко фигурирует у рыбаков под этим названием как определенная порода»); ср. рус. *большина́* 'крупная рыба разных пород' (псков., смол. — СРНГ).

bras польск. *brass* (кашуб. — Benecke 118), *bras* (Владиславово Пуцк. пов. — AJK z. VI, cz. II, 49: «спорадически; из нем. *Brassen* 'лещ'»);
польск. *brasa* ж. р. (Бор Пуцк. пов. на п-ве Хель — AJK z. VI, cz. II, 49: «спорадически»).

brasa см. bras

bres польск. *bres* (Фордон близ Быдгощи — Nitsch DPZ 244), *bresy* мн. ч. (Гетшвалд Ольштын. пов., Станцлево, Лабухы Решельск. пов., Богацко, Конопки Вельке, Гавлик Гижиц. пов., Напивода, Дзюрдзево Нидзиц. пов., Ольштынек, Оструда Оструд. пов. — М.-К.12: «название нем. происхождения»); ср. нем. *Brassen* 'лещ', лтш. *bresme* то же Laumane 61), *brese*, *bresene*, *bresnis*, *bresens* то же (Laumane 1973, 164—167, а также карта 11 на стр. 165 «Названия леща», на которой дана география этих названий).

cejn чеш. *cejn* (Jungmann, PSJČ, SSJČ, Frič 19: «lid.», Machek [2]: «из нем. Zinnfisch Abramis), ∽ velký (Frič 19, Dyk 254, NR 23: «и. т.»), ∽ *veliký* (SSJČ);
чеш. *cejnek* (PSJČ: «zdrob.»).

cejnek см. cejn

čabačok см. čebak

čabak см. čebak

čar'oxa рус. *чарёха* 'мелкий лещ трех лет' (Высочерт бывш. Пор. у. Смол. губ. — Добр. 978), *черёха* то же (тороп., псков. — СРНГ)

čebačok см. čebak

čebak рус. *чаба́к* (курск., суджан. — Опыт: «лещ, привозимый с Дона или Волги»; курск., донск. — Даль [2]; донск. — Миртов; р. Дон — Клыков: «крупный лещ»), *чабак* (р. Дон — Васн. 15), *Tschabak* (донские казаки — Pall. ZRA 325), *ciabac* (липоване в дельте р. Дунай — Antipa 142), *чеба́к* (донск. — Сол. 51, Миртов, СРНГ; Ниж. Гниловская, Николаевская, Раздорская, Кочетовская, Багаевская, Ниж. Чирская, Вёшенская станицы, Семикаракорский, Константиновский поселки в н. т. р. Дон — Макаров РЛК 238; н. т. р. Дон — Макаров АКД 8: «тюркское влияние; семантически тождественно литератур. слову *лещ*»; уральские казаки — Карпов 82), *чебак* (Даль [2]: «крупный лещ»; Усть-Медвед. и Хопер. округи — Миртов; хопер., ворон., Роман. р-н Ростов. обл. — СРНГ; н. т. р. Дон, ст. Бессергеневская — Бородин 25, 41, 130; Сев. Кавказ — Загор. 379), ∽ 'крупный лещ' (южн. Россия — Зол.; н. т. р. Дон — Макаров АКД 19; р. Псел — Плетенев 14), ∽ 'мелкий лещ' (дельта р. Дунай — Гриценко 38: «вероятно название на Дунай занесено с Дона»), *чибак* (р. Сев. Донец,

н. т. р. Дон — Миртов; Поосколье, р. Сев. Донец — Денисевич 81); укр. *чаба́к* (Гринченко), ∾ 'мелкий лещ' (Бессараб. Приморье Одес. обл. — Дрозд. КД 144: «чаба́к йак ви́росте, . . .його назива́йут' л'ашч, а йак мали́й — чаба́к»), *czabak* 'крупный лещ' (Majew. II, 3), *чебак* (басс. рр. Дунай и Сев. Донец — М. и К. 129), *czebak* (русин. — Majew. II, 3); ср. рус. *чеба́к* 'рыба сем. карповых: лещ, елец, плотва и др.' (ССРЛЯ: «обл.»);

рус. *чебачёк* 'мелкий лещ' (Даль [2] IV, стр. 585: под *чебак* с пометой «умал.»; Кривая Коса на Азов. море — Кузн. ПАБ 107); укр. *чабачо́к* (Гринченко: «уменьш. от *чаба́к*»); ср. русск. *чебачо́к* (ССРЛЯ: «обл., уменьш.-ласк. к *чеба́к*»);

рус. *подчебак* 'молодой лещ' (Елизаветинская в н. т. р. Дон— Миртов);

рус. *получебак* 'мелкий лещ' (н. т. р. Дон — Зол., Макаров 1966, 48, Бородин 42), *polutschabak* то же (донские казаки — Pall. ZRA 325);

рус. *получебачек* 'мелкий лещик' (Кривая Коса на Азов. море — Кузн. ПАБ 105).

čeremošnik рус. *черемошник* 'лещ средней величины, нерестящийся во время цветения черемухи' (Вышний Волочек, Осташков, часть бывш. Ярослав. губ. — Вен. 70: «синоним *лещ черемховый*»), *черёмушник* 'первый по времени нереста лещ' (Свенте, Дагда, Лосно Пустош. р-на Псков. обл. — Laumane 1973, 170); блр. *чаро́мушник* то же (Лучайскас оз. Постав. р-на БССР — Laumane 1973, 170); ср. лтш. *čorom̃ka* то же (Звиргздене — Laumane 1973, 170);

рус. *черемшенник* 'лещ, нерестящийся около троицына дня' (р. Волхов — Домр. и Правд. 63: «синоним *лещ троицкий*»), *черемшеник* 'самый крупный лещ, нерестящийся во время цветения черемухи' (р. Волхов — Кес. 1864, 91).

čeremšenik см. čeremošnik

čer'omušnik см. čeremošnik

čerkesik рус. *черке́сик* 'мелкий лещ' (Кривая Коса на Азов. море — Кузн. ПАБ 107), *черка́сик* то же (Клыков).

černa plotica см. plotica

černokrylka рус. *чернокрылка* (р. Волхов, оз. Ильмень — Зол., Саб. 501; р. Волхов — Варп. РИВ 57: «м. н.»; Домр. и Правд. 53: «очевидно, это м. н. является редким, так как в период наших исследований не отмечено»).

černoperka рус. *черноперка* (р. Волхов, оз. Ильмень — Герд и др. 31; р. Волхов — Зол., Варп. РИВ 57: «м. н.»; Домр. и Правд. 53: «очевидно, это м. н. является редким, так как в период наших исследований не отмечено»); ср. болг. *черноп́ерка* 'название рыбы' (Геров).

čibak см. čebak

dever укр. *девер* (Закарпат. обл. — Кол. 27), *девир* (н. т. рек запад. Закарпатья — Влад. 71—72); с.-хорв. *dever*, *diver*

(рр. Драва, Плитвица, Бедня в р-не Вараждина — Hirtz), *дйвер* (РСХКНЈ. «покр.»); ср. венг. *dévér keszeg* ʻлещʼ (Влад. 71, Bauch 113);

с.-хорв. *deveričanka* (Земун — Hirtz: «dem. od *deverika*»), *девѐричанка* (РСХКНЈ);

с.-хорв. *deverika* (RJA, Vuković 77; и. т.»; рр. Драва, Дунай в Славонии, Вараждин, р. Зап. Морава близ Крушеваца, рр. Юж. Морава и Ситница, Бабска-Новак, Осиек — Hirtz), *diverika* (Пожега — Hirtz), *djeverika* (Земун — Hirtz), *девѐрика* (РСХКНЈ), *krunasta děverika* Majew. II, 3); болг. *диверйка* (Видин — БЕР: «происхождение неясно»), *диверика* (Моров 53, Дрен. 103: «р. Дунай от г. Силистра до г. Видин, където власите му казват *диверика*»; Коев и др. 68: «м. н.»).

deveričanka см. dever

deverika см. dever

diver(ika) см. dever

dleš(č)tʼ см. dlešec

dlešec чеш. *dlešec* (Kott, PSJČ; р. Эльба — Frič 33: «Rybáři blíž Prahy jmenují dlešec kterýžto výraz se též v starých rukopisech nalézá»); чеш. *dleštʼ*, ст.-чеш. *dlešč* (Machek [2]).

dubovik рус. *дубóвик* ʻлещ, нерестящийся во время распускания дубаʼ (юж. — Даль [2], СРНГ), *дубовик* ʻмелкий лещʼ (р. Сура — Зол., Саб. 501); укр. *дубовйк* то же (Жел.), *дубовик* ʻсамый крупный лещ, нерестящийся во время распускания дубаʼ (ср. т. р. Днепр — М. и К. 120; р. Днепр под Киевом — Саб. 508, Вен. 70: «синоним *юровик*»; басс. р. Днепр — Аутодаров 108), *dubowik* то же (русин. — Majew. II, 3).

dunajka слвц. *dunajka* (Зволен — Ferianc 53: «že prichádza do Hrona z Dunaja»).

dʼurička см. jurička

dverci укр. *двéрції*, *двірці* (Жел.), *двéрцʼі* pl. t. (Василев на р. Днестр — КДА: «известно и название *лешч*»).

fletna см. pletna

gladuška рус. *гладушка* (р. Волхов, оз. Ильмень — Домр. и Правд. 53).

galagalok рус. *галагáлок* ʻмелкий лещʼ (псков. — Л. и Г. 126).

glafčica см. glavka

glafčička см. glavka

glafka см. glavka

glʼap польск. *glap* (Медзно Свец. пов. Быдгощ. воев. — AJK z. VI, cz. II, 49: «возможно, из ниж.-нем. *Glappken* ʻмаленькая рыбка, пескарьʼ, связываемое с нем. диал. *glaffen* ʻротозейничать, глазетьʼ»);

польск. *glapa* (Хелмно — Pobłocki 131; Велькопольша, Земля Хелминская, Менцикал Хойниц. пов. Быдгощ. воев. — AJK z. VI, cz. II, 49), *glapy* мн. ч. ʻмаленькие лещиʼ (Влоки Быдгощ. пов. — AJK z. VI, cz. II, 49); ср. польск. *glapa*

'gatunek ryby' (SW: «диал., нем. диал. *glappke*, из польск. *głąbik*»);

польск. *glapka* (Ставница Злотов. пов. Кошалин. воев. — AJK z. VI, cz. II, 49; Хелмно — Pobłocki 131: «уменьш., Фришбер вслед за другими ошибочно производит от слова głębia: glapa bo głęboko na dnie rzek i jezіór trzyma się»).

glapa см. gl'ap

gl'apka см. gl'ap

glavka словин. *glăfkă*, *glã$\overset{f}{w}$kă* (вост.-словин. — Lor. SW), *glavk*, *glavka* (юж. берег Балт. моря — Гильфердинг 164);

словин. *glăfčică*, *glã$\overset{f}{w}$čică* 'маленький лещ' (вост.-славин. — Lor. SW);

словин. *glafčïčkă* 'маленький лещ' (Lor. SW), вост.-словин. *glafčïčkă* (Lor. SW), *gla$\overset{f}{w}$čïčkĭ* (Lor. SW);

рус. *голова* 'торговый сорт леща весом от 2,5 фунтов и выше' (оз. Ильмень — Кучин ИО 63);

рус. *головка* (донск. — Макаров АКД 20);

рус. *головáстик* (Беломор. р-н КАССР — Воронова 1967, 46: «название большого . . . леща»).

glaz рус. *глаз* (р. Волхов, оз. Ильмень — Герд СА 21);

рус. *глазач* (р. Волхов, оз. Ильмень — Домр. и Правд. 53);

рус. *глазок* (орл. — Кес. 1864, 91);

рус. *глазунья* (Грац. 147).

glazač см. glaz

glazok см. glaz

glazun'ja см. glaz

goleta болг. *голета*(Геров).

gologlavka с.-хорв. *gologlavka* (Hirtz); словен. *gologlâvka* (Pleteršnik, Bajec III, 111).

golova см. glavka

golovastik см. glavka

golovka см. glavka

golovnoj lešč см. lešč

goluxa рус. *голýха* (волхов., ладож. — Герд и др. 30).

gurtovoj lešč см. lešč

gusternik рус. *густерник* 'лещ, нерестящийся одновременно с густерой' (оз. Ильмень — Дрягин 1939, 107); укр. *густерник* то же (ср. т. р. Днепр — М. и К. 120);

укр. *густря* (Нік. 32);

польск. *guszczora* 'молодой лещ' (Wał. BW 538, 540: «м. н.»).

gust'ornyj lešč см. lešč

gustr'a см. gusternik

guščora см. gusternik

xain, xajin, xajn см. ajn

xajma см. ajn

xanj см. ajn

xanja см. ajn

xlešč см. lešč

xuda anča см. anča
jablonivik блр. *яблонивик* 'второй по времени нереста лещ' (Лисна — Laumane 1973, 170); ср. лтш. *âbeļu plauži*, *âbeļniēki* (оз. Буртниеку — Laumane 1973, 170).
jegor'jevskij lešč см. lešč
jurička слвц. *ďurička* 'лещ, нерестящийся около дня св. Юрия' (долина р. Нитра — Ferianc 53), *jurička* то же (Ferianc 54); рус. *юровик* 'средний лещ весом 6—8 фунтов, нерестящийся во время распускания дуба' (юж. Россия — Кес. 1860, 244); укр. *юровик* то же (р. Днепр близ Киева — Саб. 508), *jurowik* то же (русин. — Majew. II, 3); блр. *юрьевик* 'лещ, нерестящийся в начале мая' (басс. р. Днепр — Жуков 1958, 115).
jurjevik см. jurička
jurovik см. jurička
kadzeb кашуб. *kaȝëb* (Пшиезеже-Радуньске — Sychta).
kalinik рус. *калинник* 'самый крупный лещ, нерестящийся во время цветения калины и колошения ржи' (бывш. Твер. губ. — Саб. 508: «синоним *колосовик*»), *калйник* то же (твер., калин — СРНГ), *калиник* (Вышний Волочек, Осташков — Кес. 1870, 255: «синоним *колосовой лещ*»).
kalosnik см. kolosnik
!karas' рус. *карáсь* (Ченцы на р. Медведица п. п. р. Волга — Смирнов).
kartočka рус. карточка мелкий лещ (р. Волхов, оз. Ильмень — Л. и Г. 126).
karžanka рус. *карж анка* 'самый мелкий лещ' (Нов. Некрасовка в дельте р. Дунай — Гриценко 38: «следует считать неустойчивым заимствованием из румынских говоров, может быть, реликтом прежнего билингвизма»); ср. рум. cîrjancă 'лещ 22—30 см, 100—200 г' (Vasiliu 189), *cârjancă*, *cârjencuță* то же (Antipa 142).
kecel с.-хорв. *kecel* (р-на Загреба — Hirtz).
kesega с.-хорв. *kesega* (Славония, р. Сава, Градиште в Славонии, р. Босут около Винковаца — Hirtz), ~ *deverika* (Шашинцы — Hirtz), *кесеге* мн. ч. (рр. Босут и Савок близ с. Оролик в Сремском округе — Бабовић 54), *kesiga* (около Загреба — Hirtz) ср. венг. *keszeg* 'лещ' (оз. Балатон — Heckel u. Kner 107); с.-хорв. *kesegica* (Сотин, Земун, Велика Дичина в Рудницком округе — Hirtz: «dem. od *kesega*»), *kesežica* (Оток в Славонии — Hirtz), *kesigica* (Дубица — Hirtz).
keseg(ž)ica см. kesega
kesig(ic)a см. kesega
kil'ak рус. *киля́к* 'молодой лещ, вершков 5—6' (Елизаветинская в н. т. р. Дон — Миртов), ~ 'самый молодой лещ' (н. т. р. Дон — Макаров АКД 19).
kl'apuxa рус. *кляпýха* (р. Волхов: — СРНГ: «мелкий лещ до 800 г»), *кляпуха* 'мелкий лещ' (р. Волхов — Зол., Варп. РИВ 57; Домр. и Правд. 53: «это м. н., очевидно, является

редким, так как в период наших исследований не отмечено»);

рус. *кляпушйна* ʻмелкий лещ до фунта весомʼ (р. Волхов, оз. Ильмень — СРНГ: «единичн.»);

рус. *кляпушóнка* ʻмелкий лещʼ (р. Волхов, оз. Ильмень — СРНГ: «уменьш.»).

kl'apušina см. kl'apuxa

kl'apušonka см. kl'apuxa

klešč(ik) см. lešč

kn'az'ok рус. *князёк* ʻвожак стаи лещей, который отличается от всех своим цветом и формою телаʼ (Саб. 504).

kolosnik блр. *калóсник* ʻсамый крупный лещ, нерестящийся в период цветения ржиʼ (оз. Обстерно — Laumane 1973, 170);

рус. *колосовúк* то же (Лудза, Лисна — Laumane 1973, 170), *колосовик* то же (Вышний Волочек, Осташков, частью бывш. Ярослав. губ. — Вен. 70: «синоним *калиник*»); ср. лтш. *rudzu plauži* ʻлещ, нерестящийся в 3-ю очередьʼ (Laumane 1973, 170; *rudzi* ʻрожьʼ).

kolosovik см. kolosnik

kolosovoj lešč см. lešč

korostel' рус. *кóростель*, *коростелёк* ʻмелкий лещ весом до 1 фунтаʼ (р. Волхов, оз. Ильмень — Л. и Г. 126).

korostel'ok см. korostel'

kosal с.-хорв. *kosao* (Majew. II, 3).

kostl'ak рус. *костля́к* (Сыренец на Псков. Чуд. оз. — Кузн. РС: «мелкий лещ с массой мелких тонких костей»); с.-хорв. *košćak* (р. Сава, Босанска Градишка — Hirtz: «Soviel als Grätenfisch»);

рус. *кос(т)лявка* ʻмолодой лещʼ (рр. Вишера, Кама, Колва — Ревн. 217).

kos(t)l'avka см. kostl'ak

košćak см. kostl'ak

koza с.-хорв. *koza* (Стара Градишка — Hirtz);

с.-хорв. *kozara* (Hirtz);

укр. *козел* ʻмолодой лещʼ (рр. Днепр и Буг — М. и К. 120); с.-хорв. *kozel* (Hirtz: «Wörtlich Ziegenbock»); словен. *kozel* (Ferianc 55);

с.-хорв. *kozica* (Hirtz); ср. с.-хорв. *kȍzica* ʻńekakva riba od slatke vodeʼ (RJA);

укр. *козлик* ʻмолодой лещʼ (н. т. р. Днепр — Ш. и Т. 77), *козлики* мн. ч. то же (рр. Днепр., Юж. Буг и Днепровско-Буг. лиман — Амброз 139: «так называют этот возраст рыбаки»);

укр. *козловаха* ʻмолодой лещʼ (р. Днепр — Ш. и Т. 77);

укр. *козловашка* то же (р. Днепр. — Ш. и Т. 77; Конча-Заспа — Белінг 1928, 95).

kozara см. koza

kozel см. koza

kozica см. koza

kozlik см. koza
kozlovaxa см. koza
kozlovaška см. koza
krasavik блр. *красавік* 'лещ, нерестящийся во время цветения ржи' (оз. Дрисвяты, оз. Лучайскас Постав. р-на БССР — Laumane 1973, 170: «са́мый бальшо́й на́рост лешча́ — красаві́к, кагда́ ро́ш цветё́т — начина́ет красава́ца»); ср. лтш. *rudzu plauži* то же (Аглона, Звиргздене — Laumane 1973, 170: «plàužim̃ pìrmaîs nùorsts, ka čãrmûkša zit; ùtraîs, ka uôbèlneĩcas zît; trešaîs — ka rudzi zît un lejâs»).
krasik рус. *красик* 'мелкий лещ' (Белое оз. — Л. и Г. 126).
kresačka слвц. *kresačka* (Церово — Ferianc 54).
križanka укр. *крижа́нка* 'молодой лещ' (ниж. Поднестровье — Берлізов 49).
krąp польск. krąp 'средний лещ' (р. Висла близ Кракова — Now. 21), *krąp'* то же (Wał. BW 540: «м. н.»).
krugel' блр. *кругéл'* 'маленький лещ' (Рубель, Хоромск — Крив. 169);
блр. *кру́глік* то же (Рубель Столин. р-на Брест. обл. — Крыв. 199).
kruglik см. krugel'
krunasta deverika см. dever
krupel' блр. *крупéл'* 'мелкий лещ' (Олтуш, Луково,Власовцы — Крив. 169).
kul'a польск. *kůla* (Стшепч Вейхеров. пов. Гданьск. воев. — AJK z. VI, cz. II, 49).
lapara с.-хорв. *lapara* (р. Дрина — Hirtz); ср. с.-хорв. *lapara* 'ńekakva vrsta rib' (RJA).
lapušn'ak см. lopušnik
laskir' рус. *ласкирь* 'небольшой лещ величиной с густеру' (н. т. р. Дон — Бородин 42; Азов. море — Берг 768), *ласкырь* то же (Выворотново Бесединн. р-на Курск. обл., Усть-Медвед. р-н в н. т. р. Дон — СРНГ); блр. *ласки́р* то же (Боложевичи — Крив. 169).
l'apok рус. *ляпок*, *ляпушка* 'мелкий лещ' (Белое оз. — Л. и Г. 127); ср. коми-зыр. *ляпа* 'лещ менее 3-х фунтов весом' (Солдатов 50).
l'apuška см. l'apok
l'aska блр. *ляски* мн. ч. 'мелкие лещи' (ср. т. р. Десна — Воронцов 1928, 72).
l'ašč(ik) см. lešč
l'aščičok см. lešč
ledka рус. *лéдка* 'мелкий лещ' (р. Волхов, оз. Ильмень — Л. и Г. 126), *летка* 'лещ менее 1 фунта весом' (р. Волхов, оз. Ильмень — Домр. и Правд. 53);
рус. *лéдочка* 'мелкий лещ' (р. Волхов, оз. Ильмень — Л. и Г. 126).
ledočka см. ledka

lepestn'ak рус. *лепестняк* ʽлещ менее 1 фунта весом' (р. Волхов, оз. Ильмень — Домр. и Правд. 53).
leskar с.-хорв. *ljeskar*, *ljeskarak*, *ljeskarica* (Стара Градишка — Hirtz).
leskarak см. leskar
leskarica см. leskar
leskovka блр. *лéскоўка* ʽмаленький лещ' (Одрижин, Лопатин, Велута, Рубель, Хоромск, Ольманы — Крив. 169), *л'áскоўка* то же (Ольманы, Боложевичи, Шестовичи, Антонов — Крив. 169).
lešč рус. *лещ* (Сл. АР, Даль [2] II, стр. 250: под *лéша*, ССРЛЯ; бывш. Смол. губ. — Добр.; Водлозеро, Кенозеро, оз. Лаче, р. Шексна, ленингр., псков., оз. Уклеино, Валдайское, рр. Ловать, Бол. Тудёр, Мал. Тудёр, озёра Вселуг, Стерж, Селигер, р. Сейм, брян., рыльск., глушков., ворон., оренб. — Герд ДД, Л. и Г. 126; р. Волхов, оз. Ильмень — Варп. РИВ 57: «м. н.», Домр. и Правд. 53: «наиболее распространенное м. н.»; р. Печора — Солдатов; озера Чудское, Селигер, Велье — Никитин КД; в. т. р. Днепр в пределах бывш. Смол. губ. — Домр. 150; р. Ока и ее притоки в бывш. Орлов. губ. — Тарачк. 23; рр. Сейм, Свапа в Курск. обл. - Гладк. 49; рр. Волга, Пьяна, Кудьма, Ока, Теша в пределах бывш. Нижегород. губ. — Варп. РНГ 27, 39, 44, 46, 59; рр. Волга, Кама, Свияга, Бол. и Мал. Кокшага, Мал. Черемшан, Меша, Шешма в пределах бывш. Казан. губ. — Варп. ИФКГ 14, 33, 44, 47, 48, 49, 59, 60, 63; р. Сура — Варп. РС 9; р. Летка — Дрягин РЛ 5; н. т. р. Вятка — Лукаш 66: «м. н.»; басс. р. Вятка от г. Вятка до устья р. Летка — Дрягин РБВ 126; басс. р. Вятка выше г. Слободской — Лукаш РБВ 13: «м. н.»), *лещи* (сер. XV в. — Срезневский: лещь; Кочин, псков, писц. кн. XV—XVI вв. — Никитин КД), *л'ешшы́* мн. ч. (Фомино Заонеж. р-на КАССР — И. А. Попов 77; Погорелая, Васильево, Монастырек, Чаронда Чарозерск. р-на Вологод. обл. — Ягод. ДС I, 98), *л'ошш*, *л'ашшы́* мн. ч. (Кануевка Безенчук. р-на Куйбышев. обл. — Гвоздев 298), *лёшш* (перм. — СРНГ; Перм., Свердлов., Челяб., Омск. обл. — Ревн. 217; «м. н.»), валакушы *на л'ашша* (Псков — Храмцова 1968, 352), *л'ошшо́ф* род. пад. мн. ч. (Беловолжск в Казанск. Поволжье — Моисеенко 142), *лёщ* (Усть-Паленьга, Верхне-Тоем. р-на Арханг. обл., урал. — СРНГ; Перм., Свердлов., Челяб., Омск. обл. — Ревн. 217; «м. н.»; басс. р. Урал — Навозов 269: «м. н.)», *лящ* (по всей Волге — Кес. 1870, 255; дельта р. Дунай — Гриценко 38: «крупные экземпляры»; свердл. — СРНГ), *ляшч* (Зап. Брянщина — СРНГ; Обтени на западе Брян. обл. — Расторгуев 154), *lestsch* ʽлещ длиной 1,5 фута' (р. Волхов, оз. Ильмень — Güld. I, 7), *lesh* [леш(ш)] (Холмогоры — Ларин ДС 63), *leszcz* (оз. Тракай — Zn.-Prüf. RT 6), *leşt* (липоване в дельте р. Дунай — Antipa 142), *березовый лещ* ʽсамый мелкий, двух—трехфунто-

вый лещ, нерестящийся вместе с плотвой во время распускания березы' (бывш. Твер. губ. и часть бывш. Ярослав. губ. — Саб. 508; Вышний Волочек, Осташков — Кес. 1870, 255: «синоним *плотишник*»), *большой* ~ 'лещ-выросток 1,2—2 кг' (р. Волхов — СРНГ), *валовой* ~ 'лещ, нерестящийся около Троицына дня' (Коростынь в юго-зап. р-не оз. Ильмень— Домр. и Правд. 63), *вознесенский* ~ 'самый крупный лещ, нерестящийся около 14—20 мая, около дня вознесения' (Взвад на оз. Ильмень — Домр. и Правд. 63), *головной* ~ 'крупный лещ' (Поозерье на оз. Ильмень — Домр. и Правд. 53), *гуртовой* ~ 'лещ, нерестящийся в начале мая' (Войцы в вост. части оз. Ильмень — Домр. и Правд. 63), *густерный* ~ 'самый мелкий лещ, нерестящийся около 9 мая вместе с густерой' (р. Днепр — Саб. 508), *егорьевский* ~ 'мелкий и средний лещ, нерестящийся около 23 апреля — дня св. Георгия' (Взвад на оз. Ильмень — Домр. и Правд. 63), ср. лтш. *jurģu plauži* то же (Вараклянос — Laumane 1973, 169), *колосовой* ~ 'лещ, нерестящийся во время колошения ржи' (Кес. 1870, 255), *никольский* ~ 'лещ, нерестящийся около дня св. Николая — 9 мая' (Взвад на оз. Ильмень — Домр. и Правд. 63), *прысковой* ~ 'первый по времени нереста лещ, который мечет икру в то время, когда распускается, «распрыскивается» лес', *соповой* ~ 'лещ, нерестящийся вместе с сопой' (Коростынь в юго-зап. части оз. Ильмень — Домр. и Правд. 63), *троицкий* ~ 'наиболее крупный лещ, нерестящийся около троицына дня' (р. Волхов — Домр. и Правд. 63; оз. Ильмень — Дрягин 1939, 107), *черемховый* ~ 'лещ, нерестящийся во время цветения черемухи' (Вышний Волочек, Осташков — Кес. 1870, 255). *черный* ~ 'первый по времени нереста лещ темного цвета', *белый* ~ 'второй по времени нереста лещ' (Псков. оз., Крупос — Laumane 1973, 170), *наливной* ~ 'лещ, нерестящийся в то время, когда рожь наливает колос' (Себеж — Laumane 1973, 170), ср. лтш. *bal̃tiê plaûži*, *dzȩl̂tȩnie plaûži* (Аугустрозе — Laumane 1973, 170: «viêni nə̂rstuô pa iẽvu ziêdu; uõtri, kad pîlâdži ziêd»); укр. ЛѦЩЬ (XVII в. — Берында, XVIII в. — Тимч. КІС), *лещ* (Жел., Закарпат. обл. — Влад. 71), *лешч* (в. т. р. Припять, ср. т. р. Горынь, р. Гнилая Липа при впадении в р. Днестр — АУМ; Василев на р. Днестр — КДА: «редко»), *лешч'і* (Чайковичи на р. Днестр — КДА), *л'ешч* (Листвин, Полесское на севере Житомир. обл. — Никончук КД), *leszcz* (Буск, Золочев, Тернополь, Залещики, рр. Солотвина, Золотая Липа, Збруч л. п. р. Днестр, р. Гнезна п. р. Серет — Now. 51, 54, 62, 64, 66; р. Серет л. п. р. Днестр — Now. 1881, 11; р. Сивка в бывш. Калуш. пов. — Barta 8; в. т. р. Стырь — Małacz. 60; Езополь на р. Днестр — Barta 1887, 448; Галич, Станислав, Солотвин — Łom. 53), *łeszcz* (Сасов, Буск, Добротвор, Вел. Мосты на р. Рата — Now. 51, 55; р. Днестр близ Нижнева — Barta 9; р. Днестр от г. Галич

до с. Побережье — Barta RD 60, Now, 59; Галич, Козара, Журавенка, Козачовка на р. Днестр, р. Стрыпа п. р. Серет, Подгайцы, Богатковцы, Гайворонка, р. Ломница — Now. 59, 62, 65, 77), *lešč* (Сивка и Мошковице в р-не Калуша — Janów 178), *ліщ* (Жел., Писк.), *л'ішч* (ср. т. р. Припять — АУМ), *liszcz* (Коломыя — Majew. II, 3), *лишч* (н. т. р. Свича п. п. р. Днестр, н. т. р. Случь п. п. р. Горынь — АУМ), *лящ* (Жел., Гринченко, СУМ, н. т. р. Днестр — Берлізов 53; н. т. р. Припять—Ляш. 57; басс. р. Днепр — Емел. 24; сев. побережье Черного моря — Кес. 1860, 240), *л'ашч* (Станишевка на севере Житомир. обл. — Никончук КД; в. т. р. Случь п. п. р. Горынь, рр. Стоход, Стырь — правые притоки р. Припять — АУМ; ниж. Поднестровье — Дзенд. КД; Лиманское в Бессараб. Приморье — Дрозд. КД: «йак вúросте, його називáйут л'ашч, а йак малúй — чабáк»; Теребовля — АУМ), *l'ašč* (Ставки на территории ПНР — АУМ), *laszcz* (р. Стырь в р-не Лопатина — ZR 27, Now 57; Тернополь, р. Серет — Majew. II, 3); блр. *лешч* (БРС, Витебщина — Касп.; вост. Могилевщина — Бялькевіч; Олтуш, Луково, Сварынь, Заречка, Здитово, Спорово, Власовцы, Лопатин, Велута, Рубель, Хоромск, Ольманы, Пуховичи, Голубица, Боложевичи, Злодин, Шестовичи, Антонов, Конотоп, Дерновичи, Довляды — Крив. 169; р. Песчанка в Славгород. р-не Могилев. обл. — Яшкін 121; Жуков РБ 262: «и. т.; м. н. повсеместно»), *лещ* (бывш. Могилев. губ. — Демб. I, 463; бывш. Витеб. и Могилев губ. — Купр. 1965, 155; басс. р. Неман — Жуков 1958, 105; рр. Днепр, Сож, Припять, Случь в пределах бывш. Минск. губ. — Сулков. 84; ср. т. р. Десна — Воронцов 1928, 72), *leszcz* (р. Вилия — Tyszk. 88; оз. Тракай — Zn.-Prüf. RT 6; р. Мозырь — Mosz. PW 19), *лящ* (северско-блр. говор — Расторгуев СБГ 147), *liászczej* род. пад. мн. ч. (р. Неман в р-не Друскининкай, Лот-озеро — Zn.-Prüf. RD 6), *микольский лещ* 'лещ, нерестящийся около дня св. Николая' (оз. Дривяты — Лаумане 1968, 30), *попурóвый лешч* 'лещ, нерестящийся раньше всех других' (Дрисвяты — Laumane 1973, 170); польск. *xlėšč* (Пуцк, Вейхерово — Sychta; Острово Пуцк. пов. Гданьск. воев. — AJK карта № 253), *kleszcz* (1328 г. — Milew. 157; 1389 г. — Sł. stpol; SP XVI: «зафиксировано в Латинско-польск. словаре 1532 г., написанном Бартоломеем из Быдгощи», Rostaf. 398, SWil, SW: «ст.-польск.», SDor: «daw.», AJK карта № 253: «форма эта отмечена на всей территории Кашубии, кроме северной ее части, на юге распространена почти до границы кашубских говоров; фонет. варианты: *klešč*, *klešč́*, *klėšč́*, *klyšč*, *klïšč*, *kleⁱšč́*»; Випсово Ольштын. пов., Лива, Кайково Оструд. пов. — М.-К. 12: «очень редко»; Ченстохов — AJK z. VI, cz. II, 48; Wyg.: «м. н.»), *klešč* (Избица, Хайстернест, Горенчин, Сворнигаче — Lor. PW; Сворнигаче Хойниц. пов. — Nitsch DPZ 98), *klėšč* (Горенчин — Sychta), *kléscy* мн. ч. (Стра-

дом Ченстохов. пов. — MSGP), *kleⁱšč* (Студзенице Бытом. пов., Пшитарня Хойниц. пов. — MSGP), *leszcz* (Sł. stpol: «В старопольск. памятниках эта форма неизвестна»; SWil, SW, SDor, Karł. SGP; Велькопольша, Малопольша, Мазовия, Подлясье, Земля Хелминская, Добжинская, спорадически по всей территории Кашубии: Кочеве, Мальборк, Боры Тухольске, Крайна — AJK z. VI, cz. II, 48; Оструд. и Нидзиц. пов., юго-вост. часть Мронгов. пов., зап. часть Пиш. пов. — M.-K. 12: «nazwa, która wypiera coraz bardziej ogólnie znaną nazwę pochodzenia niemieckiego (t. j. blej)»; р. Висла от истока до устья р. Сан, р. Сола п. п. р. Висла ниже Коберниц, р. Дунаец близ Тарнова, рр. Брень, Вислока, Кшеменица — правые притоки р. Висла, Ярослав, Высоцк, Ветлин — Now. 21, 27, 36, 41, 43, 44; р. Любачевка п. р. Сан — ZR 26, Now. 47; р. Серет в пределах Галиции — Majew. II, 3; оз. Тракай — Zn.-Prüf. RT 6; р. Вилия — Tyszk. 88), ~ *właściwy* (Ład. I, 313, Jar. IV, 68, Leś. 50: «и т.»), *leszcze* мн. ч. (Ленчице — Dek. 1964, 87; Радом — Dek. 1963, 115), *lešč* (кашуб. — Ramułt, Lor. PW, Sychta; Дембек Пуцк. пов. Гданьск. воев. — AJK карта № 253; Лопенна на сев. Велькопольши — Tomasz. 145), *lešč* (Реково Бытов. пов. Кошалин. воев. — AJK z. VI, cz. II, 49; Коцсельна Оборник пов. Познан. воев. — MSGP), *lešče* мн. ч. (кашуб. озера — Gulg. 74; Скшешево Картуз. пов. Гданьск. воев. — AJK z. VI, cz. II, 49), *leščy* мн. ч. (Белосток — Zdanc. 112), *lėšč* (Мжезино Пуцк. пов., Тушковы Косцежин. пов., Елень Круглевски Тчев. пов., Студзенице Старогард. пов. Гданьск. воев., Вежхоцина, Малэ Глисно, Прондзонка Хойниц. пов. Быдгощ. воев. — AJK z. VI, cz. II, 49; Дульск, Ловынь Мендзыхов. пов., Пенцморги Свец. пов., Самоцице Домбр. пов., Дрогичин над Бугом — MSGP), *leⁱšč* (Бжезно Хойниц. пов. Быдгощ. воев. — AJK z. VI, cz. II, 49), *leść* (р. Дунаец в р-не Закличина — Now. 36), *lesc* (Возьники Серадзке, Хуща Бяло-Подляс. пов., Соболево, Бильвиново Сувалк. пов., Кренги Старе Вышк. пов., Чеханов, Тшцяны Бялостоцке — MSGP; р. Нарев в Тыкоцин. пов. — Gloger 838; Виленщина — Tomasz. MMW 115), *lescy* мн. ч. (Соболево Сувалк. пов. — Nitsch 319), *lysc* (Пшедмосц Велюньск. пов., Ухаче Гарвин. пов. — MSGP), *lyešče* мн. ч. (Нова Весь Збонска Ново-Томаш. пов. — MSGP), *klešt'* (ляш. — Machek [2] стр. 120: под dlešt'); н.-луж. *klěšć*, диал. *klěšč* (Мука); словин. *klìęšč* (Lor. SW), *klėįšč* (AJK z. VI, cz. II, 48), *kleszcz* (юж. берег Балт. моря — Гильфердинг 167); чеш. *lešt'* (Jungmann, Sławski, Orłoś: «из польск. яз.»); слвц. *lešt'*, ~ *vel'ký* (Ferianc 54: «Слово русское. Клячко употребил его впервые при переводе учебника зоологии Баера. . . Появилось оно и у Пикулы»); болг. *лещ* (Геров);

рус. *лещак* (Мустиничи бывш. Лод. у. — Куликовский);

рус. *лещата* мн. ч. 'молодые лещи' (рр. Уфа, Урал, Синара Челяб. обл. — Ревн. 217);

укр. *лещавка* (полес. — Лисенко СПГ);

блр. *лешча́вочак* 'маленький лещ' (Здитово, Спорово — Крив. 169);

рус. *ле́щи́к* (Сл. АР), *ле́щик* (ССРЛЯ: «разг., уменьш.-ласк. к *лещ*»; р. Волхов, оз. Ильмень, Урал. обл. — Герд ДД), *лещик* 'мелкие лещи' (нач. XVII в. — Герд ДД: «уменьш.-ласк. образование»), ~ 'мелкий лещ' (р. Волхов, оз. Ильмень — СРНГ), *л'о́ты̄к* (Усть-Паленьга Верхне-Тоем. р-на Арх. обл. — СРНГ); укр. *ле́щик* (Хел.), *leščyk* (Сивка и Мошковице Калуш. пов. — Janów 178), *ля́щик* (Гринченко, СУМ: «зменш.-пестл.»; Николаевка Овидиопольск. р-на Одес. обл.— Берлізов 53: «зм. від *лящ*»); блр. *лешчык* (р. Песчанка Славгород. р-на Могилев. обл. — Яшкін 121; «уменьш.»); польск. *klèščək* (Избица — Lor. PW: «dem. zu *klešč*»), *leszczyk* 'маленький лещ' (SDor), *leščék* то же (кашуб. — Ramułt: «zdrob. od *lešč*»); словин. *klìeščìk* то же (Lor. SW, Lor. PW);

блр. *ляшчычок* (р. Песчанка Славгород. р-на Могилев. обл. — Яшкін 121: «уменьш.-ласк.»);

укр. *лишч'і́ўка* (Самбор — АУМ), *leszcziwka* (Судова Вишня— Majew. II, 3); блр. *ле́шчаўка* 'маленький лещ' (Луково, Антонов — Крив. 169); польск. *lescówka* то же (р. Нарев в Тыкоцин. пов. — Gloger 838), *leszczówka* то же (SW: «gwar.»);

блр. *лешчу́к* (Злодин, Антонов — Крив. 169);

польск. *leszczułka* (р. Буг близ Потужице — Now. 51);

рус. *подле́щ* 'лещ небольших размеров' (ССРЛЯ; н. т. р. Волхов, озера Уклеино, Валдайское, Вселуг; курск. — Л. и Г. 127), *подлещ* то же (горьк. — СРНГ), *подлещы* мн. ч. то же (псков. писц. книги XV—XVI вв. — Никитин КД), *podlestschi* мн. ч. то же (Pall. ZRA 325); укр. *підля́щ* 'молодой лещ' (р. Днестр — Гринченко), *підлящ* то же (рр. Днепр и Буг — М. и К. 120), *podleszcz* то же (р. Серет в р-не Тернополя — Now. 63, 64);

укр. *підлящак* (Нік. 32);

рус. *подле́щик* 'маленький лещ' (ССРЛЯ; р. Волхов, калуж., горьк. — СРНГ; Кенозеро, оз. Лаче, Водлозеро, н. т. р. Волхов, озёра Уклеино, Валдайское, Вселуг, Глушк., Льгов., Рыльск. р-ны Курск. обл., Воронеж., Урал. обл. — Герд ДД), *подлещик* то же (сев.-зап. р-н Онеж. оз. — Збор. 78; волхов., ильм., псков. — Герд и др. 34; юж. берег оз. Ильмень — Домр. и Правд. 53: «лещ средней величины»; в. т. р. Днепр. в бывш. Смол. у. — Домр. 150: «лещ весом до 0,5 фунта»; рр. Сейм, Свапа в Курск. обл. — Гладк. 1929, 49; по всей Волге — Кес. 1870, 255; р. Волга в пределах бывш. Нижегород. губ. — Варп. ОРБВ 70; ульян. — СРНГ; бывш. Казан. губ., рр. Волга, Мал. Кокшага — Варп. ИФКГ 33, 44, 48; рр. Сура, Мокша, Хопер в пределах бывш. Пензен.

губ. — Магн. 20; н. т. р. Дон — Макаров АКД 19: «лещ, недостигший промысловых размеров»; басс. р. Вятка от г. Вятка до р. Летка — Дрягин РБВ 126; рр. Кама, Кольтма, Колва, Пильва, Чусовая, Сылва — Ревн. 217; рр. Сылва, Обва — Меньш. 396: «молодь леща»; басс. р. Урал — Навозов 269), *подлéшшик* (перм., соликамск. — СРНГ), *падл'éщьк* (Парфенки бывш. Рузск. у. Моск. губ. — Дурново 15: «слово известно лишь тем, кто эту рыбу видел в Москве»), *подлещики* мн. ч. 'мелкие лещи' (р. Теша п. п. р. Ока — Варп. РНГ 50; р. Сура — Варп. РС 9), *podlestschik* 'лещ длиной в 1 фут' (Новгород — Pall. ZRA 325; р. Волхов, оз. Ильмень — Güld. I, 7); укр. *підлéщик* 'молодой лещ' (Жел.), *підлящик* то же (Ш. и Т. 77), *pidleszczyk* то же (русин. — Majew. II, 3); блр. *падлéшчык* 'молодой лещ' (Витебщина — Касп.), *подлещик* то же (Жуков РБ 242: «м. н.»), *пудлешчик* то же (Полесье — Крив. 171);

рус. *подлéщичек* (Водлозеро — Л. и Г. 127);

укр. *підля́щивка* 'молодой лещ' (Миколаевка Овидиопольск. р-на Одес. обл. — Берлізов 61); блр. *подлешчóўка* то же (Конотоп, Дерновичи, Довляды — Крив. 171);

укр. *підля́щивочка* (Миколаевка Овидиопольск. р-на Одес. обл. — Берлізов 61: «зменш. від *підля́щивка*»);

рус. *подлещье* собир. 'мелкие лещи' (псков. писц. книги 1582—1585 гг. — Герд ДД);

Ср. нем. *Lesch*, *Klesch* (Machek [2] стр. 120: под dlešt'; jsou ze slovanštiny»).

lešćak см. lešč

leščavočak см. lešč

leščik см. lešč

leščolusk польск. *leszczołusk* (SWil).

lešči(o)vka см. lešč

leščuk см. lešč

leščulka см. lešč

letka см. ledka

letun рус. *летун* 'мелкий лещ весом до 0,5 фунта' (в. т. р. Днепр в бывш. Смол. у. — Домр. 150).

listok рус. *листок* 'мелкий лещ' (Белое оз. — Л. и Г. 126).

lišč см. lešč

lobač рус. *лобач* (Грац. 147).

lopušnik рус. *лопушни́к* 'лещ, нерестящийся первым' (Лудза, Себеж — Laumane 1973, 170); блр. *лапушнік* то же (оз. Снуды— Laumane 1973, 170);

блр. *лапушня́к* то же (оз. Снуды — Laumane 1973, 170); ср. лтш. *lapušņaks*, *lopušniks* то же (Звиргздене — Laumane 1973, 170).

lopyr'ok рус. *лопырёк* 'очень мелкий лещ весом до 100 г.' (р. Волхов, оз. Ильмень — СРНГ).

loskutok блр. *лоскутки* мн. ч. 'лещи менее 1 фунта' (Могилев — Демб. I, 463).
l'otka блр. *лётка* 'маленький лещ весом 200 г' (Витебщина — Касп.).
lozovik блр. *лозовик* 'крупный темный лещ, нерестящийся в середине апреля, когда появляются первые листочки на иве' (басс. р. Неман — Жуков 1958, 115).
mikol'nik см. nikol'nik
moldavanka рус. *молдаванка* (Азов. море — Л. и Г. 127).
nalivnoj lešč см. lešč
nikol'nik рус. *никольник* 'лещ, нерестящийся около дня св. Николая' (р. Волхов — Кес. 1864, 91, Саб. 508: «средний лещ»; р. Днепр — Саб. 508: «самый мелкий лещ»); укр. *микóльник* то же (Жел.), *mikolnik* то же (русин. — Majew. II, 3); блр. *никольник* то же (басс. р. Неман — Жуков 1958, 116; Полесье— Лаумане 1968, 30);
укр. *николинник* то же (р. Днепр под Киевом — Вен. 70).
nikolinik см. nikol'nik
paltan рус. *палтан* 'мелкий лещ' (в. т. р. Кама — Цех. 132), *полтан* 'молодь леща' (рр. Кама, Кольтма, Колва, Пильва, Чусовая, Сылва — Ревн. 217); ср. удм. *палтан* 'лещ' (басс. р. Вятка — Дрягин РБВ 126);
рус. *палтуха* 'молодь леща' (рр. Кама, Кольтма, Колва, Пильва, Чусовая, Сылва — Ревн. 217, Меньш. 396).
paltuxa см. paltan
parpur польск. *parp^{u}ur* (Леснево Пуцк. пов. Гданьск. воев. — AJK z. VI, cz. II, 49: «спорадически»).
pečenica с.-хорв. *pečenica* (Hirtz: «Soviel als Bratfisch»); словен. *pečenica* (Ferianc 55).
perečen' рус. *пéречень* 'мелкий лещ' (р. Волхов, оз. Ильмень — СРНГ), *перечень* то же (Новгород — Зол.; оз. Ильмень — Кучин ИО 63: «торговый сорт леща весом от 1 до 2,5 фунтов, синоним — *выросток*»), *peretschén* то же (Новгород — Pall. ZRA 325), *peretschenn* то же (р. Волхов, оз. Ильмень — Güld. I, 7).
pest слвц. *piest* (Поважье — Ferianc 54: «podla vysokého a úzkeho tela pleskáča, ponášajúceho sa čiastočne na prací piest»), *piesť* (Турец — Ferianc 54), ~ *vel'ký* (Тренчин — Ferianc 54); ср. рус. *пест* 'мелкая рыба, водящаяся в р. Пинега Арх. обл.' (СРНГ).
petrovka словен. *petrovka* (Ferianc 55).
pidl'ašč см. lešč
pidl'aščak см. lešč
pidla(e)ščik см. lešč
pidl'aščiv(oč)ka см. lešč
pitruše чеш. *pitruše* (Jungmann, PSJČ, SSJČ); слвц. *pitruša* (Ferianc 54);
чеш. *pitruška* (PSJČ, SSJČ: «zdrob.»).

pitruška см. pitruše
pl'askač слвц. *pl'askáč* (р. Орава — Ferianc 54); ср. чеш. *plaskač'* 'plocha ryba' (сев. Опава — Lamprecht 98);
блр. *пласк'úр* 'маленький лещ' (Боложевичи — Крив. 169)
plaskir ст. pl'askač
platica слвц. *platica* (Ferianc 54); словен. *platíca* (Pleteršnik);
болг. *платúка* (Геров, БТР, Тутракан — Вакар. 54; Суворово Одес. обл. — П.-Зел. 106; Твардица Молдав. ССР — сообщение Э. И. Зелениной; Владичени, Нагорное, Криничное Болград. р-на — собств. наблюд.), *платика* (РБР, Брно-Павликени, Козар-Белене, Марашки Трыстяник в Плевен. округе — Маринов 250, 362; Мандрин. лиман, Гебидже — Максимов 12; р. Дунай и н. т. р. его бассейна — Цанков 36; Моров 58: «и. т.»), *платúкъ* (Силистра — Ковачев 129), *платыка*, *плотыка* (Геров III, стр. 10: под *лещь* 'Cyprinus', *platika* (р. Дунай — Wak. 49)); ср. ст.-прусск. *locutis*, лит. *plakis* (Majew. II, 3), рум. *plăticǎ*, *plăticuțǎ* (Antipa 142).
plati(y)ka см. platica
platnica с.-хорв. *platnica* (Сисак — Hirtz: «Soviel als Plattfisch»).
plecak слвц. *plecáky černé* мн. ч. (Mahen 1927, 65).
pleskač чеш. *pleskáč* (PSJČ, SSJČ); слвц. *pleskáč* (Machek [2]), *pleskač* (р. Морава — Ferianc 54), ~ velký (Ferianc 54, NR 202: «и. т.»), ~ *vysoký* (Dyk 254: «и. т.»), *plieskač* (Ferianc 54), ~ *vel'ký* (Ferianc 54 : «и. т.»);
блр. *плéскáўка* (Боложевичи — Крив. 169).
pleskavka см. pleskač
pleša кашуб. *plěša* (Рабацин — Sychta).
pletna чеш. *pletna* (Костеланы на р. Морава — Běl. 180), *fletna* (Бабице — Běl. 180).
pletnik слвц. *pletníky černé* мн. ч. (Mahen 1927, 65).
plezdre польск. *plezdre* мн. ч. (Хопово Картуз. пов. — AJK z. VI, cz. II, 49).
plišč укр. *pliszcz* (Чортков. округ — Majew. II, 3), *пліщ* (Гринченко).
plosk с.-хорв. *plosk* (Hirtz);
с.-хорв. *ploska* (Босанска Дубица, Колубара, Подгорица — Hirtz);
словен. *ploščič* (Machek [2] стр. 120: под dlešt'; Jurančič: под *šüsta*); ср. болг. *плóстник* 'вид рыбы' (Младенов ИГ).
ploska см. plosk
ploščič см. plosk
plošič с.-хорв. *plošič* (Hirtz).
plotica чеш. *plotice černá* (Брно — Mahen 1927, 59); укр., польск. *płutycia* (рр. Шкло, Вишня — правые притоки р. Сан — Now. 48); рус. *плотичник* 'лещ, нерестящийся одновременно с плотвой' (сев.-вост. р-н Онеж. оз. — Покр. 64), *плотишник* 'самый мелкий двух-трехфунтовый лещ, нерестящийся вместе с плотвой во время распускания березы' (бывш. Твер. и частью

Ярослав. губ. — Саб. 508; Вышний Волочек, Осташков — Кес. 1870, 255; «синоним *березовый лещ*»);

рус. *плóташник* то же (Дагда — Laumane 1973, 170), *плóтошник* то же (оз. Лисна — Лаумане 1968, 30); ср. лтш. *plotaĉ-ñiji plauži* то же (оз. Рушону — Лаумане 1968, 30: «названия рыб по времени нереста заимствованы из соседних рус. и блр. говоров»).

plotič(š)nik см. plotica

plota(o)šnik см. plotica

plotyka см. platica

plutyc'a см. plotica

plyskovan'a укр. *плискованя* (н. т. рек Закарпат. обл. — Влад. 71, 72).

podčebak см. čebak

podešva польск. *podeszwa* (SW: «gwar.»; р. Дунаец близ Тарнова — Now. 36).

po(u)dlešč(ik) см. lešč

podleščje см. lešč

podleščovka см. lešč

polučebak см. čebak

polučebaček см. čebak

pražma чеш. *pražma* (Jungmann, PSJČ, SSJČ: «z něm., řídc.», Frič 19, Dyk 254: «название встречается в старых книгах»).

pučeglazik рус. *пучеглазик* (орл., донск. — Миртов).

sadovik блр. *садовик* 'крупный и средний лещ, нерестящийся в начале мая' (басс. р. Неман — Жуков 1958, 115).

sapinik см. sopinik

sen' слвц. *sien* (Ferianc 54); с.-хорв. *senj* (Hirtz), *sinj* (Машич, Окучани, Свиняр, Ускоке — Hirtz), *сӣњ* (Толстой); ср. с.-хорв. *sȇń* 'vrsta ribe' (Дубица — Hirtz);

с.-хорв. *sinjac* (Сербия, р. Босна; р. Морава п. п. р. Дунай близ Брзна и Багрдана, Джердап — Hirtz); ср. с.-хорв. *sińac* 'vrsta ribe' (Джердап — Hirtz);

с.-хорв. *sìńača* (Оток в Славонии — RJA), *sinjača* (Гундинац, Винковцы, Оток в Славонии — Hirtz);

с.-хорв. *sinjačica* (Волавчица близ Петровины — Hirtz);

рус. *синя́к* (н. т. р. Волга — Клыков); блр. *синяк* то же (басс. р. Неман — Жуков 1958, 116);

с.-хорв. *sinjakuša* (Hirtz);

с.-хорв. *sinjarak* (Хорватска Дубица — Hirtz);

с.-хорв. *sinjavac* (Карловац в Хорватии — RJA, Hirtz), *sinjevac* (Карловац — RJA, Hirtz: «radi sinje boje njenog tijela»), *šińevac* (RJA);

рус. *синчик* 'мелкий лещ' (Переслав. оз. — Бор. 130);

рус. *синец* 'мелкий лещ, нерестящийся одновременно с синцом' (низовья р. Волга — Вен. 70);

рус. *синьһа* 'молодой лещ' (брян. — Зельцер 154).,

с.-хорв. *sinjur* (р. Драва близ Вирья — Hirtz).

sin'ac см. sen'
sin'ača см. sen'
sin'ačica см. sen'
sin'ak(uša) см. sen
sin'arak см. sen'
sin'avac см. sen'
sinčik см. sen'
sinec см. sen'
sinevac см. sen'
sin'ga см. sen'
sin'ur см. sen'
sivac с.-хорв. *sivac*, *sivak* (Hirtz);
с.-хорв. *sivačica* (Бора — Hirtz).
sivačica см. sivac
sivak см. sivac
slipa укр. *cлiná* 'мелкий лещ' (Миколаевка Овидиопольск. р-на Одес. обл. — Берлiзов 62).
sopinik рус. *сапинник* 'мелкий лещ, нерестящийся одновременно с сопой' (р. Волхов — Кес. 1864, 91), *сопинник* то же (р. Волхов — Домр. и Правд. 63);
рус. *сопник* 'первый по времени нереста лещ, который мечет икру во время цветения черемухи' (Войцы в вост. части оз. Ильмень — Домр. и Правд. 63).
sopnik см. sopinik
struga с.-хорв. *struga* (Сисак — Hirtz).
sugava рус. *сýгава* 'рыбка вроде леща' (Беломор. р-н КАССР — Воронова 1967, 46: «в словарях не встретилось»).
suxoper' рус. *сухапéрь* 'молодой лещ' (брян. — Зельцер 154: «образовано от двух основ — *сух-* и *перь-*, *сухой* значит 'серый'»).
suxor'obka рус. *сухорёбка* (Льгов. р-н Курск. обл. — Л. и Г. 127).
šab'or рус. *шабёр* (Чуд. оз. — Даль [2] IV, стр. 617: «*шабёр* 'лещ'?»; Горки, Брага на Псков.-Чуд. оз. — Кузн. РС), *шабéр* 'крупный лещ' (Псков. оз. — Кес. 1864, 90), *щабёр* (псков. — Даль [2]; Псков. оз. — Стремб. 371; Жидилов Бор, Шартова, Межа на Псков.-Чуд. оз. — Кузн. РС), *щебёр* (псков. — СРНГ), *щибёр* 'большой лещ' (лифлянд. — Фасмер IV, стр. 495; под *щабёр*);
рус. *шебёра* (Сыренец на Псков.-Чуд. оз. — Кузн. РС), *шеберы* мн. ч. (Псков оз. и реки в него впадающие — РЧП, Приложение I, 72), *шшаб'бра* (русские говоры на территории Эстонии — Немченко и др. 357), *шшабёра* Гдов — Труб. 115), *щабёра* (тороп., псков. — СРНГ), *щебёра* (псков. — Кузн. РС, СРНГ);
рус. *щебёрка* (Жидилов Бор, Шартова, Межа на Псков.-Чуд. оз. — Кузн. РС), *щеберка* (Тарту, Псков.-Чуд. оз. — Зол., Саб. 501; сев.-зап. край — Загор. 380; «мелкий лещ»; р. Волхов, оз. Ильмень — Домр. и Правд. 53: «мелкий лещ весом менее 1 фунта»).

šab'ora см. šab'or
!šaran рус. *шара́н* ʽмелкий лещ' (побережье Азов. моря — Кузн. ПАБ 108).
ščab'or(a) см. šab'or
šče(i)b'or(ka) см. šab'or
š(č)eb'ora см. šab'or
šil'an с.-хорв. *šiljan* (Босанска Дубица — Hirtz).
šinevac см. sin'avac
šin'ožica с.-хорв. *šinjožica* (Воловчица близ Петровины — Hirtz).
širajka с.-хорв. *širajka* (р. Сава близ Митровицы — Hirtz: «Soviel als Breitfisch»).
širxan рус. *ширхан* ʽлещ менее 4,5 вершков' (Ахтуба — Гримм 1896, 118).
širman рус. *ширма́н* (ср. т. р. Волга — Клыков), *ширман* ʽмолодой лещ' (Самара — Бар. 25, Зол., Кес. 1870, 255: «очень мелкий лещ»; н. т. р. Волга — Кес. 1877, 260);

рус. *ширманчик* (р. Волга в пределах бывш. Казан. губ. — Варп. ИФКГ 44), *ширманщик* ʽмолодой лещ' (Самара — Зол.; Саратов — Кес. 1870, 255: «очень мелкий лещ»; н. т. р. Волга— Кес. 1877, 260).

širman(š)čik см. širman
šl'apačka слвц. *šl'apačka* (Бодава — Ferianc 54: «ploská tl'apkavá ryba»).
šla словин. *szla* (юж. берег Балт. моря — Гильфердинг 183).
šusta с.-хорв. *šȕsta* (RJA), *šusta* (р. Сава, Слав. Брод — Hirtz).
švajka словин. *švãi̯kă* (Lor. SW).
tarabara рус. *тара́бара*, *тара́барка* (Водлозеро — Л. и Г. 127).
tarabarka см. tarabara
taranik рус. *тара́нник* ʽлещ, нерестящийся одновременно с таранью' (юж. — Даль [2] IV, стр. 391: под *тара́нь*); укр. *тара́нник* то же (Гринченко,) *таранник* то же (Никополь — Кес. 1860, 243), *tarannik* то же (русин. — Majew. II, 3).
ternovik рус. *терно́вик* ʽлещ, который нерестится, когда терн зацветет' (юж. — Даль [2] IV, стр. 400: под *те́рен*); укр. *терновик* то же (Кес. 1860, 243), *ternownik* то же (русин. — Majew. II, 3).
treska укр. *триска* (Закарпат. обл. — Влад. 71, 72); слвц. *trieska* (Кленовец — Ferianc 54: «podl'a vysokého a úzkeho tela pleskáča, ponášajúceho sa na triesku»).
trišč укр. *triszcz* (р. Днестр под Галичем — Now. 60).
turička слвц. *turíčka* (ниж. Понитрье — Ferianc 54).
velvar болг. *велвар* (Моров 58: «м. н.»).
verbak рус. *верба́к* ʽлещ, нерестящийся во время цветения вербы' (юж. — Даль [2] IV, 178: под *верба́*, СРНГ); укр. *вербак* то же (р. Днепр под Киевом — Кес. 1860, 236, Саб. 508: «самый крупный лещ»), *werbak* то же (русин. — Majew. II, 3);

рус. *вербúч* то же (юж. — Даль [2] IV, стр. 178: под *вербá*, СРНГ); укр. *вербич* то же (р. Днепр под Киевом — Кес. 1860, 236), *werbicz* то же (русин. — Majew. II, 3);

рус. *вербóк* то же (юж. — Даль [2] IV, стр. 178: под *вербá*, СРНГ);

укр. *вербовик* то же (ср. т. р. Днепр — М. и К. 120», р. Днепр под Киевом — Кес. 1860, 236, Саб. 508: «самый крупный лещ»), *werbowik* то же (русин. — Majew. II, 3); блр. *вербовик* то же (басс. р. Неман — Жуков 1958, 115);

рус. *вербóвник* то же (юж. — Даль [2] IV, стр. 178; под *вербá*, СРНГ); укр. *вербовник* то же (басс. р. Днепр — Аутодаров 108).

verbič см. verbak

verbok см. verbak

verbov(n)ik см. verbak

vimba рус. *вúмба* (Л. и Г. 126).

vuoloj словин. *vùo̯lòi̯* (вост.-словин. — Lor. SW).

vyrostok рус. *выросток* (р. Волхов, оз. Ильмень — Герд СА 27; оз. Ильмень — Кучин ИО 63: «торговый сорт леща весом от 1 до 2,5 фунта; синоним *перечень*»).

zobovik рус. *зобовик* ‘особенно крупный лещ, очень жирный’ (н. т. р. Дон — Бородин 42).

В. А. Меркулова

РУССКИЕ ЭТИМОЛОГИИ. III

(нецевенье, хоръ, сколудина, хмыз, верпеть)

нецевенье

Перед нами документ, имевший в свое время большое государственное значение: следственное дело о гибели царевича Димитрия. Многочисленные свидетели показывают, что царевич страдал эпилепсией (падучей) и в момент припадка, в состоянии беспамятства, упал на нож и погиб. Показания Андрея Нагого: «А на цр҃вче бывала болѣзнь падучая; да нн҃е в великое говѣнье у дочери его руки переѣлъ, да и у него у Ондрѣя цр҃вчь руки ѣдалъ же в болѣзни, а у жилцовъ и у постелницъ, какъ на него болѣзнь придетъ, и цр҃вча как станутъ держать, и онъ втѣпоры ѣстъ *в нецывенье* за што попадетца». (Сл. о убиен. ц. Дм.) (1591 г.) [1]. Интересующее нас слово *нецывенье* играет в этом документе решающую роль: царевич не был убит, он в беспамятстве убил себя сам. Ясно, что слово *нецывенье* 'беспамятство' бытовало в языке Москвы XVI века.

Снова мы встречаем это слово в памятнике XVII в., в статейном списке о перенесении мощей патриарха Иова в Москву (1652 г.). Этот документ является письмом царя Алексея Михайловича Никону (тогда митрополиту). Царь, потрясений внезапной болезнью и смертью патриарха Иосифа, подробнейшим образом описывает события: «И молвилъ я отцу его духовному: видитъ отецъ нашь нѣкакое видѣніе; и онъ молвилъ: нѣтъ, де, полна, де, *в нецевеньѣ* такъ смотритъ». В другом месте того же памятника: «Я де почалъ говорить: для чего нейдешь? и онъ де мнѣ говоритъ: не смѣю де иттить, станетъ де кручиниться, и я де закричалъ: хотя бъ де билъ тебя и ты бъ де шелъ къ нему, видишь де и самъ, что топере онъ *в нецевелье*, потому болѣзнь та гораздо приняла его» [2].

Через двести и триста лет мы находим это слово сохранившимся в говорах Псковской, Смоленской и Калужской областей: *внецéвелье*, *внецéвельи* нареч. 'в беспамятстве', *внечи́велях* то же (псков.) [3]; *нечи́вель*, *нецывель* ж. 'беспамятство, бесчувственность,

---

[1] Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел, ч. 2. М., 1819, с. 108.

[2] Собрание писем царя Алексея Михайловича. Изд. П. Бартенев. М., 1856 г., с. 166, с. 163.

Филин, 4, с. 323.

обморок’: «*У нечи́вили* був, *в нецывилях*» (смол.); *ниче́вли* м. мн. ‘беспамятство, забвение, обморок’: «Я шел, словно *в ничевлях*» (калуж.) [4]. Следует обратить внимание на то, что это выражение сохранилось в говорах, граничащих с белорусским языком.

Белорусский язык дает очень богатый материал: *зьнячы́вілі* ‘бессознательно, опрометью’[5]; *знечи́вили* нар. выражает действие, происходящее от какого-то невольного, бессознательного побуждения, или такого обстоятельства, в котором человек, ни по своей воле, ни под влиянием чужой опрометчиво, без всякого сознания действует: «*Знечивили* кинувся в огонь», «*Знечивили* рвав на себе волосы, щипав свое цело» [6]. То же в смоленских и могилевских говорах: «*Знечи́виле* зругнулся» [7], «*Зьнячы́вілі* сырваўсь і пабег у поля» [8].

Нечи́виль ж. ‘нечаянная беда’: «Нейкая *нечивиль* случилася. Всходзилися, як перед *нечивиллю*. *Нечивиль* цебе возьми! *Зъ нечивили* и в огонь кинешься» [9].

Слово в ином словообразовательном оформлении существует в белорусском литературном языке и в говорах: *знячэ́ўку* нареч. разг. ‘неожиданно, внезапно’, *знячэ́ўку* ‘неожиданно’: «Адн’е́кул’ *з’н’аче́ўку* надышл’и́ пал’ица́йи» (гродн.) [10]; *зьне́ціўка* ‘неожиданно’: «Пывярнуўсь і *зьнеціўка* тыўкануў яго, ды такі здорува, аж стыканываліўсь з рук у таго» (могил.) [11].

Если в белорусском языке мы наблюдаем большую активность этого выражения, то в украинском оно встречается редко и практически деэтимологизировалось. *Знече́в’я* ‘неожиданно’ дает Гринченко, в другом месте своего словаря он уже пишет: *нече́вля* или *нече́в’я* ср. только с предлогом *з*: *з нечев’я* ‘из ничего’ «*З нечев’я*, а базар в степу як треба став» [12]. В современном словаре украинского языка *зніче́в’я*, *знече́в’я* ‘от нечего делать’, ‘неожиданно, вдруг’, ‘ни с того, ни с сего, без причины’ [13]. Первое значение показывает, насколько слово деэтимологизировалось.

Семантический диапазон этих связанных выражений, представленных в трех восточнославянских языках, достаточно узок: ‘беспамятство’, ‘неосознанно’, ‘нечаянная беда’, ‘неожиданно’. Значения ‘нечаянная беда’ и ‘неожиданно’ представляются вторичными, выводимыми из первых: ‘отсутствие знания, сознания’. Ср., например, *не знать* нареч. ‘неизвестно, непонятно, бог знает

---

[4] *Даль* [3] II, стб. 1407—8, 1421.
[5] *Байкоў-Некрашевіч*, с. 135.
[6] *Носович*, с. 216.
[7] *Добровольский*, с. 281.
[8] *Бялькевіч*, с. 212.
[9] *Носович*, с. 338, *Байкоў-Некрашевіч*, с. 200.
[10] *Сцяшковіч*, с. 197.
[11] *Бялькевіч*, с. 211.
[12] *Гринченко* II, с. 173, 562.
[13] Словн. укр. мови 3, с. 669.

что' (арх.) [14], *невóзнать* 'невзначай' (арх.), *ӥзнавесть*, *ӥзневесть* 'нечаянность' (псков., твер.) [15] и др.

Состояние беспамятства, потери сознания, полного или частичного, в славянских языках выражается или синтаксически или с помощью имен с приставкой *без-* или отрицанием *не-*: укр. *безпáм'ять*, *непáм'ять*, *нестя́ма*, *непритóмость*; блр. *непрытомнасць*, *няпóмнасьць*; польск. *nieprzytomnośь*, *omdlenie*, *zamroczenie*, чеш. *bezvědomí*, *zapomnětlivost*; болг. *забрава*, *несвяст*, *безсъзнание*; словен. *nezavest*, *omotica*, *omedlevica*.

В русском языке употребляются следующие слова: *беспáмятство* 'полная потеря сознания', 'исступление', *забытьё* 'неполная потеря сознания', *обморок* 'временная потеря сознания, сопровождающаяся слабостью, дурнотой', *затменье* 'временная потеря способности ориентации в среде'. Чаще всего в литературном языке употребляются синтаксические конструкции: *быть без сознания*, *без памяти*, *потерять сознание*. В говорах мы встречаем еще *зáбыть*, *забы́тица*, *забы́тище* 'забытье' (курск.) [16]. В печорских говорах: «бр'ушнóј т'иф был / ја с'емнáд'ц'ет' сýток *б'ез вн'имáн'ија* был / вы́вод'ил'ис'» [17], где *без внимания* 'без сознания', ср. *вня́ться* 'постичь, понять что-л., вникнуть во что-л.» (волог.) [18].

Мы наблюдаем отсутствие единого общеславянского слова для обозначения бессознательного состояния, большое количество местных названий разной степени древности. Обращает на себя внимание модель противопоставления: *быть в сознании* — *быть без сознания*, *быть в памяти* — *быть без памяти*, *беспамятство*, укр. *пáм'ять* — *безпам'ять*, *непам'ять*, польск. *przytomność* — *neprzytomność* и т. д. Ту же устойчивую модель, построенную на противопоставлении, мы вправе предположить и для интересующего нас слова.

Обычно слова с отрицанием *не-* противопоставлены реально существующим образованиям, но иногда они консервируют древние, архаичные, не сохранившиеся в несвязанной форме лексемы. Ср. русск. литер. *ненави́деть* — *нéнависть* при диалектном *нави́деть* 'любить', *нáвисть*, *нáвид* 'любовь', диал. *невишнóй* 'слепой', позволяющее реконструировать **вишнóй* 'зрячий' ($<$ **vistьnъjь*) и **vistь* 'зрение'; *некошнóй* 'слабый, болезненный и некрасивый, безобразный, неудачливый', что позволяет восстановить для русского языка **кошнóй* 'здоровый, красивый, добрый, удачливый' (ср. *рóскошь*, польск. *kochać* 'любить' и русск. арх. «Не порато *кошнá* была девка-то» [19]); *недоровóй* 'предвещающий беду, несущий в себе зло': «Ой, ч'ивóй-тъ н'ьдъравóйь, пожар случи́лс'и у м'ин'á»

---

[14] *Подвысоцкий*, с. 100.
[15] Доп. к Опыту, с. 72.
[16] *Филин*, 9, с. 288.
[17] Картотека Печорского областного словаря.
[18] *Филин*, 4, с. 324.
[19] *Даль* [3] II, стлб. 469.

(ряз.)[20], что позволяет считать реальной лексему **доровóй* 'благополучный, хороший' (ср. **sъdorvъ*), *неотбóйчивый* 'плохо прибывающий в весе при откорме' (урал.)[21], дающее возможность говорить о праслав. **obtyjьčivъjъ* 'хорошо прибывающий в весе'. Интересующее нас слово *нецевенье* относится к этой же категории слов.

Наибольшие трудности представляет собою формальная реконструкция слова, так как перед нами архаичная лексема, сохранившаяся в связанной форме и подвергшаяся процессу деэтимологизации. Мы имеем следующие слова и выражения: русск. *нецывенье*, *нецевенье*, *нецевелье*, *внецéвелье*, *внецéвельи*, *внечúвелях*, *нечúвель*, *нецывéль*, *ничéвли*, блр. *зьнячы́вілі*,*нечúвіль*, *знячэ́ўку*, *зьнéціўка*, укр. *знічéв'я*, *знечéв'я*, *знечéвля*. Устранив варианты и производные формы, мы получим следующие образования: *нецевенье*, *нецевелье* / *нечéвель*, *нечúвель* /*нецы́вель*, *нечéвок*. Существование процесса перехода *ч* > *ц* в некоторых позициях в белорусском языке и смежных русских говорах (ср. *цистый*, *цистюць*, *цур* и др.) дает нам возможность считать исконным корневым согласным звук *ч*. Колебания корневого гласного могут быть как исконными, так и результатом деэтимологизации. Принимая условную реконструкцию, мы восстанавливаем праславянские лексемы: **nečevenьje*, **nečevelь*, **nečevъkъ* 'беспамятство', что, учитывая описанную выше модель, дает возможность восстановить праславянские **čevenьje*, **čevelь*, **čevъkъ* 'сознание, память'.

Вопрос о корневом гласном остается открытым. Праславянский глагол **čuti*, *čujǫ*, по-видимому, имел более древний инфинитив в виде **čьvati*, *čujǫ*[22], ср. ст.-слав. уѵьвениѥ sensus dubius «аще избоудеть се, не имаши оучвениꙗ приѥти» (Homiliae variorum XIII в.)[23], с.-хорв. *čvéńe* auditio (XV в.) < **čьvenьje*[24].

В белорусском языке мы находим еще один интересный диалектизм *нéчвіць* 'прожора': «От дзе *нечвіць*, ік ня ў сібе есьць ды есьць»[25]. Мне представляется, что значение слова здесь передано неверно, *нечвіць* не 'обжора', а 'невежа', тот, кто «ік ня ў сібе». Слово может быть реконструировано как **ne-čьv-etь* с нулевой огласовкой в корне.

Заманчиво увидеть формальное совпадение с.-хорв. *čvéńe* и русск. *нецевенье*, но смущает то, что ни в одном примере мы не имеем утраты корневого гласного. Напрашивается вывод, что корневым гласным было *е*. На территории того же белорусского языка сохранился глагол *чóвіць* 'бдеть' < праслав. **čevěti* или **čeviti*: «Блр. слово документирует реальность праслав. **čeviti*,

---

[20] Деулинский словарь, с. 334.
[21] Сл. Сред. Урала II, с. 202.
[22] Słownik prasłowiański II, c. 296—297.
[23] *Miklosich* LP, c. 1081.
[24] RJA II, c. 120; S k o k I, s. 344.
[25] *Шатэрнік*, с. 177.

которое, будучи праслав. диалектизмом очень ограниченного распространения, носит вместе с тем черты большой древности и самобытности, т. к. является продолжением первичного глагольного и.-е. *keu̯-ei̯- (или keu̯-ē-), тогда как в других и.-е. яз. находим kou̯-ei̯-. . .» [26]

Наличие слова *нецевенье* только в памятниках XVI—XVII вв., сохранение этого слова в говорах сопредельных с белорусским языком и переживших в определенный период много общих лингвистических процессов, наличие именно в белорусском производящего глагола, — все это позволяет считать именно белорусский язык источником рассмотренных выше лексем. Таким образом, белорусский глагол *чöвiць* представляется не изолированным, а производящей основой для большого количества производных форм: *čevěti* → *čevěnьje*, *čevelь*, *čevъkъ*.

хорь

В архангельских говорах и в русских говорах Карелии записано слово *хорь* 'моль': «Погл'ен' / *хор'* н'е прийела л'и / мол'-та». В псковских говорах *хорёк* 'жучок, точащий дерево» [27].

Перед нами слово, не нашедшие себе места в научной литературе, а между тем представляющее определенный интерес.

Насекомое Tinca во всех славянских языках имеет единое наименование **molь*. Это имя, образованное от глагола **melti* 'дробить, растирать, размельчать', давно деэтимологизировалось, но, тем не менее, устойчиво сохраняется во всех современных славянских языках.

Но одновременно существовали и существуют вторичные названия, восстанавливающие этимон: с.-хорв. *грӥзлица* 'моль', русск. диал. *ша́шель* 'моль' и др.

По-видимому, таким вторичным и местным было название моли, представленное только в русском языке: *корь* и *скорь*. Территория распространения слова *корь* — Вологодская и Рязанская области и говоры вторичного заселения, а слова *скорь* — Белозерье.

Корь 'моль', 'личинка моли' (ряз., волог., урал., иркут., краснояр.) [28], *скорь* 'моль' (череп.) [29].

Это древний диалектизм, имя, образованное от основы глагола, восходящей к и.-е. **sker-* 'резать'. Праславянский характер этих слов подтверждается индоевропейскими, в частности, греческими соответствиями: κόρις, -εως 'клоп' [30].

[26] ЭССЯ 4, с. 99.
[27] Картотека СТЭ; Картотека СРНГ; Картотека Псковского областного словаря.
[28] Деулинский словарь, с. 242; *Даль* [3] II, стлб. 438; Сл. Сред. Урала II, с. 52; Иркутский областной словарь, I, с. 223; Красноярский словарь, с. 93.
[29] *Герасимов*, с. 81.
[30] *Фасмер* II, с. 343—344.

Архангельско-псковский пример **хорь* 'моль' < **skorь* интересен тем, что он отражает непоследовательность, незаконченность фонетического процесса перехода *sk* > *x*. Наличие слов с единой семантикой, представленных в двух фонетических вариантах, дает нам возможность более полно понять это явление.

Несомненно, результат того же процесса мы наблюдаем в псковском [31] и олонецком *хорь* 'болезнь корь' [32]. В данном случае, **xorь* < **skorь*, как парадигматический вариант к **skora* 'шкура', образованного от той же глагольной основы **sker-* 'резать' со специфическим оттенком значения 'чесать, драть' [33].

Диалектный материал дает нам возможность реконструировать праславянский диалектизм **skorь* > **xorь* 'моль', 'болезнь корь'.

сколудина

В псковских говорах есть слово *сколуди́на* ж. 'негодная, старая лошадь' [34]. В других говорах это слово не встречается, в этимологической литературе отсутствует, а между тем, оно достаточно интересно. Со словообразовательной точки зрения это слово с единичным суффиксом *-ина*, широко представленным в псковских говорах. Исходная форма слова должна быть **сколуда* или **сколудь*. При реконструкции **skolǫdь* слово членится на корень и суффикс следующим образом **skol-ǫdь*. Имен с этим суффиксом в славянских языках немного: **želǫdь*, **želǫdъkъ* и **olbǫdь* [35]. К этой же словообразовательной группе следует отнести и восточнославянское **šelǫdь*. В «Этимологическом словаре славянских языков» дается слово **bělǫda* (болг. *belу́да* 'белая корова или овца', *белу́дка* 'белая слива', русск. *белу́ды́* 'глаза' (псков.). «Скорее всего, — пишет О. Н. Трубачев, — здесь представлено производное с древним суффиксом *-ǫd-* от прилаг. **bělъ*. Формант *-ǫd-* мы рассматриваем как вариант к *-ǫt-*, ср. *bělǫtъ*; эта вариантность должна восходить к раннему времени, к эпохе активности консонантных основ, каковыми, бесспорно, были старые причастия вроде **bělǫtъ*» [36].

Любопытно, что слово *сколудина* встречается в тех же псковских говорах, что и *белуды*.

Слова **skolǫdь* и **šelǫdь* находятся друг к другу в отношении чередования, поскольку **šelǫdь* < **xel-ǫdь* < **skel-ond-*. Оба слова образованы от глагольной основы **skel-* 'раскалывать' с вторичным развитием семантики 'чесать, драть'. Сюда же псковское

---

[31] Картотека Псковского областного словаря.
[32] *Куликовский*, с. 129, 259.
[33] *Меркулова В. А.* Народные названия болезней II. — Этимология. 1970. М., 1972, с. 171.
[34] Опыт, с. 205; *Даль* [3] IV, стб. 199.
[35] Słownik prasłowiański I, c. 63.
[36] ЭССЯ, 2, с. 76.

холудьё ʻтряпьеʼ [37] и литературное *прощелы́га* ʻоборванец, гольʼ к первичному значению ʻдратьʼ.

С точки зрения семантики слово *сколудина* тесно связано со словом *шелуди*. Не исключено, что исходным значением слова **skolǫdь* было ʻпарша, чесоткаʼ. Больное животное — слабое и негодное. Ср. устойчивый переход значений от ʻчесоточныйʼ к ʻплохой, негодныйʼ: *паршивый* ʻбольной паршойʼ → ʻплохой вообщеʼ [38].

хмыз

Географические границы слова *хмыз* — это украинский и белорусский языки, белостоцкие говоры польского и южные говоры русского языка: укр. *хмиз* м. ʻпрутья, мелкий хворост, мелкие тонкие ветви, уже отделенные от дереваʼ, ʻмелкая лесная зарослъʼ; *хмизи́на* ʻодин прут из хмызу, а иногда то же, что и хмизʼ, *хми́зний* ʻиз хмизуʼ, *хмизня́к* м. ʻмелкий кустарникʼ, *хмизува́ти* ʻбить прутом, ʻпокрывать хмызомʼ [39]; блр. *хмызьняк* ʻкустарникʼ, *хмызнiк* то же [40], фамилия *Хмыз*; русск. *хмыз* ʻмелкий кустарникʼ (кур., смол.), *хмы́зник* ʻмолодой лес, кустарникʼ (смол., брян.) [41], *хмыз* ʻхворост, хворостник, кустарник, мелкая поросль, молодежникʼ (юж., зап., калуж.) [42]; *хмыз* ʻсухие мелкие сучья, хвоя, листьяʼ (подмоск.) [43]; польск. *chmyz* ʻzielskoʼ, *chmyzy* ʻniskie, karłowate krzaki» [44].

Итак, основные значения слова *хмыз* — ʻхворостʼ и ʻмелкий кустарникʼ.

Этимология слова *хмыз* определяется словообразовательным анализом. Какую часть слова следует выделить как корневую? Это же определяет и реконструкцию. Г. А. Ильинский реконструировал слово как **хъm-yzъ*, где **хъm-* звукоподражательный корень, а *-yz-* суффикс, удлинение *-ъz-* [45].

М. Фасмера не удовлетворили этимологии Ильинского и Петерссона (последний сравнивал *хмыз* с др.-инд. *kṣuma* ж.), он считает слово неясным [46].

Между тем, этимология Ильинского вполне реальна (ср. укр. полт. *хамло́* ʻмелкие веточки, срубленные с дереваʼ), что не исключает возможности иной интерпретации данного слова.

---

[37] Картотека Псковского областного словаря.
[38] *Меркулова В. А.* Народные названия болезней. II. — Этимология. 1970, с. 154.
[39] *Гринченко* IV, с. 405.
[40] *Байкоў-Некрашэвiч*, с. 336; *Юрчанка*, с. 213.
[41] Опыт, с. 248; *Добровольский*, с. 962; Картотека словаря брянских говоров.
[42] *Даль* [3] IV, стб. 1203.
[43] *Иванова*. Подмоск., с. 528.
[44] *Budziszewska W.* Słowiańskie słownictwo dotyczące przyrody żywej. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1965, с. 313, 257.
[45] *Ильинский Г. А.* Суффикс *oz/ez/ъz* в славянских языках. — Изв. ОРЯС, XVI, 4. СПб., 1912, с. 7.
[46] *Фасмер* IV, с. 251.

Слово *хмыз* можно рассматривать как состоящее из корня *-туz-* и протезы (или префикса) *х*.

Параллельно корню *(s)туk-* в славянских языках существует корень *(s)туg-* в близком значении: русск. *смы́гать*, *шмы́гать* 'дергать, драть' (переносно 'бегать, суетиться'). См. *смы́гать* 'шмыгать носом при насморке' (яросл.) [47] =*дергать носом*; *смы́гать* 'часто ходить из двери в дверь' (нижег., тамб.); *шмы́гать* 'тереть, протирать', 'быстро двигать чем-н., шаркать, тереть', *смы́гаться* 'заботиться, стараться' [48]; *смы́гнуть* 'неожиданно ударить' (яросл.) [49] (ср. *смуга* 'полоса', может быть, первоначально 'след от удара'); *перемы́га* 'верхняя часть окна' (урал.) [50] (ср. *перемычка*). Этот же корень *-туg-* представлен в качестве второй части сложений: *босомы́га* 'тот, кто бродит босой', *голомы́га* 'праздный шатун, бездельник', *халамы́га* 'кто задевает за всякие вещи' (псков.) [51], *шаламы́га* 'запосчивый, капризный' (псков.) [52], сюда же, по-видимому, *шаромы́га* 'колоброд, кто бродит вокруг' [53]; *шмы́жить* 'обдирать (о почках, листьях)' (краснояр.) [54].

Параллельно корню *-туg-* и его усилению *-туzg-* в славянских языках [55] представлен и корень *-туz-* с тем же значением 'драть'. Ср. *мыз* 'зарубка на конце бревна', *мы́знуть* 'сбежать, убежать', 'украсть' [56], *мы́знуть* 'броситься, быстро убежать' (арх.) [57]; *каламы́зить* 'проказничать' (урал.) [58], *умы́зать* 'нерасчетливо израсходовать, растратить зря, неразумно' (перм.) [59]; особенно интересно *хмы́здать* 'шнырять между людьми, тереться в толпе', 'рвать, размочаливать, трепать', 'бегать, ходить торопливо, суетливо, но без надобности' (яросл.); *хмы́зник* 'проходимец' (брян.) [60].

По-видимому, сюда же *нехомозный* 'неряшливый, нечистоплотный' (дон.) [61], что предполагает существование несохранившегося прилагательного **хомозный* 'аккуратный, чистоплотный' из предполагаемого **хо-тъz-ьп-ъјь* < **sko-тъz-* к первичному значению 'драть' [62]. Ср. чеш. диал. *komzit'* 'рвать, драть (о платье)'; болг.

---

[47] *Мельниченко*, с. 188.
[48] Опыт, с. 208.
[49] *Мельниченко*, с. 188.
[50] Сл. Сред. Урала III (рукопись).
[51] *Даль* [3] IV, стлб. 1162.
[52] Картотека СРНГ.
[53] Наличие слов *босомыга*, *халамыга*, *шаламыга* делает французскую этимологию слова *шаромыга* < *cher ami*(*Фасмер* IV, 411) менее вероятной.
[54] Красноярский словарь, с. 223.
[55] Подробно об этом корне: *Куркина Л. В.* Славянские этимологии. II. — Этимология. 1972, М., 1974, с. 68.
[56] Сл. Средн. Урала II, с. 149.
[57] Картотека СТЭ.
[58] Картотека СРНГ.
[59] Соликам. словарь, с. 652.
[60] *Мельниченко*, с. 210; Картотека словаря брянских говоров.
[61] Донской словарь, 2, с. 185.
[62] О развитии значений 'драть' → 'чистить' см.: *Меркулова В. А.* Украинские этимологии. II. — Этимология. 1972. М., 1974, с. 66—67.

диал. *му̀зам* 'обрывать листья, обдирать зерна, стирать, растирать' [63].

Таким образом, существование корня *-myz-* в славянских языках представляется реальностью.

Что касается начального *x*, то его происхождение может быть трояким: а) экспрессивное изменение *s* → *x*; б) развитие протезы — задненебный перед плавным (ср. *гмур*, *гмыр* и др.) [64]; в) префикс *x*, параллельный префиксам *ха-*, *хо-* < *sko-*.

Признать *x* результатом экспрессивного изменения мы вряд ли можем, потому что далеко не все лексемы носят экспрессивный характер.

Объяснение появления *x* фонетическим процессом представляется более обоснованным. Процесс появления гласной протезы перед плавными является актуальным для русских говоров. Задненебный перед сонантами — это процесс, имеющий длительную историю. Ср. такие примеры, как *гмур — хмур — смур — мур* с полным совпадением семантики.

Вопрос о возможности истолкования *x* как префикса тоже остается открытым. Ср. такие примеры, как *ухмыляться — умыляться* (твер., печор.) — *оскомы́ливаться* (твер., олон.). Активность появления префикса *sko-* подтверждается таким поздним примером, как *оскомы́лок* 'обмылок' (твер.)

Материал нуждается еще в серьезном исследовании.

В слове **xmyzъ* я склоняюсь к то́му, чтобы рассматривать *x* как префикс. Доказательством этого может служить чеш. *hатиz* 'Jasione montana, букашник', где мы находим префикс *ха-* и рассмотренное выше *нехомозный*.

Относительно семантики слова *хмыз* нужно заметить следующее: названия хвороста определяются двумя признаками; это или сухие ветки, которые обламываются ветром, или же ветки, которые отломаны, срублены, срезаны. Мелкий кустарник, молодая поросль, появляющиеся на вырубках, обычно характеризуются исключительной густотой, через него трудно пройти, он цепляется за одежду и рвет ее. Таким образом, общим признаком для слова, обозначающего одновременно 'хворост' и 'молодой кустарник' может быть только 'драть'. Ср. русск. *лом* 'хворост', *дра́ка* 'мелкий кустарник' (яросл.) [65], *чапы́га*, *чапыжник* то же; блр. *ламáчча* 'хворост', словен. *dračje* 'хворост', укр. *pізе*, *pізі* 'хворост' [66], *рунóк* 'прут, тонкий хворост' [67].

Таким образом, слово *хмыз* может быть реконструировано как **x-myz-ъ* и отнесено к корню *-myz-* 'драть, тереть' со значением 'кустарник' ← 'то, что дерет', 'хворост' ← 'то, что отодрано'.

---

[63] *Стойков С.* Лексиката на банатския говор. София, 1968, с. 144.
[64] ЭССЯ, 6, с. 161; *Петлева И. П.* К вопросу о *g*-протетическом в славянских языках. — Этимология, 1976, М., 1978, с. 51—55.
[65] *Филин* 8, с. 170.
[66] *Шило*, с. 250.
[67] *Свенцицкий*, с. 226.

верпеть

От индоевропейского корня **u̯erp-* 'вертеть, вращать' в славянских языках сохранились незначительные остатки. По-видимому, в древности это было большое этимологическое гнездо, которое постепенно утратилось; во всяком случае, об этом говорят материалы памятников, где слова с этим корнем представлены значительно богаче, чем в современных языках. В то же время этимологическая литература, посвященная словам этого корня, достаточно обширна и противоречива. Утрата значительного количества слов, затемнение семантики, делает невозможной задачу сведения в единую стройную систему современных форм и значений. Поэтому приобретают наибольшую ценность вновь найденные материалы, которые могут пролить свет на некоторые вопросы истории интересующего нас этимологического гнезда.

В современном русском языке от корня *u̯erp-* сохранились только фамилии *Воропаев*, *Воропанов*, образованные от исчезнувших прозвищ *Воропай*, *Воропан*; в б. Егорьевском у. Рязанской губ. название села *Воропино* [68], которое дает возможность восстановить прозвище *Воропа*. В современных русских говорах мы находим лишь одно слово: *вoрописчина* 'оглобля, дубина' [69] (может быть, < *vorp-išč-ina*). В белорусском языке фамилии *Варапай*, *Варапáеў* [70], топоним *Воропаи* в Минской, Могилевской и Витебской областях [71].

В белорусских диалектах *вóрапень* 'лежебок': «Ляжыць, як *ворапень*, ны пячы» [72]. У Носовича *воропай* 'слепец': «Эх ты, *воропай*!» [73] (Значение не выводится из контекста).

В польских диалектах глагол *nawropieć* 'бормотать, дуться' и имя *nawropienie*, *warpać się* 'таскаться, бродяжничать'; чеш. *vrápa*, *vrap* 'морщина', н.-луж. *ropa*, в.-луж. *(w)ropa* (в современном словаре отсутствует); в словен. *vrâpa*, *rapa* 'морщина, складка', *vrpati* 'рыть, копать'; болг. *въrpina* 'углубление, яма'; макед. *врапит* 'проворный, шустрый'; с.-хорв. *вр̏поʌити се* 'ерзать, вертеться'. Практически в каждом языке сохранилось одно изолированное слово, существующее только в диалектах. Кашубский материал привлекаться не должен, поскольку он восходит к немецкому заимствованию [74].

Исторический материал несколько богаче. В церковнославянском языке был глагол *врѣти*, *връпѫ*, *връпеши* (кого) 'обдирать, обирать': «приставници ваши *връпѧт* вы» (Is. 3, 12) [75]. Тот же

---

[68] Russ. georg. Namenbuch II, s. 198.
[69] *Филин* 5, с. 117.
[70] *Бірыла*, с. 82.
[71] Russ. geogr. Namenbuch II, с. 198.
[72] *Бялькевіч*, с. 112.
[73] *Носович*, с. 66.
[74] *Трубачев О. Н.* Ремесленная терминология в славянских языках. М., 1966, с. 136.
[75] Slovník jazyka staroslověnského, 5, с. 224.

глагол употреблялся и в древнерусских памятниках: «Не веселисѧ цвьтоуштими мира сего, ако травьныи бо ѥсть цвѣтъ, ѥлико бо имь *вьрпеши*, толико же оувѧдаѥть» (Сб. 1076 г.); «Пьрсти измꙗсти, где бы ѡбрѣлъ злато роуками *вьрпа*» (Жит. Феод. Ст. 137)[76]. В народном древнерусском языке XII в. широко употреблялось выражение *пустити наворопъ*, смысл которого можно приблизительно передать, как 'отправить передовой отряд', 'организовать стремительное наступление', 'осуществить набег', 'устремиться': «(1169)... а поиде къ Вышегороду а берендичи *пусти в наворопъ* и на болоньи ѡ Днѣпра зажгоша дворъ тысѧчкого Рвда Радиловъ...» (Ипат. л., л. 190 об.); (1170)... братꙗ же вси пожаловаша на Мьстислава. ѡже оутаивъсѧ ихъ *пусти в наворопъ*» (Ипат. л., л. 193); (1184) Рюрикъ же и Стославъ. ѿрѧдиста Володимѣра Глѣбовича *вързадиша в наворопъ* и Мьстислава Романовича а самъ Рюрикъ и Стославъ поидоста задѣ ихъ» (Ипат. л., л. 222 об.). Во всех трех текстах *наворопъ* 'передовой отряд'. (1190) Тое же зимы половци въехаша Ростиславлею дорогою, Итогды съ Акоушемь, и хотѣша *пустити наворопъ* по земли и ꙗша ꙗзыкъ во Воротцехъ, а и слышаша ѡже Стославъ стоить совокоупивсѧ от Коульдерева и тако оувернувшасѧ побегоша...» (Ипат. л., л. 232—233). Здесь значение можно передать, как 'набег'. Имя *наворопъ* было образовано от глагола *наворопити* 'набежать, напасть': (1126) *навороппивше* же врази и не въспѣвше ни въ что же положи (Ипат. л., л. 108); (1225) кнзь же Ꙗрославъ съгони ѥ на въстѣ и *навороппи* на не и так бжиѥю помочью и стыꙗ софиꙗ ѿимаша вьсь полонъ а самѣхъ избиша...» (I Новг. лет., л. 102)[77]. Имя *навороньникъ* значило 'передовой': *наворопници* же, перешедше Хоролъ, взидоша на шоломя, глядающе, кдѣ узрять ѣ (Ипат. л. 6692 г.)[78].

Вычленение имени *воропъ* неправомерно, а приписывание ему значения 'нападение, грабеж', по-видимому, определяется давлением церковнославянских примеров, где *наврапъ* προνομή 'грабеж, добыча' (Изб. 1073 г., 104); *врапѣти* 'усилиться, возмочь' : ꙗко *врапѣ* (=возможе) врагъ (Плач Иер. I. 16); *съврапѣтисѧ* 'быть теснимым, покоряться': Ессство тѣла... злостраданіемъ смиряется и *съврапѣется* (Псалт. толк. Феод. пс. CXVIII, 83 толк.)[79].

Таким образом, значения народного древнерусского слова и книжного, церковнославянского, на мой взгляд, не совпадали: др.-русск. *наворопъ* 'передовой отряд', 'набег, наступление', цслав. *наврапъ* 'грабеж, добыча'.

С XV по XVII в. в восточнославянских языках были популярны прозвища *Воропай*, *Воропанъ*. Анализ показывает, что место возникновения этих прозвищ — территория будущей Белоруссии

[76] *Срезневский* I, стлб. 462.
[77] Картотека СДР.
[78] *Срезневский* II, стлб. 271.
[79] *Срезневский* I, стлб. 313; II, стлб. 271; III, стлб. 662.

и частично Украины, во всяком случае пять прозвищ из восьми принадлежат лицам нерусского происхождения: Васюкъ *Ворыпай* Дмитріевъ сынъ Нармацкаго, помещик в городе Демоне 1495 г. Писц. II, 531; Якуш *Ворыпай*, крестьянин города Демона, 1495 г. Писц. II, 500; Федоръ Зенковичь *Воропай*, офицер, зап. 1567 г. Арх. Сб. IV, 216; Андрей *Воропай*, ревизор королевский 1594 г. Ю. З. А. I, 251; Романъ Григорьевъ *Воропай*, казак нежинский 1660 г. Ю. З. А. V, 22 [80].

Уже в качестве отчества и фамилии это прозвище встречается достаточно широко и на территории России: Ушакъ Чемодановъ сынъ *Воропановъ*, московский дворянин, 1528 г. Гр. и Дог. I, 431; Максимъ *Воропаевъ*, Торопецкий посадский. 1672 г. А. К. II, 112 и др. История анализа этого слова является историей создания научной фикции. В современной этимологической литературе существует мнение, что в русском и украинском языках слово *воропай* было постоянным эпитетом жениха и каравая [81], в белорусском языке означало слепого человека [82]. На самом деле, речь идет об интерпретации о д н о г о места из о д н о й свадебной б е л о р у с с к о й песни. Текст песни следующий:

«Пытаўсе каравай у пєрапєчы:
«Да куды сцежка да клецi?»
— «Да *караваю-вєрапаю*!
Часто у клецi бываєш
Сцежкi-дарожкi пытаєш!
Вазьми пажажок, папєрайсє,
Да у клетку дабывайсе»!

Носович, тонко чувствуя семантику белорусского слова, не совсем удачно характеризовал слово *воропай* как 'слепец', употребив последнее в образном, переносном смысле.

Уже Потебня заметил, что значение слова передано Носовичем неверно; это не помешало считать, что в белорусском языке есть слово *воропай* 'слепой человек'. Потебня, в свою очередь, разбирая текст этой песни, пишет, что слово *воропай* здесь эпитет каравая. Далее он развивает типичную для него мифологическую концепцию, что каравай — это символ быка, а бык — символ жениха, ссылаясь на древнеиндийский и латинский материал [83]. Исходя из того, что Потебня обычно рассматривал русский и украинский материал, возникает впечатление, что он говорит о русском и украинском *воропай* — постоянном эпитете жениха и каравая.

На самом деле, в русском языке этого слова нет, в украинском употреблялось слово *воропай*, но явно не как эпитет жениха. Гринченко приводит следующий текст песни:

---

[80] *Тупиков*, с. 152.
[81] *Фасмер* I, с. 354.
[82] *Бiрыла*, с. 82.
[83] *Потебня А*. Этимологические заметки. — РФВ, IV. СПб., 1880, с. 165—166.

«Чоловіче-*воропаю*,
де ж я тебе поховаю?
Заховаю під вербою,
Чим накрию? Пеленою.
Заховаю на могилі,
Щоб по тобі вовки вили» [84].

Гринченко не раскрывает значения слова *воропай*, и это правильно. Использование слова *воропай* и в той и в другой песне в качестве эпитета (в первой — рифмованного) не дает возможности для точной интерпретации его семантики. Нужен дополнительный материал [85]. Любопытным в этом смысле является слово *варапанік*, записанное в украинском Полесье, 'хлеб, выпеченный из смешанной недоброкачественной, обычно разных сортов муки' [86] и укр. диал. *воропай* 'ворчун'.

В этимологической литературе освещена лишь часть материала. Потебня рассматривает это этимологическое гнездо достаточно путанно, сопоставляя часть с балтийской, часть с германской лексикой [87].

Махек, исходя из чеш. *vrap* 'морщина', разбирает слова только с этим значением, выводит их из праслав. **vorpъ* и сравнивает с нем. *sich werfen*, англ. *to warp* [88].

Покорный в статье **u̯erp-* приводит только др.-русск. *вьрпсти* и с сомнением чеш. *vrap* 'морщина' [89].

Фасмер в статье о др.-русск. *воропъ* сближает его с греч. ῥέπω < *vrepō* 'качаюсь, склоняюсь, перевешиваю', ῥόπαλον 'палица, дубинка, булава', лат. *repens* 'внезапный, неожиданный'. Он отвергает сравнение с гот. *wairpan* 'бросать' и с лит. *ver̃pti* 'прясть', в то же время др.-русск. *вьрпсти* связывает с литовским глаголом, но сопоставление Потебни слав. *воропай* — лит. *verpėjas* 'прядильщик' считает неудовлетворительным [90].

Ф. Безлай вводит в научный обиход словен. *vrpati* 'рыть, копать', болг. *vъrpina* и большое количество топонимического материала [91], часть которого (восточнославянская) кажется скорее балтийского, а не славянского происхождения.

Я уже говорила о том, что новый диалектный материал может много дать для уяснения истории данного этимологического гнезда. В архангельских говорах русского языка сохранился глагол

---

[84] *Гринченко* I, с. 255.
[85] Ср. у И. С. Тургенева в романе «Рудин» слова «грае, грае, **воропае»**, **как** пример псевдоукраинского текста.
[86] *Лисенко П. С.* Словник поліських говорів. Київ, 1974, с. 39.
[87] *Потебня*. Указ. соч., с. 161—167.
[88] *Machek* [2], с. 698.
[89] *Pokorny*, s. 1156.
[90] *Фасмер* I, с. 354, 300.
[91] *Безлай Ф.* Опыт работы над словенским этимологическим словарем. — ВЯ, 1967, № 4, с. 52; *Bezlaj F.* Novejša dognanja v slovenski toponomastiki. — Dok. V. Seminar slovenskega jezika, literature in kulture. Ljubljana, 1969, s. 8—9.

верпе́ть ʽкипеть’ [92]. Этот глагол замечателен тем, что он полностью соответствует литовскому *virpėti* ʽколебаться, дрожать, трепетать’. Он делает несомненной связь балтийского и славянского материалов, их происхождение от и.-е. **u̯erp-* ʽвращать’, и показывает, что развитие этого этимологического гнезда в славянском носило совершенно независимый и оригинальный характер. В балтийском продолжения этого индоевропейского корня были включены в текстильную терминологию, ср. лит. *verpalai* ʽпряжа’, *verpimas* ʽпрядение, пряжа’, *ver̃pti* ʽпрясть’, *varpstė* ʽверетено’ [93]. В то же время есть возможность вскрыть первичное значение ʽвращать, крутить, колебать’, ср. *verpetas* ʽводоворот, пучина, вихрь’, *virpulys* ʽдрожь’ и приведенный выше глагол *virpėti* ʽколебаться, дрожать, трепетать’.

Глагол *верпе́ть* ʽкипеть’ отражает древнее значение, образованное от значения ʽвертеть, крутить’, ср. **vьrěti* ʽкипеть’.

От значения кипения развивается вторичное значение быстрого стремительного движения. Ср. болг. *върл* ʽкрутой’, ʽбыстрый’, ʽзлой’ [94] и соотношение двух праславянских глаголов **kypěti* ʽкипеть’ и **kvapiti* ʽспешить, торопиться’, ʽпосягать, покушаться’ (польск. *kwapić się* ʽторопиться, спешить’, блр. *квапіцца* ʽзариться, посягать, покушаться’, ср. еще болг. *закипетя се* ʽстараться, силиться’). Эта аналогия дает нам возможность понять значение макед. *врапит* ʽпроворный, шустрый’ и др.-русск. *наворопъ* ʽстремительное наступление, набег’, ʽпередовой отряд’. Значение болгарского глагола *закипетя се* ʽстараться, силиться’ помогает понять семантику цслав. *врапѣти* ʽусилиться, возмочь’.

На праславянском уровне мы вправе восстановить следующие формы **verpti* ʽрвать’, **vьrpěti* ʽкипеть’, **vorpъ*, **vorpa* ʽморщина, складка’, ʽбыстрое движение’, **vorpiti* **navorpiti* ʽнабежать, напасть’. Остальные образования могут быть более поздними, возникшими уже в рамках отдельных славянских языков.

Укр. диал. *воропай* ʽворчун’ связано с польск. *nawropieć* ʽдуться, сердиться’. Эпитет каравая может указывать на характер самого хлеба. Ср. второе название каравая в брянских говорах — *верч* [95]. В основе лежит значение ʽмесить, вращать, крутить’ → ʽукрашать’.

Стоит обратить внимание на суффиксальную вариантность: **vorp-ajь* / **vorp-апъ* при **korv-ajь* ʽсвадебный хлеб’ / **korv-апъ* ʽполено’. Вряд ли это совпадение случайно.

Анализ семантики этих слов требует дополнительного материала.

---

[92] Картотека СТЭ.
[93] См. подробно: *Трубачев О. Н.* Ремесленная терминология в славянских языках. М., 1966, с. 91.
[94] БЕР I, с. 211.
[95] *Расторгуев*, с. 64.

Т. В. Горячева

ЗАМЕТКИ ПО ЭТИМОЛОГИИ РУССКИХ НАРОДНЫХ МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ

хумячиться

В русских говорах есть интересный глагол *хумячиться* новгор. 'становиться пасмурным' [1], *нахумя́чить* безл. курск. 'сделаться пасмурным, найти облакам' «Ух, как нахумячило, хоть свечку зажигай!» [2], *нахомячить* ворон. Говорится о небе, когда оно покрывается облаками [3], *захомячить* безл. сов. экспресс. деулин. 'покрыться тучами' [4]. Ср. также польск. *chamęcić się* 'покрываться тучами, хмуриться'[5]. Потебня, этимологизируя *хумячиться*, расчленял его как *хум-ячиться* и сравнивал с укр. *сум* 'скорбь, печаль', *сум-увати* 'горевать' (при $x < s$) [6]. Фасмер, считая это сравнение ошибочным, объяснял *хумячиться* как производное от *хомяк* [7] (вслед за Далем [8]), что кажется нам сомнительным.

Хумячиться 'становиться пасмурным' не изолировано в русской (и даже восточно- и западнославянской) лексике: ср. *мяча* 'слякоть, зимняя полудождливая погода' твер. осташк.[9], *мяц*, *мяч* то же [10], блр. *мя́ча* 'оттепель после только что выпавшего небольшого снега' «У мячу добра хадзіць на ахвоту: у лесі багата сьлядоў» [11], *отмяча* смол. 'оттепель': «отмяча: снех хрунить» [12], польск. диал. *miącz* 'оттепель' [13], *odmięcz* то же [14], словен. *odmięka* 'оттепель' [15].

Представляется возможным также генетическое отождествление *хумячиться* 'становиться пасмурным, покрываться тучами'

---

[1] *Даль*³ IV, стлб. 1219; Опыт, с. 251.
[2] Опыт, с. 125.
[3] Дополнение к Опыту, с. 326.
[4] Деулинский словарь, с. 195.
[5] Варшавский словарь, с. 270.
[6] *Потебня А.* Этимологические заметки. — РФВ, 4, 1880, с. 205.
[7] *Фасмер* IV, с. 284.
[8] *Даль*³ IV, стлб. 1219.
[9] Дополнение к Опыту, с. 122.
[10] *Даль*³ II, стлб. 980.
[11] *Гайдукевіч І. М.* Некалькі слоў з мясцовай гаворкі. — В кн.: Народнае слова, Мінск, 1976, с. 70.
[12] *Добровольский*, с. 558.
[13] Варшавский словарь, VII, с. 555.
[14] *Kupiszewski W.* Słownictwo meteorologiczne w gwarach i historii języka polskiego. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1969, с. 109.
[15] *Хостник*, с. 164.

и *хомячить*, *хумячить* псков. твер. 'мять, тискать' [16]. *Хо(у)мячить(ся)* 'бить, тискать', 'становиться пасмурным' может быть реконструировано как **хо-męčiti (sę)*, ср. ст.-чеш. *měčiti*, *-ču*, *-čiš* (< **męčiti*) 'поколотить, избить' [17]; сюда же можно отнести и блр. *кумячыць* 'бить' (< **ku-męčiti*) [18].

Таким образом, я присоединяю глагол *хумячиться* 'становиться пасмурным', 'мять, тискать' к *мяч* 'дождливая погода', которое уже Фасмер (вслед за Петерссоном) относил к *мягкий* (и далее к **męti*) наряду с польск. *zmięk* 'оттепель' [19]. Ср. *мягкая погода* зимой 'теплая' [20], а также, например, *замяться* псков. 'стать теплее, от мороза перейти к оттепели (о погоде)' [21]; *обтиснуться* Говоря о погоде: Из морозной обратиться в теплую [22].

Реконструируемое слав. **męčiti* 'бить' структурно сопоставимо с лит. *mìnkyti*, *mánkyti* 'мять мягкую массу', 'утрамбовывать, комкать, мять, разламывать', лтш. *mîcît* 'мять, топтать' [23].

В качестве семантической параллели к предлагаемой этимологии праслав. **męča* 'дождливая погода, слякоть' (к **mękъkъjъ* и далее к **męti*) можно привести и образования от глагола **žęti*, **žьmǫ*: *жмучь* арханг. 'сырая, пасмурная, туманная погода' [24], *жмучь* арханг. волог. 'мелкий дождик' [25], волог. *жмычка* то же [26]. Приводимое Далем с вопросом и не рассматривавшееся в этимологической литературе *мяча*? ж. 'разбитые снопы, кои при садке расстилаются поверху' [27] также можно реконструировать как **męča* и возвести к **męčiti* 'бить, толочь'.

В заключение следует привести также примеры с приставкой **хо-*, которых немного в славянской лексике. Ср. польск. *chomarzyć*, *-y*, *-ył* (< **xo-mariti*) 'грезить во сне, бредить' [28] при *marzyć -y*, *-ył* 'иметь во сне видения, мечтать во сне, сниться' [29], кашуб.-словин. *χomudni*, прил. 'пасмурный, мглистый, безсолнечный', *χomudno* 'пасмурно, мглисто' [30] (< **xo-mudьnъjь*, **xo-mudьno*), ср. кашуб.-словин. *muʒёс*, *muʒi* 'тратить, проводить (убивать время)' [31].

[16] *Даль*³ IV, стлб. 1219.
[17] Gebauer II, с. 329. — Представляется, что несмотря на семантическую близость следует отделять от рассматриваемой группы слов чеш. *chomač*, которое возводится в конечном счете к *ком*. См. Machek ², с. 202.
[18] *Расторгуев П. А.* Северско-белорусский говор. Исследование в области диалектологии и истории белорусских говоров. Л., 1927, с. 146.
[19] *Фасмер* III, с. 52.
[20] *Даль*³ II, стлб. 974.
[21] *Филин* 10, с. 272.
[22] Дополнение к Опыту, с. 153.
[23] *Fraenkel*, S. 454.
[24] *Даль*³ I, стлб. 1315.
[25] *Филин* 9, с. 207.
[26] Там же, с. 208.
[27] *Даль*³ II, стлб. 780.
[28] Варшавский словарь I, с. 291.
[29] Там же, II, с. 892.
[30] *Sychta* II, с. 47.
[31] *Sychta* III, с. 134.

хороветь

Глагол известен в приставочном образовании (с приставкой *за-*): *захороветь, -е́ет* буйск. костр. сов., неперех., безл. 'покрыться инеем при сильном охлаждении пара или влажного воздуха': «Над дверью-ту вон как захоровело» [32], *захараве́ть, -ею, -еешь* волог. сов. неперех. 'покрыться инеем', также *захароветь, -еет*, сов. неперех. 'затвердеть': «Ночью был легкий морозец, грязь на дороге захаровела» [33]. Глагол *заха(о)роветь* известен только в русском языке в этимологической литературе еще не рассматривался. Наличие образований типа олон. *зашубеветь* 'покрыться инеем; льдом' [34] позволяет предположить существование семантической модели: 'покрываться корой, коркой жесткой, шершавой (возможно, шкурой)' > 'покрываться инеем'.

Исходя из этой возможной семантической модели можно связать *хороветь* 'покрываться инеем' с представленным только в русских говорах *хо(а)ро(а)вина* в следующих значениях: волог. 'кожа, шкура' [35], арханг. 'снятая с морского зверя шкура с салом' [36], 'моржовая шкура' [37], 'высушенная кожа, снятая с морского зверя, без сала' [38], ряз. касим. 'шкура, невыделанная кожа' [39], новгор. 'женская верхняя одежда' [40], соликам. 'предмет женской одежды, обычно не очень хорошей' [41], волог. 'тощая скотина', 'падаль, павшая скотина' [42], арханг. 'плохое, гнилое дерево', 'упавшее в реку дерево', 'коряга (негодная)' [43], новгор. 'болезненный человек, кляча' [44], вят. уржум. 'тощий, некрасивый' [45], др.-русск. *хоровина* 'кожа, шкура' «. . .крестьянин Тимошка Ежов дѣлал в монастырь быковыя четыре хоровины дано от дѣла четырнотцать алтынъ». Расх. Бог. М. 80 [46].

Только в новгородских (череповецких) говорах записано *хоровина* в значении 'теща' [47], *хоровинное воскресенье* 'Первое воскресение великого поста. В этот день зятья везут тещ в гости' [48], а также новгор. *харави́на* 'пир в первое воскресенье великого

---

[32] *Филин* 11, с. 161.
[33] Там же, с. 143.
[34] Там же, с. 193.
[35] Опыт, с. 245.
[36] *Подвысоцкий*, с. 182.
[37] *Даль*[3] IV, стлб. 1167.
[38] Опыт, с. 249—250.
[39] Там же.
[40] Опыт, с. 245.
[41] Соликамский словарь, с. 661.
[42] Опыт, с. 245.
[43] Картотека СТЭ.
[44] Картотека Новгородского ГПИ.
[45] *Магницкий*. Уржум., с. 67.
[46] *Картотека* ДРС.
[47] *Герасимов*, с. 92.
[48] Там же.

поста, на который молодой зять привозит свою тещу, где она и сама получает название харавины'[49].

Вот что пишет Герасимов о хоровинном воскресенье: «Так называется первое воскресение великого поста. Происходит это название от местного слова хоровина, т. е. теща. В этот день зятья едут за тещами и везут их к себе в гости. При проезде по деревням их встречают толпы подростков-мальчишек, с грудами веников, и начинают с криками хлестать их вениками и бросать снегом. . . Конечно, некоторые проезжающие пары и не представляют вышеупомянутого родства, но мальчишки стараются в каждой паре видеть тещу и шумят немилосердно, таков уж обычай. Взрослые же не останавливают детей и стоят, посмеиваясь около домов. Очевидно, тещи не пользуются особенным почетом. Этот обычай наблюдается в северной части уезда, в Петриневской волости и др.»[50]

Даль пишет, что тещу зовут шуточно *хоровиной*[51]; однако вторичность названия тещи по отношению к названию шкуры, вероятно, иного происхождения, а, именно, связана с каким-то определенным свадебным обрядом, где фигурировала шкура, на которую сажали молодых[52].

Фасмер дает следующую этимологию *хорови́на* 'теща', 'невыделанная шкура': возможно, родственно др.-инд. *khā́ras* 'твердый, грубый', греч *χαρχαρος* 'острый' или герм. **harwa-*, ср.-в.-нем. *häre*, *härwer* 'терпкий', *hare*, *harwer* то же[53].

Относительно происхождения др.-инд. *khā́rah*, греч. *χάρχαρος* нет единого мнения, их относят к н.-перс. *ḫar*, *ḫārā* 'скала, шип, колючка', тох. А *tsär* 'шершавый'[54], и в то же время высказываются опасения, не из дравидского ли источника оба эти слова[55].

Что касается герм. **harwa*, ср.-в.-нем. *hare*, *harwer* 'терпкий', то Покорный пишет о возможности возведения этих лексем к и.-е. **(s)ker-* (без *s*-mobile)[56].

Родственное, по мнению Фасмера, германскому **harwa*, ср.-в.-нем. *häre*, *härwer* 'терпкий', праслав. **xorvina* 'шкура, падаль, негодная коряга' также может быть возведено к и.-е. **(s)ker-* 'резать' (если принять, что начальное $x < sk$), с расширителем *u̯*; на это указывают и значения слова: 'кожа, шкура'. Связь значений 'кожа, шкура' — 'плохой, гнилой, болезненный, старый' также вполне закономерна, ср. в качестве семантической парал-

---

[49] Дополнение к Опыту, с. 289.

[50] *Герасимов М. К.* Некоторые обычаи крестьян Череповецкого уезда. — Этнографическое обозрение, 1894, № 1, с. 123.

[51] *Даль*[3] IV, стлб. 1220.

[52] См. о роли шкуры в свадебных обрядах славян у Л. Нидерле (Славянские древности. М., 1956, с. 187).

[53] *Фасмер* IV, с. 264.

[54] *Mayrhofer* 5, S. 302.

[55] *Mayrhofer* 3, S. 170.

[56] *Pokorny*, S. 940.

лели лат. *scorteus, a, um* 'сделанный из шкуры, заскорузлый, состарившийся' [57].

Влад. *харавьё* 'старый хлам' [58] (еще не этимологизировавшееся) может быть реконструировано как **xorvьje*, отнесено к праслав. **xorvina* и далее также к и.-е. **(s)ker-u̯*. К рассматриваемому гнезду относится также и **xorvěti* 'покрываться инеем, твердеть'.

быша?

Только в архангельских говорах Далем зафиксировано *бышá*? (со знаком вопроса к форме и значению) 'солнечные лучи из-за тучи; свет солнца лучами из-за кучевых облаков'? [59] Слово дается им также как синоним к *гралица* арханг. 'отражение на море солнечного и лунного света столбом' [60].

Бышá еще не привлекало внимания этимологов; слово, на наш взгляд (если учесть, что оно дается с вопросом к форме и значению), может иметь два объяснения: 1) если *бышá* — скрытый источник света (лучи из-за облаков), то оно может быть связано с болг. диал. *бъшḙ се* 'скрываю, лгу' [61], *бъ́шим* 'соблюдаю тайну, скрываю' [62], *бъшé* 'скрываю истину, лгу' [63], *бъ́шим* 'скрываю кого-либо или что-либо посредством умолчания или отрицания' [64], *зàбаша — бàшиш* св. 'скрываю, извращая или утаивая что-либо посредством лжи' [65], *забаш̯àвам* 'скрываю, замалчиваю что-либо умышленно' [66], *зъбъшàам* несв., *зъбъшѐ* 'скрываю с целью присвоения, лгу, ввожу в заблуждение, не говорю истины' [67], макед. диал. *бъши* 'молчать, не сознаваться' [68]. Эти глаголы восходят к праслав. **bъšiti*, глаголу на *-iti* от основы **bъšь*, **bъx-*, **bux-*, в конечном счете звукоподражательного происхождения. (Сюда же, возможно, «недостаточно ясное рус. диал. *башить* 'лгать, врать'») [69].

Если же воспринимать *быша* как солнечный свет, прорывающийся из-за облаков раходящимися в разных направлениях лучами, и принять во внимание то обстоятельство, что Даль поместил *быша* как синоним к *гралица* 'отражение лунного света

---

57 *Дворецкий И. Х.* Латинско-русский словарь, изд. 2-е. М., 1976, с. 907.
58 Картотека СРНГ.
59 *Даль* [3] I, стлб. 369.
60 Там же, стлб. 963.
61 *Горов Г.* Странджанският говор. — БД I, София, 1962, с. 71.
62 *Гълъбов Л.* Говорът на с. Доброславци, Софийско. — БД II, София, 1963, с. 72.
63 *Петков Петко Ив.* Еленски речник. — БД VII, София, 1974, с. 18.
64 *Божкова З.* Принос към речника на Софийския говор. — БД I, София, 1962, с. 243.
65 *Илчев Ст.* Към ботевградската лексика. — БД I, София, 1962, с. 191.
66 *Горов Г.* Странджанският говор. — БД I, София, 1962, с. 84.
67 *Петков Петко Ив.* Еленски речник. — БД VII. София, 1974, с. 47.
68 *Видоески Б.* Кумановскиот говор. Институт за македонски јазик. Посебни изданија кн. 3. Скопје, 1962, с. 254.
69 ЭССЯ 4, с. 139.

на море с т о л б о м', то у слова может быть иное этимологическое объяснение: *бышá* можно связать тогда с с.-хорв. *bûhnuti* 'разгореться в одном направлении большим пламенем' [70], словен. *bûh* 'звук удара', 'пламя, вырывающееся из печи', 'толчок' [71], укр. *бухтíти*, *тíю* 'пылать, вспыхивать [72], словен. *buhtáti*, *âm* 'прорываться: *plamen buhta*, пылает' [73], которые восходят в конечном счете к звукоподражательной основе **bux-/*bъx-* [74], вероятно к той же, что и **bъšiti*.

засполаживать

Глагол *засполаживать* записан в липецких (тамбовских) говорах — о появлении небольших дождевых облаков: «На небе-то засполаживает, как бы завтра дождек не был») [75].

Если слово не восходит к *ложи́ть* 'класть' (ср. *закладывает* смол. неперех. безл. 'Становиться пасмурно, собираются тучи'. «Закладывает — будет дождь») [76], то его можно связать с рус. диал. сиб. *споло́диться* 'сливаться в глазах' [77] (*не споло́диться* 'не сливаться' [78]).

На основании *сполодиться* 'сливаться в глазах' можно реконструировать праслав. **polditi* (*sę*) 'лить(ся)', родственное лит. *pìldinti* 'позволять, лить, сыпать, наполнять', *pìldyti*, *pildinéti* 'наполнять', латыш. *peldêtiês* 'купаться', *peldinât* 'то же', 'плавать' : *pildinât* (< **pl̥d-*), греч. πλάδος 'влага, гниль', πλαδαρός 'влажный', πλαδαω,-ᾶν 'быть мокрым' и восходящее к и.-е. **pel-* 'лить, наполнять' [79].

С праслав. **polditi* связано весьма далеко отошедшее от него с точки зрения семантики образование рус. *полода* 'uterus', «архаическое имя, восходящее к тому же и.-е. корню **pel-* 'наполнять', 'рождать', что и праслав. **plodъ*» [80].

Относительно семантического перехода 'лить' 'заливать' → 'покрываться облаками', ср. *на небе замывает* безл. 'замолаживает, заволакивает' [81].

---

[70] RJA I, с. 718.
[71] *Pleteršnik* I, с. 70.
[72] *Гринченко* I, с. 118.
[73] *Pleteršnik* I, S. 70.
[74] ЭССЯ 3, с. 80—82.
[75] *Филин* 11, с. 53.
[76] *Филин* 10, с. 129.
[77] *Гриб*, с. 201.
[78] Там же, с. 191.
[79] *Pokorny*, S. 800—801; *Fraenkel*, S. 592.
[80] *Варбот Ж. Ж.* Заметки по этимологии русской диалектной лексики (на материале словаря д. Деулино) — В кн.: Диалектологические исследования по русскому языку. М., 1977, с. 262.
[81] *Даль* [3] I, стлб. 1515.

áбодье ?

Рус. диал. архангл. *áбодье*? 'красный день и удача на лову', противоп. 'безгодье, безвременье'; *абодная*? *пора* 'ясная, красная // удачная, счастливая' [82].

Даль дает эти слова с вопросом к форме, видимо, сомневаясь в вокализме слова — в анлаутном *а* на месте *о*, что является, однако, судя по другим примерам, обычным явлением для архангельских говоров, ср., например: *áгрубь*? ж. арханг. 'плесень на хлебе' [83], *áглень*? ж. арханг.-онеж. 'прибой волны к берегу' [84], *анева* ж. арханг. (*огнева*?) 'яркая полоса неба промеж туч, признак ветра оттуда' [85], *áкорье* ср. арханг. 'обгорелые лесины, деревья после пала, гари' [86], *áкосить*? или *-ся*? арханг. 'чудесно охраняться, избегать раны, смерти' [87]. В скобках Даль дает также этимологическую отсылку 'к *обыдень*? или *ободнять*?» [88], что не лишено известных оснований, ср. рус. диал. донск. *обыдня́ться* (*абыдня́ца*) 'проясниться (о погоде)' «Пагода уже обыднялась» [89], твер., псков., осташк. *ободнеть* 'отогреться при лучах солнца' [90].

Для *áбодье*, *абодная пора* может быть, однако, другое этимологическое решение, а именно: реконструкция **ob-vodьje*, **ob-vodьnъjь* и связь с глаголом **vesti*, **voditi*.

К этой мысли приводит и наличие близких лексем в других значениях: арханг. *áводь* 'клятва, заклятие, заговор'; *áводной* 'заговоренный', *áводить* 'заговаривать; налагать клятву'; *áводник*? 'ведун, колдун, знахарь, заговорщик' [91], что также восходит к *обводить* в значении 'заговаривать' < 'очерчивать магической чертой', ср. также *óбод* псков. твер. 'зачарованное место, околдованное место' [92].

Ясно, что *абодье*, *абодная пора* и *áводь* 'клятва, заклятие, заговор', *áводной* 'заговоренный' одно и то же, с переходом *bv* в *b* в первом случае. Значения 'удача' (в данном случае на лову), 'удачный, счастливый' могли развиться из 'заговор, заговоренный, очарованный'. Значения 'ясный, красный' могло развиться из 'удачный (благоприятный для чего-либо)', что в свою очередь развилось из 'заколодованный, заговоренный'. В связи со значениями *абодье* 'удача на лову', *абодная* 'удачная, счастливая'

---

82 *Даль* ³ I, стлб. 4.
83 Там же, стлб. 12.
84 Там же, стлб. 11 (Фасмер I, с. 412 — к *глень* 'влага, сок').
85 Там же, стлб. 43.
86 Там же, стлб. 21.
87 Там же.
88 Там же, стлб. 4.
89 Там же.
90 Донской словарь, т. II, с. 196.
91 *Даль* ³ I, стлб. 8.
92 *Даль* ³ II, стлб. 1563.

интересно также наличие у глагола **vesti* значения 'удаваться': ср. словен. *vede me* 'мне удается': «Vse jo vede, kar ona hoče» — «Все ей удается, как она хочет», а также 'быть полезным, помогать': vede 'помогает'; kako se ti vede? Как дела? [93]; польск. *powodny* 'дающий успех, удачный, счастливый, желанный, благоприятный' [94]; *powodzenie* 'удача, счастье, успех' [95], ср. глагол *везти* в значении 'удаваться', *мне везет*, а также *вазнь* 'счастье, удача' [96].

---

[93] *Pleteršnik* II, S. 763.
[94] Варшавский словарь IV, с. 857.
[95] Там же, с. 858.
[96] *Фасмер* I, с. 267.

Г. Ф. Одинцов

К ИСТОРИИ ДРЕВНЕЙШИХ РУССКИХ НАЗВАНИЙ КОПЬЯ

Интерес к данной теме оправдан ввиду ее недостаточной изученности.

Учитывая словообразование рассматриваемых в настоящей статье терминов и принимая во внимание другие моменты, мы делим эти термины на особенно древние (1) и несколько более поздние (2).

1

Копье как один из древнейших видов колющего оружия, применявшегося во время войны и на охоте большинством народов мира [1], было первоначально простым колом, заостренным с одного конца. «Такие копья сохраняются у австралийцев и в наше время (т. е. в XIX в. — *Г. О.*); во времена же Тацита они употреблялись германцами; во времена Геродота — ливийцами» [2]. По-видимому, такой вид колющего оружия (кол) использовался и древними славянами, но позднее, главным образом, к началу исторического периода, праславянский термин *колъ* (сближаемый с *колоть*) [3] становится как название оружия все менее активным. (Ср. упоминания о деревянных копьях — как в старославянизированном варианте: «древѧнымъ копиѥмь» (Палея. 1406 г., л. 143 в — г. — Картотека СДР), так и в восточнославянской огласовке: «копье деревяное» (ПСИ I № 35. 1701 г. Статейный список. — Картотека ДРС). Такие копья были либо кольями, либо оружием, очень близким к ним.) Любопытны при этом даже сравнительно поздние письменные свидетельства, пусть и нечастые, использования на Руси кола как оружия: а) солдаты стрѣльцовъ перебили, и къ Гаврилу и къ Ондрею солдаты ко двору съ кольемъ приходили и ихъ бранили (Моск. 1662 г.) [4]; б) Петрушка Тимошкинъ сынъ Лобачевъ, выскоча с избы своей с амчаниномъ с Івашкой Антипкинымъ. . . і с многими людьми з дубьемъ и кольями,

---

[1] БСЭ, 3 изд., т. 13, 1973, с. 133.

[2] *Оленин А.* Опыт об одежде, оружии, нравах, обычаях и степени просвещения славян от времен Траяна и русских до нашествия татар. СПб., 1832, с. 17.

[3] *Фасмер II*, с. 285.

[4] Акты Московского государства. Т. III. СПб., 1901, с. 496.

убили крестьянина ево Фильку Ларичева до смерти (1689 г.) [5]. В современном русском языке сущ. *кол* уже не имеет военно-терминологического оттенка.

Ценность копья как оружия определяется прежде всего его заостренной частью; ее название могло употребляться для обозначения всего копья. Таковы праславянские слова одного этимологического гнезда *осmь*, *остен(ъ)*, *осн(ъ)*, *(*и *осно)* [6], из которых первое встречается в древнерусских памятниках реже (Кто китры [вар.: *кытры* ʽцитрусовое дерево'] ѡстьми орꙋживъ съвъкꙋпи имъ самокованныа копіа. Шестоднев. 28.XV в. — Картотека ДРС), последнее — чаще других; пример: понеже и сына своего смирі (Иван Грозный. — *Г. О.*) на оныі свѣтъ, пробиша его осномъ своимъ. . . [7] *Оснъ* в этом случае имеет значение ʽостроконечная трость с копейцом на конце', т. е. выступает синонимом слова *копье*, ср.: Онъ же (Иван IV) возгорѣвся гнѣвомъ великимъ, копьемъ, яже во проклятомъ жезлѣ своемъ носяще, абіе рукою своею пробил его (Молчана Миткова). Ист. К.[2] 190. (21). — Картотека ДРС.

Одно из поздних употреблений этого слова относится к 1668—1676 гг. (Дополнения к Актам историческим, т. V, с. 346): осномъ. . . покололь. В новое время этот термин стал не характерен для русского языка и, в отличие от этимологически тождественного ему, как считают, названия *остен* ʽшип, острие' [8], вышел из употребления. Словоформа *остъном(ъ)* засвидетельствована в Геннадиевой библии (1499 г.): Что сѧ ꙋ̓моудри҃, дръжа рало. хвалѧисѧ копъйщем о̓стъно҃. καὶ κουχώρενος ἐν δόρατι κάντρου (Сирах. XXXVIII. 25. — Картотека ДРС).

Интересны по своей семантике этимологически связанные с названием оружия *ость* ст.-слав. глаголы острѹити и острѫти ʽуничтожить (-ать)', на что обратила внимание автора настоящей статьи Р. М. Цейтлин [9].

Праслав. *острога* (от основы прилагательного *ost-r-ъ*), известное у славян в значении ʽшпора' [10], в русском языке имело также и другую, трудно сказать, в какой мере древнюю семантику — ʽкопье'; ср. военн. устар. выражение *острогой — коли*! (команда, подававшаяся для действий пикой в кавалерийских частях [11]); ср., далее, упоминание слова *острога* как названия колющего оружия в Словаре Памвы Берынды (1627 г.) [12], а также народное употребление слова в новое время: *острога* — ʽкопье,

[5] Архив сельца «Сурьянино». Составил Голицын А. Л. Орел, 1900, с. 26.
[6] *Фасмер* III, с. 165 (приводятся инославянские и другие параллели).
[7] *Котошихин Г.* О России в царствование Алексея Михайловича. Изд. 4. СПб., 1906, с. 1—2.
[8] *Фасмер* III, с. 162.
[9] Ср.: острѹниꙗ ѥже не ѹбьѥши. заклашꙗ копьѥмь (Супр. 477, 12).
[10] *Фасмер* III, с. 166.
[11] *Ушаков* III, стлб. 884.
[12] *Сахаров И.* Сказания русского народа. Т. II. СПб., 1849, с. 98.

которым бьют китов и другие рыбы' (Вахтин. — КБАС). В одном памятнике конца XVII в. слово *острога*, вероятно, обозначает 'колющее оружие (или его заостренную часть?)': у одного стрѣла да лукъ, а у другого острога да дротъ. (Д. Шакловит. IV, 286. Конец XVII вв. — Картотека ДРС).

Др.-русск. *оскѣпъ* отмечено лишь в Ипатьевской летописи: Пободоста и (Ярослава Святополчича) оскѣпомъ. (6631 г. [1123]) [13]. Семантика слова по одному этому употреблению достаточно полно не определима. По Л. Нидерле, др.-рус. *оскѣпъ* — 'деревянный кол, заостренный на концах' [14], что не находится в противоречии с этимологией слова. Так, М. Фасмер со ссылкой на Н. Н. Дурново выводит *оскѣпъ* из *скепать* [15]; ср. также диал. глагол *оскепать* юж. 'ощепать, общепать' [16]. Возможно, и др.-русск. *оскѣпъ*, обнаруженное в Галицко-Волынской (Ипатьевской) летописи, также было юго-западным диалектизмом. В пользу этого говорит и то, что *оскѣпъ* — термин западнославянской ориентации. Ср. ст.-укр. диал. *оскип*, равнозначное укр. слову *ощеп* в Словаре Е. Желеховского [17], ст.-укр. *ощепъ* 'дротик, пика' (Горбач. Акт. яз.) [18], известное также по записям 1627 г.: а) «р а т и щ е, рогатина, *ощѣпъ*, волочня, стрѣла, болтъ», б) «с у л и ц а, згротомъ дарда, *ощѣпъ*, ощеписко, кончѣръ» — у Памвы Берынды, где встречаем любопытное уменьш. *ощеписко* [19]; польск. *oszczep* — «половинчатое копье, с толстым именно в середине древком, с долгим и толстым острием; теперь употребляется только при охоте на медведей и кабанов, служит для рукопашной схватки с ними» [20]; 'железное копье на древке, рогатина' [21], чеш. *oštěp*, ст.-чеш. *oščiep* > *oštíp* 'копье', *lovecký oštěp* 'рогатина', *oštěpař* м. 'метатель копья (спорт)' [22]. В тех славянских языках, где активен термин *копьё* (в соответствующих огласовках), например, в русском, белорусском, термин *оскеп* (и *ощеп*) малоупотребителен и даже неизвестен, но последний очень активен в языках поль-

---

13 *Срезневский* II, стлб. 723. Эта запись под 1123 г. с упоминанием слова *оскеп* повторяется в нескольких поздних летописях — Воскресенский (ПСРЛ, т. VII, СПб., 1856, с. 25), Тверской (ПСРЛ, т. XV, СПб., 1863, с. 193), Львовской (ПСРЛ, т. XX, первая половина. СПб., 1910, с. 104), Ермолинской (ПСРЛ, т. XXIII, СПб., 1910, с. 30).

14 *Нидерле Л.* Славянские древности. М., 1956, с. 376.

15 *Фасмер* III, с. 159.

16 *Даль* [2] II, с. 697.

17 *Москаленко А. А.* Лексико-семантические диалектизмы в памятниках украинской деловой письменности XIV—XVI вв. — В кн.: Проблемы истории и диалектологии славянских языков. Сборник статей к 70-летию члена-корреспондента АН СССР В. И. Борковского. М., 1971, с. 195.

18 *Будилович А.* Первобытные славяне в их языке, быте и понятиях по данным лексикальным. Исследование в области лингвистической палеонтологии славян, ч. 2, в. 1. Киев, 1882, с. 11.

19 *Сахаров И.* Сказания русского народа, т. 2, кн. 5—8. СПб., 1849, с. 99.

20 *Krasiński A. S.* Słownik synonimów polskich, t. I. Kraków, 1885, s. 271—272.

21 Варшавский словарь III, с. 883.

22 *Machek*[2], с. 421—422; Чешско-русский словарь. Сост. Павлович А. И. М., 1967, с. 346.

ском и чешском, для которых термин *копье* малохарактерен. Такая взаимообусловленность заставляет считать эти два названия семантически очень близкими, и можно предположить, что в исторический период др.-рус. слово *оскѣпъ* означало 'копье', по-видимому, почти полностью утратив более древнюю семантику 'деревянное копье', которую отметил Л. Нидерле. Ср. у В. И. Даля [23]: «*Оскеп* м. стар. копьеце, или трость с острым наконечником; вероятно, вначале заостренная палка». А. В. Арциховский определяет др.-рус. *оскѣпъ* как 'ударное копье' (не 'метательное') [24], однако такая категоричность при единственном употреблении термина в письменных памятниках и при отсутствии иных (например, археологических) данных вряд ли оправдана. Со словом *оскѣпъ* связано название древка копья *оскѣпище* (с вариантом *осчепище*) [25], дожившее до московского периода и хорошо известное в среде военных даже в конце XIX в.: «Ратовище (оскепище) — древко, на которое насаживается копье» [26]. Однако само слово *оскѣпъ* вышло из употребления в древне- и старорусском языке, что связано с особой судьбой у восточных (и южных) славян сущ. *копье* (см. ниже). С термином *оскѣпъ* А. Н. Кирпичников странным образом отождествляет слово *проскеп(ъ)* (со ссылкой на «Материалы для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского) [27]. В действительности же *проскѣпъ* — это «раскеп, расщеп, клещи» [28], так что выдвинутый А. Н. Кирпичниковым термин *проскѣпъ* 'копье' является мнимым.

Весьма древними были, возможно, и слова *бодило* (и *бодец*), *роженъ*. Хотя *бодило* 'копье', 'рогатина' в древнерусских памятниках письменности и не обнаружено, перед нами, вероятно, довольно древнее праславянское образование — **bodidlo*, ср.: болг. *боди́ло* ср. р. 'терн, колючка, шип', макед. *бодило* ср. р. 'шило, острие', с.-хорв. *bȍdilo* ср. р. 'stimulus' (с. XVI в.), словен. *bodílo* ср. р. 'шип, колючка, шило', 'колющее оружие', рус. *боди́ло* ср. р. 'рогатина, ратовище с копьем' (Даль [3] I, 260), блр. *бадзíла* ср. р. 'рог коровы', 'то, что бодается' [29]. Ср. с рус. *боди́ло* употребление слова *бодение* 'удары копьем, пронзение', встречаемое неоднократно, например, в одном древнерусском памятнике [30], а также сущ. *бодец* в следующем перечне: «стрѣкало, жало, остенъ, бодец, острога» (1627 г. Берында) [31].

---

[23] *Даль*[2] II, с. 697.
[24] *Арциховский А. В.* Оружие. — В кн.: История культуры древней Руси, т. I. М.—Л., 1948, с. 431.
[25] *Срезневский* II, стлб. 723.
[26] Энциклопедия военных и морских наук. Под ред. генерал-лейтенанта Леера, т. VI. СПб., 1893, с. 264.
[27] *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие. Вып. 2. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени. IX—XIII вв. М.—Л., 1966, с. 9.
[28] *Срезневский* II, стлб. 1571; III, стлб. 167.
[29] ЭССЯ 2, с. 153.
[30] *Мещерский Н. А.* История Иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе. М.—Л., 1958, с. 240, 272, 378, 533.
[31] *Сахаров И.* Сказания. . ., с. 98.

В значении ‘рогатина, острога’ употреблялось, по И. И. Срезневскому, также слово *рожьнъ*: А сетеи и рожновъ и осо҃ и собакъ бояромъ нѣ дѣржать и поколодвъ и кошовъ не ставити. Судебн. Казим. 1468 г. (Рум. 659) [32]. Ср. древнее, неоднократно встречающееся выражение: Страшно убо есть противу рожна прати [33]. Справедливо отмечается связь этого слова с сущ. *рогъ* — или первоначальная, или же вторичная [34]. Принимая во внимание это, а также наличие слова *рогатина*, можно думать, что копье и близкое к нему по своему виду и действию оружие обозначалось словом *рог(ъ)*: «С самой глубокой древности, когда еще мало употреблялось железа, насаживали на шест бычачьи или коровьи рога и употребляли для нападения и обороны» (Тучков. Воен. слов. II, с. 116. — Картотека БАС). Есть контексты, как будто подтверждающие эту мысль и где *рогъ* — ‘колющее оружие’: нѣкто слоуга влекъ и къ ризиимонꙋ (ризному. — Прол. XIV в. (2) л. 122а) торгоу埋 вземъ *рогъ* и за/кла ю тако же добрѣ подь/визав сѧ в роуцѣ бо҃у д҃хъ предасть. . . (Прол. 1383 г., л. 117б. — Картотека СДР). Это словоупотребление не случайно представлено в традиционном (церковном) памятнике, в тексте, повествующем о легенде, которая относится к глубокому прошлому. В книжнославянском памятнике 1709 г. слово *рогъ* выступает, пусть и вместе со словоформой *копїї*, также в качестве названия (колющего) оружия, причем как символ: Въ правої руцѣ скіпетръ їѕъ слонової костї, на немъ же сѣдїтъ орелъ. . ., въ лѣвой же руцѣ. корнукопїе їлї *рогъ копїї* полонъ всякїхъ знаменїї побѣдъ ї торжества (Политиколепный апофеосис, с. 158. — Картотека Словаря русского языка XVIII в.).

Однако основным названием рассматриваемого вида оружия было у восточных славян с древности *копье* < праслав. **kopьje*, образованное присоединением суфф. *-ьje* к корню *kop-* (*a-ti*). По А. Мейе, это образование должно было быть древнейшим, возможно даже дославянским, поскольку оно представлено только рассматриваемым словом [35]. (Таковым представлено это словообразование и в позднейших исследованиях [36]). При этом форму диал. зап.-рус. *ко́пия*, ж. р. ‘копье’ (а также укр. диал. *копия́*, ж. р. ‘копье, дротик’, польск. *kopia* ‘вид колющего оружия, долгое древко, заканчивающееся наконечником’ — с XV в.; ст.-польск., уже в XIV в. *kopija* при ст.-польск. же *kopije* то же, диал. морав. *kopija* ‘копье, дротик’, словац. *kopija* то же, ст.-в.-луж. *kopja*

---

[32] *Срезневский* III, стб. 145.
[33] См., например: Полное собрание русских летописей. Т. IX. Никоновская летопись. СПб., 1862, с. 246 (сп. XVI—XVII вв.).
[34] *Преображенский* с. 210.
[35] *Meillet A*. Etudes sur l'étymologie et le vocabulaire du vieux slave. Seconde partie. 2e ed. Paris, 1961, p. 385.
[36] *Варбот Ж. Ж*. Древнерусское именное словообразование. Ретроспективная формальная характеристика. М., 1969, с. 80.

'копье, дротик') считают вторичной [37]. В западнославянских языках форма женск. рода возникла под влиянием прежде всего таких названий копья как *włócznia*. Первоначальная форма ср. рода кроме др.-рус. и рус. *копье* встречается в других славянских языках. Ср. укр. диал. *кóпие* ср. 'копье, дротик', блр. *капё* то же, ст.-слав. копиѥ λόγχη, болг. *кóпе*, макед. *kopje* 'копье', с.-хорв. *кȍпље*, *kȍplje*, стар. *kopje* то же (RHJ I, 561), словен. *kopję̑* ср. р. 'копье, свадебная хоругвь' (еще в XVI в.), чеш. *kopí*, ст.-чеш. *kopie* ср. р. 'копье, дротик', н.-луж. *kopё* то же, в.-луж. *kopjo* 'копье'. В одном современном исследовании читаем: «Первичное значение этого слова, конечно, было не названием вида оружия, а названием орудия труда, так же, как например лит. *kaplỹs* 'мотыга, топор'» [38]. Так ли это? Не лучше ли говорить, что копье могло использоваться и как орудие труда, и как оружие? [39] Охота (например, на крупного зверя с помощью копья) и другие виды деятельности, обеспечивавшей человека материальными благами, в далеком прошлом не были в такой степени дифференцированы, как в наше время. В связи с этим в историко-лексикологическом плане любопытны по своему лексическому значению слова *нож*, *секира*, *топор*, *тесак* и некоторые другие, являвшиеся с давних пор названиями не только орудий труда, но и видов оружия. По-видимому, здесь мы имеем дело с явлением семантической типологии.

Древнейшее употребление слова *копье* в древнерусских памятниках обнаружено в тексте договора Игоря с греками (945 г.): аще оударить мечемъ или *копьемъ*. или кацѣмъ любо ѡружьемъ. Русинъ Грьчина. или Грьчінъ Русина. . . заплатить сребра литръ. е҃. (Лавр. лет. 1377 г., л. 13 об. — ПСРЛ I Л., 1926, стб. 52).

Здесь, как и во многих других случаях, *копье* — 'ударное колющее (не метательное) оружие', ср.: «(1078 г.:) Изѧславу же стоꙗщю въ пѣшцихъ и внезапу приѣхавъ ѥдинъ. оудари и *копьемъ* за плече. тако ѹбьѥнъ бы҃с. Изѧславъ» (Лавр. лет., л. 67 об. — ПСРЛ I. М., 1962, стб. 201). С употреблением слова *копье* для указания на ударное колющее оружие согласуется, по мнению А. В. Арциховского, а вслед за ним и А. Н. Кирпичникова, летописная терминология: *удари*, *прободе*, *пободоста*, *насунути* [40]. Нельзя, однако, не заметить здесь некоторого преувеличения: если глагол *удари* может подтверждать, что речь идет об ударном копье, то этого нельзя сказать о трех других глаголах, так как

---

[37] *Berneker*, S. 566; *Sławski* II, с. 460. К форме женск. рода восходит венг. *kopja* 'копьё', заимствование из славянского (*Hadrovics L.*, *Gáldi L.* Orosz-magyar szótár. Negyedik kiadás. I. Budapest, 1971, с. 686).

[38] *Львов А. С.* Лексика «Повести временных лет». М., 1975, с. 293.

[39] *Черных П. Я.* Очерк русской исторической лексикологии. Древнерусский период. М., 1956, с. 127.

[40] *Арциховский А. В.* Русское оружие X—XIII вв. — Доклады и сообщения исторического факультета МГУ. Вып. 4. 1946, с. 18; *Он же.* Оружие, с. 430—431; *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие, вып. 2. М.—Л., 1966, с. 22.

они упоминаются и тогда, когда речь идет о сулице, т. е. о метательном копье: «иніи сулицами *прободаеми* бываху иніи же на копья взимаеми» (Пов. о Мам. (Лет.) 80. — Картотека ДРС); «суличники сулицами *сующе*» (Иуд. Иос. Флав. Мещерск. — Картотека ДРС).

Однако само различение слов *копье* и *сулица* в ряде контекстов (Ж. Саввы Осв. XIII в. 209; Иос. Флав. О полон. Иерус. I 216; Соф. Вр. 103; Ник. лет. IX 89. XVI в.; Каз. лет. 155 и т. д.), например: «и *копья* и луки и стрѣлы и жезлы ручны/а и *сулици*» (Г. Амарт., л. 120 в, с. 187. XIII—XIV вв. ~XI в. — Картотека СДР) — рельефно подчеркивает значение слова *копье* как названия не метательного колющего оружия в таких текстах. О такой же семантике термина *копье* как будто говорит контекст, приводимый А. В. Арциховским [41]: «оскепищу (т. е. копейному древку. — Г. О.) изсечену от ударенья мечеваго». (Ипат. л., под 1231 г.). Указанное значение слова *копье* было, по-видимому, наиболее характерным для него.

В то же время есть древнерусские памятники, в которых слово *копье* употреблено как название метательного оружия: (946 г.) И съ[не]мъшемъся ѡбѣма полкома на скупь. суну *копьемъ* С҇тославъ [на] Деревлѧны. и *копье* летѣ сквозь уши коневи (Лавр. лет. 1377 г. ~ нач. XII в., л. 16. ПСРЛ I, стб. 58; Ипат. лет., ок. 1425 г., л. 23. ПСРЛ II, 1908, стб. 45); Толико бо стрѣлъ и *копии* на Тита пущаему, и на разглядание града, а не на сѣчю, без шолома, и без броньи, и без щита, не уязви его ничьсо же (Флав. Полон. Иерус. 362. XVI в. ~ нач. XII в.); внезапоу бо послано *копье* (в подлиннике ἀκόντιον 'метательное копье, дротик' [42]) нань, и прободенъ бы҇с въ мышьцю, вниже де ѥмоу въ ребра (Г. Амарт. XIII—XIV вв., л. 230 об.).

Такое употребление слова встречается и в книжной письменности первой трети XVIII в.: изострѧ́й мечь, мещѝ *кѡпіѧ*, не да́ждь снà ѻ҆чеса́мъ твои́мъ (Гавриил Бужинский. Слово о взятии Нотебурха. СПб., 1721, л. д҇. об. — Картотека Словаря русского языка XVIII в.); figere circulum lancea, за колцомъ гнатися, ѣхати, верхомъ ѣдучи въ колцо *копїемъ* попадати (Вейсман. Лекс. 1731 г., с. 506. — Та же Картотека).

Среди автографов Максима Грека в греческой Псалтыри (рукоп. ГПБ, Соф. 78) Л. С. Ковтун обнаружила греческие синонимы, соответствующие, по мнению Максима Грека, русскому слову *копье* (1540 г.): (τὸ) δόρυ, (τὸ) ἔγχος, (τὸ) ἀκόντιον. Третий из этих синонимов означает 'метательное копье, дротик'. Ср. запись: *сулица* гр. — копье. (Алф. 446. XVII в. 220. — Картотека ДРС), —

[41] Комментарий А. В. Арциховского: «Меч служил и для перерубания копейного древка, что редко удавалось с одного удара» (*Арциховский А. В.* Оружие, с. 422).

[42] *Истрин В. М.* Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. Текст, исследование и словарь, т. I—III. Л., 1930 (т. III, с. 9; т. I, с. 363).

где ставшее в XVII в. малопонятным *сулица* 'метательное копье' толкуется как 'копье'[43]. Любопытны и составные термины *копїе къ бросанию*, *краткое копье* (Лекс. Вейсм. 1731 г., с. 591); *копье бросальное* (Письмовник Н. Курганова II, 1790 г., с. 241).

Все эти данные ставят под сомнение безоговорочное утверждение А. В. Арциховского о том, что «копье на Руси (в X—XIII вв. — *Г. О.*) предназначалось не для метания, а для удара. Метательное оружие, — добавляет он, — как ниже увидим, называлось иначе (разрядка наша. — *Г. О.*)» [44].

Памятники письменности, однако, свидетельствуют, что слово *копье*, будучи в исторический период по преимуществу названием ударного колющего оружия, могло указывать и на метательное оружие и в этом втором значении употреблялось преимущественно в книжной письменности, т. е. было представлено с этой семантикой как традиционное [45]. (Впрочем, *копье* как название дротика могло употребляться и в разговорно-бытовой речи: не все в бою можно предусмотреть, и бывали, конечно, ситуации, когда ударное копье использовалось как метательное.)

Приведенные нами употребления слова *копье* как названия и ударного и — реже — метательного колющего оружия, а также частотность, фразеологическая и словообразовательная активность заставляют считать этот термин родовым названием колющего оружия первого натиска с преобладанием в слове, как показывают многие контексты, семантики 'ударное копье'. (Ср. др.-рус. *конь* — 'по преимуществу верховая лошадь' и в то же время — родовое название этого домашнего животного). В доисторический период в этом названии преобладала семантика 'ударное копье'. Устойчивость термина в русском, белорусском и южнославянских языках, в противоположность его судьбе в западнославянских языках — польском, чешском, словацком, — где произошло изменение грамматического рода слова и возникли не менее активные, чем *kopija*, *kopí*, синонимы *włócznia*, *oštěp*, — объясняется поддержкой термина *копье* у православных славян старославянизмом копиѥ — главным обозначением этого вида оружия в церковных текстах, обозначением, упоминаемым рядом с именем Христа. У славян-католиков термины, восходящие к **kopьje*, такой поддержки не имели и были несколько оттеснены другими синонимами.

Активность др.-рус. термина *копье* была действительно велика. Так, в «Материалах для терминологического словаря древ-

---

[43] *Ковтун Л. С.* Лексикография в Московской Руси XVI — начала XVII в. Л., 1975, с. 26.

[44] *Арциховский А. В.* Оружие, с. 431.

[45] В доисторический период славянства главным средством борьбы были, как утверждают, именно метательные копья (*Niederle L.* Slovanské starožitnosti, díl III, sv. 2, Praha, 1925, с. 547; *Кирпичников А. Н.* Указ. соч., с. 6; *Маврикий* (582—602 гг.). Стратегикон. — Вестник древней истории, № 11 (4), 1941, с. 253—254.

ней России» Г. Е. Кочина (М., 1936, с. 154 и 301) *копье* указано как слово, представленное в 210 употреблениях, тогда, как, например, *рогатина* — в 23 употреблениях, а другие названия копья и того меньше.

Острая металлическая часть оружия, надевавшаяся на древко, называлась *копьем* или *копьецом*, независимо от того, о чем шла речь — о собственно копьях, пиках, полупиках, протазанах, даже стрелах: пя҃тнатцать *копей* на древкахъ (Кн. пер. арханг. артил. № 58, л. 15 об., 1710 г. — Картотека ДРС); 29 пикъ долгихъ 40 полупикъ и *копьи* и съ прапорцы (ДАИ XI 1684—85, с. 272); пикинерныхъ *копей* и пистолей. . . по 18 (Док. в Сенате II. 1, 1712 г., с. 165); · г҃і · протоза́нов с копейцами подсо́шными (Кн. окл. Сиб. гор. XVII в. 223 [2]); стрѣлное *копе́цо* (Козм. 1670 г. 381. — Картотека ДРС); еще: *копей* (металлических наконечников) рогатных 6.144 (Докл. в Сенате V, 2, 1715, № 924, 770—771). У Даля *копьем* называется металлическая часть рогатины [46].

Некоторые составные старорусские обозначения копья: *конные копья* (Радишевский. Устав. 1621 г., ч. II, с. 8), *копья пешеходные* (там же, с. 40), «копья московскія» Пск. I лет. 290), «фрязские» (Задонщина, сп. XV в.), «литовския» (Пск. III лет. Ок. Арх. 2, сп. XVII в., л. 196), «турецкие» (Сказ. пов. об Азов. вз. 70—80-е гг. XVII в., с. 94), «копье калмыцкое» (Заб. Б. I 1663 г.) (725); *копья железные* (ДАИ X 99, 1682 г.); «копье сталное» (1586 г. Ростовск. у.) [47], *копье булатное*, дорого ценившееся: копье булатное. 10 р. 2 рогатины, одна насѣчена золотомъ. Цѣна ей 6 р. (Д. Шакловит. IV, стб. 222. — Картотека ДРС), *копье харалужное* 'стальное, булатное' (Сл. п. Иг., Задонщина). Значение слова *харалужный* вытекает из тюркской этимологии его: чагат. *karaluk* 'сталь', первонач. *kara* 'черный', — впервые данной не теми учеными, которые упомянуты М. Фасмером [48], а русским полковником Н. Е. Бранденбургом в 1883 г.[49]

Показательны семантические и словообразовательные производные от сущ. *копье* в древне- и старорусском языке. Слово могло иметь значение 'воин, вооруженный копьем' (при указании на количество воинов) (6677 г.): Бысть же оу поганыхъ .҃о. копии, а оу Руси девѧносто копии (Лавр. лет. — ПСРЛ I., 1926, с. 28), — а также 'ряд (колонна) воинов в восемь человек, расположенных в глубину'. Оба эти значения у слова *копье* (*копие*), как утверж-

---

[46] *Даль*[2] IV, с. 100.

[47] *Лихачев П. Н.* Собрание грамот и договоров, собранных в архивах и библиотеках Российской империи. СПб., 1895, с. 63—64.

[48] *Фасмер* IV, с. 223.

[49] Энциклопедия военных и морских наук. Под ред. Г. А. Леера, заслуженного профессора Николаевской Академии генерального штаба, т. I. СПб., 1883, с. 566. Из менее правдоподобных версий М. Фасмер не упоминает версию В. Ф. Ржиги: *харалужный* — от узб. *хараблик* 'гибель' (*Ржига В. Ф.* Восток в «Слове о полку Игореве». — В кн.: Сборник Государственного литературного музея «Слово о полку Игореве». М., 1947, с. 169—189).

дает Ф. П. Сороколетов в монографии «История военной лексики в русском языке XI—XVII вв.» (Л. 1970, с. 112), «надо считать явлением сугубо восточнославянским, по крайней мере нет ни одного достоверного свидетельства о наличии этих значений о.-слав. *копье* (*копие*) в западно- или южнославянских языках». Возможно, к др.-рус. *копье* 'воин, вооруженный копьем' восходит диал. курск. (обоянск.) *капьё* 'сметливый, расторопный человек': «Малый капьё» (Машкин, 1859 г. — Картотека СРНГ). Любопытные наблюдения Ф. П. Сороколетова совпадают с приведенными выше славянскими лексическими данными, указывающими на особенно большую активность слова *копье* в русском и белорусском языках в противоположность прежде всего языкам западнославянским. Важно учесть еще одно семантическое производное: *копиѥ* 'одна из принадлежностей церковной утвари' (Срезневский III. Дополнение, 143'), — в связи с отмеченной нами устойчивостью термина у православных славян.

Заслуживают внимания также словообразовательная активность древнерусского *копье* — как в народно-литературных, так и в книжнославянских памятниках; ср.: *копійный* и *копейный* 'относящийся к копью' (Сим. Пол. Орел. Росс. 29; Хр. 1512 г. — Картотека ДРС), сущ. *копейное*, ср. р. 'вид налога' (Соф. Врем. I 103), *копіиникъ* (Иос. Флав. О полон. Иерус. I, 66. — Картотека ДРС); *копеиник* (Ник. лет. X 83. — Там же); *копеиничья* (*хитрость*) (Хрон. Г. Амарт. XV в., I, 542—543); *копьеносимый* (Скрижаль 1656 г. — Картотека ДРС) и др.

Ср. еще фразеологизованное выражение: *взѧти городъ* (*градъ*) *копьемъ*, т. е. 'приступом' (Ип. лет., Новг. V лет., Воскрес. лет. и т. д. — Картотека ДРС).

2

Слово *рогатина* — производное второй степени от *rog-ъ* — праславянский (севернославянский) диалектизм: др.-рус. и соврем. рус. *рогатина*, ж., укр. *рогáтина* 1. 'рогатина'. 2. 'вид кинжала', блр. *рагáціна* 'рогатина', *рогáцина* 'суковатый кол' [50], польск. *rogacina* (устар.) и (из восточнослав., уже с 1500 г.) *rohatyna*, *rogatyna* 'копье', 'колющее оружие, состоящее из древка длиной около 6 локтей с копьецом [51], в.-луж. *rohacina* 'Hornamboss' [52], чеш. *rohatina* 'копье', 'багор', 'вид палки', словац. стар. *rohatyna* 'прутик, обмазанный клеем (для ловли птиц)' [53].

Таким образом, утверждение о том, что рогатина, по-видимому, русское изобретение, что «ничего подобного в других странах нам пока неизвестно» и что в польском языке это название оружия

---

[50] Беларуска-рускі слоўнік. М., 1962, с. 774; *Носович*, с. 564.
[51] *Brückner*, с. 460—461; Варшавский словарь, т. 5, с. 551, 554.
[52] *Pfuhl*, с. 589.
[53] *Будилович А. С.* Первобытные славяне. . ., ч. 2, вып. 1, с. 10 (со ссылкой, в частности, на Bernolákův Slovár slovenský. 1825); SSJ III, с. 756.

«заимствовано из русского» [54], вряд ли приемлемо. Этот вид оружия использовался и за пределами Московского государства, — в описи имущества Бориса Годунова значатся английские, немецкие рогатины [55]; из восточнославянского источника заимствован поляками лишь фонетический вариант *rohatyna* (и *rogatyna*), тогда как устар. *rogacina* — форма у поляков исконная (с характерным польским смягчением *t* > *c* перед гласным переднего ряда *i*).

Древнейшее на русской почве употребление этого термина: (1149 г.:) ѥдин же ѿ нѣмчичь видѣвъ и [Андрея Боголюбского. — Г. О.] хотѣ просунути *рогатиною* (Лавр. лет., л. 108, 108об. — Картотека СДР). Таким образом, в древнейшем упоминании *рогатина* — 'боевое оружие', но служила она и для охоты: (1255 г.) «сам же (Даниил Галицкий, охотясь на вепрей. — *Г. О*) уби их рогатиною три» (Ипат. лет.). Благодаря надписи, сделанной в XV в. на одном экземпляре этого оружия («рогатина великого князя бориса олександровича». — Хранится в Моск. Оруж. палате. 1395—1461 гг.) [56], можно утверждать, что от копья рогатина отличалась более широким и массивным наконечником [57], могла при ударе выдержать без поломки большое напряжение и быть использована не только как боевое оружие, но и при охоте на крупного зверя, так как была рассчитана на нанесение глубокой и широкой раны.

Таким образом, др.-рус. *рогатина* — это 'вид копья с широким и массивным наконечником, использовавшийся обычно пешими воинами, а также при охоте на крупного зверя'.

Вместе с тем существовали русские метательные копья, называемые *рогатиной*: r a g a t i n e, a kinde of weapon like an irish darte, which Vaivods use (whith ragatines the camusnicks kill bares and other beasts) — «род оружия, подобный ирландскому дротику; им пользуются воеводы». В скобках выписано дополнение, сделанное позже: «Рогатинами камусники (по Б. А. Ларину, туземные охотники из северных народов) бьют медведей и других зверей» (1619 г.) [58]. В связи с этим любопытно, что греч. αἰγανέη, толкуемое как κοντάριον μικρὸν 'небольшое копье', представлено в славянском переводе XII—XIII вв. в следующем виде: «прищитня или рогатіна» [59]. Здесь, кстати, интересно еще одно сла-

---

[54] *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие, вып. 2, с. 15.

[55] *Савваитов П.* Описание старинных русских утварей, одежд, оружия, ратного доспеха и конского прибора. СПб., 1865, с. 253.

[56] *Орлов А. С.* Библиография русских надписей XI—XV вв. М.—Л., 1936, с. 121—122.

[57] *Арциховский А. В.* Русское оружие X—XIII вв. . . ., с. 4.

[58] *Ларин Б. А.* Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса. Л., 1959, с. 87—88 и 218.

[59] Hesychii Glossographi discipulus et ἐπιγλωσσιστής russus in ipsa Constantinopoli sec. XII—XIII. e codice vindobonensi graecorussica omnia, edidit *Bartholomaeus Kopitar*. Vindobonae, 1839, с. 16.

вянское обозначение копья — *прищитня*, нигде в древне- и старорусских памятниках, впрочем, пока не обнаруженное [60].

Таким образом, слово *рогатина* могло обозначать не только ударное, но и — реже — 'небольшое, метательное копье', ср. укр. *рогáтина*, приводимое Б. Д. Гринченко (4, с. 27) и в значении 'род кинжала'. Вопреки А. В. Арциховскому и А. Н. Кирпичникову, не можем утверждать, что «рогатина всегда была копьем ударным» [61]. Напротив, значение 'метательное копье особого вида' слово *рогатина* могло унаследовать с праславянской эпохи, когда дротики были основным видом колющего оружия у славян.

Вероятно, диалектный вариант термина — слово *рогатыня*, образовавшееся с помощью суфф. *-ын'-а* от основы прилагательного *рогат-ыи*: (1417 г.:) В то же лѣто и зиму бѣ моръ страшенъ в Новѣгородѣ на людехъ. . . // . . .преже яко *рогатынею* ударить и явится железа, или начнеть кровию хракати (Новг. I лет., полов. XV в., с. 404/405. — Картотека ДРС); (1570 г.:) ѣздяху по Волхову, со оружіемъ, и с рогатынями, и с копіи, и с топоры — и кто спловетъ на верхъ воды, и они, прихватывая багры, людей копіи и *рогатыни* прободающе и топоры сѣкуще (Новг. III лет., с. 342. — Там же). Уменьш. *рогатинка* и редкое специальное *рогатенник* 'воин, вооруженный рогатиной' говорят об известной активности термина, долго сохранявшейся — до XIX—XX вв.

Представленный в настоящей статье материал показывает важность лингвистического подхода при изучении рассмотренной терминологической группы. С точки зрения историко-этимологической, обращает на себя внимание исконный характер всех древнейших русских названий копья.

---

60 Миклошич Ф. (*Miklosich*. LPGL, с. 688) приводит этот термин лишь со ссылкой на Гесихия, толкует его как 'hastile' ('копье ударное или метательное'), но напрасно при этом видоизменяет его форму в нереальную *приштитьна*, перекочевавшую в Полный церковнославянский словарь Г. Дьяченко. Термин образовался с помощью суфф. *-ня* на базе словосочетания *при щитѣ*.

61 *Арциховский А. В.* Оружие, с. 430; *Кирпичников А. Н.* Указ. соч., с. 16.

Н. В. Никончук

ПРИСТАВКИ *КА-* И *КО-* В ПОЛЕССКИХ ГОВОРАХ

Изучение непродуктивных аффиксов, их систематизация очень важны для определения структуры многих непонятных диалектных слов, а для осмысления генезиса и строения слов литературных языков их вычленение имеет исключительное значение.

Этимологи славянских языков наряду с продуктивными постоянно обращали внимание и на мертвые аффиксы, однако последние были подвергнуты систематизации только в настоящее время. Среди обобщающих работ нужно отметить статьи А. Дебеляка, И. Шютца, Н. М. Шанского [1] и др. Фрагментарно участие непродуктивных аффиксов в образовании славянских лексем фиксировали Р. Брандт, Г. Шуман, В. Кипарский, К. Оштир, Ф. Безлай, М. Будимир [2] и др.

Пристальное внимание к структуре слов в последние два десятилетия помогло значительно увеличить количество непродуктивных аффиксов в арсенале литературной дериватологии, однако наука о диалектном словообразовании фактически только начинает аналогичную работу.

Оказывается, что говоры (это особо наблюдается в периферийных диалектах) сохраняют внушительное число таких словообразовательных средств. Их вычленение помогает уяснить этимологию многих общенациональных слов.

Среди говоров украинского и белорусского языков в этом смысле выделяется полесское наречие, сохранившее не только много архаичных слов и значений, но также немало и архаичных

---

[1] *Debeljak A.* O mrtvih velarnin predponah. — SR. V—VII. Ljubljana, 1954; *Schütz J.* Das präfigierende Element *ka-/ko-/k-* in der Wortbildung des Slavischen. — WdS 1965; *Шанский Н. М.* Слова с приставкой *ко-* и ее аллофонами в русском языке. — Этимологические исследования по русскому языку, вып. VII. М., 1972.

[2] *Брандт Р.* Дополнительные замечания к разбору «Этимологического словаря» Ф. Миклошича. — РФВ, т. XXII, 1889, с. 246; *Šuman H.* Etymologische Erklärungsversuche. — AfslPh, XXX, 1909, с. 303; *Кипарский В. Р.* [Рец.]: *Max Vasmer.* Russisches etymologisches Wörterbuch. I, II, III, Heidelberg, 1950—1955. — ВЯ, 1956, N 5, с. 133; *Oštir K.* Drei vorslavisch-etruskische Vogelnamen. Ljubljana, 1930; *Bezlaj F.* Slovenska vodna jmena. I. Ljubljana, 1956—1961, с. 291; *Budimir M.* Particulae Pelasticae. — Živa antica, I, sv. 2, 1951.

аффиксов. К числу таких славянских словообразовательных древностей относятся приставки *ka-* и *ko-* (*ku-*).

Этимологически префиксальные морфы *ко-*, *ка-*, *ку-* свободно вычленяются во многих полесских диалектизмах.

Ка́верт' 'небольшая глубокая яма с водой (обычно только на лугу)' (Голубица, Дорошевичи, Шестовичи, Боложевичи на Припяти в районе Петрикова и Мозыря), в Боложевичах также — 'глубокая яма в реке'; *ка́верт'* ж. 'выбоина на дороге', 'яма с водой на лугу', 'водоворот' (Липлянщина Народичск.), 'выбоина на дороге' (Збраньки возле Овруча, Ивановка Малинск., Тютюнники, Коровинцы Чудновск., Вирля Барановск. Жит.), *ка́верти* мн. 'выбоины на дорогах' (Борщов Радомышльск. Жит.), *ка́верт'* ж. то же (Пекарщина и Ксаверовка Черняховск. Жит.); *ка́верт'* м. 'водоворот, омут' (блр. Приубортье); 'небольшое озерцо' (Туровщина на Припяти), 'затон', 'пойменное озерцо возле реки' (Норинск Овручск. Жит.), 'глыба земли, которая отвалилась от берега и лежит в реке' (Вязовка Народичск. Жит.); *ка́верч* ж. 'водоворот' (Белокоровичи Олевск. Жит.), 'яма на крутом повороте реки' (Лубянка Полесск. Киев.), 'яма с водой на лугу' (Замостье Овручск. Жит.), 'излучина — крутой поворот реки' (Далета Овручск. Жит.), 'неровная, преимущественно заболоченная, непроходимая местность' (Силизовка Овручск. Жит.), 'выбоина на дороге' (Оленичи Овручск. Жит.); *ка́верча* ж. 'выбоина на дороге' (Листвин, Рокитно Овручск. Жит.), *ка́верч* м. то же (Мелени Коростенск. Жит.), *ка́верчі* мн. 'выбоины на дороге' и *Ка́верчі* мн. собств., название урочища, где раньше была плохая, с выбоинами, дорога (Силизовка) [3]; *ка́верчане д'е́рево* 'косоволокнистое дерево' (Далета), *ка́верч'і* мн. 'плохой, некачественный лес, плохая, некачественная древесина'.

Этимология слова *каверт'* решается Н. И. Толстым как **ka-vьrt-ь*, где *ka-* местоименная приставка, а основа *-vьrtь*, связанная с глаголом **vьrtěti* 'вертеть' [4].

Ср. еще *каверну́т'* 'упасть с высоты (например, с телеги, машины)' (Карпиловка Козелецк. Черниг.).

Ко́варат 'одно из двух (или нескольких) деревьев, которые вырастают из общего корня' (Новошепеличи Чернобыльск. Киев.)[5]

Кавеза́, *ковеза́*, 'капризник, капризница' (распространенное) из *ка-* (*ко-*) и *-вез-*, ср. *розве́за*, *розве́з'а* в том же значении [6].

Ка́верза 'каверза, подвох' (юг Полесья и укр. лит. язык [7]). В русск. *ка́верза*, укр. *коверза́* выделяется *ка-*, *ко-* и *-верза*

---

[3] *Жакова З. И.* Термин *каверть* в белорусских говорах. — Совещание по общеславянскому лингвистическому атласу. М., 1975, с. 198—200.

[4] *Толстой Н. И.* Славянская географическая терминология. М., 1969, с. 215.

[5] М. Будимир в слове *kovorot*, *-vrat* выделяет приставку *ko-* (*Budimir M.* Op. cit., s. 229); И. Шютц в русск. *ко́ворот* 'затылок, загривок, завоек, где голова вращается на позвонках' также видит приставку *ko-*, ср. *ворот* 'шея' (*Schütz J.* Op. cit., S. 323).

[6] Возможна реконструкция слова как **ko-vęza* к **vęzati* (Прим. ред.)

[7] Українсько-російський словник, II. Київ, 1958, с. 299.

← *верзти* 'говорить бессмыслицу, нелепость' ← *vьrzti* 'вязать, плести' [8].

Кагалу́зина 'большая ветвь' (Стовпин и соседние села Корецк. и Гощанск. Ров.) при *галуза*, *галу́зина* в том же значении.

Какардю́чка (при параллельном *кард'у́чка*) 'клюка-палка с загнутым концом, употребляемая для опоры при ходьбе' (Карпиловка).

Кал'ёска 'клюка' (Камень Овручск. Жит.) при *л'ёска* (север. укр. Полесья), *л'íска* (Каменный Брод Коростышевск. Жит., Симонов Гощанск., Гульча Здолбуновск. Ров.) 'клюка' и др. значения.

Наковêс'іцца (север Полесья возле белорусской границы) 'нахмуриться (о человеке, о небе)', *наковêс'іт' бро́в'і* 'насупить брови' из *на-кове́сит'*, родств. *повесить*.

Ка́доўб 'кадка' (почти повсеместно на Полесье), 'глубокая яма в реке' (Копище Олевск., Силизовка, Далета Овручск. Жит.), *кадо́ўбн'а* (Оленичи Овручск. Жит.), *кадо́ўб'іна* (Радовель Олевск. Жит.), *кайдо́ўб'іна* (Камень Овручск. Жит.), *коўдо́банка* (Виленка, Коростышевск. Жит.), *коўто́банка* (Любовичи Малинск. Жит.), *калдо́біна* (Новые Яриловичи Репкинск. Черниг.), *калдо́бан'* ж. (Юркевичи Житковичск. Гом.), 'глубокая яма в реке', *кoдо́банка*, *коўто́банка* 'прорубь' (редко), *кадо́ўбах*, *каўдо́ўбан* 'выбоина на дороге' (редко) и др.[9]

Какар'а́ка 'одно из двух (или большего количества) деревьев, которые вырастают из общего корня; один из двух (или большего количества) стволов, которые отрастают от общего ствола' (Максим и Моровск Козелецк. Черниг.) при *кара́ка*, *кар'а́ка* в том же значении.

Кат'ел'ёшок 'чурбан' (Рокитно Овручск. Жит.) при *тел'ёш*, *т'ел'ёш*, *теле́ш*, *тел'íш*, *цел'íш*, *цел'ёш*, *ц'ал'ёш*, *ц'ал'ёш* 'чурбан колода (разной длины — от 40 см до 5 м)', редко *тел'ёш* 'комель', ср. также *т'е́л'есо* 'ствол дерева', *те́лес* 'ствол стоячего дерева до ветвей'.

Кал'іма́ка — видоизмененное *калома́ка* при *лома́ка* 'сломанная ветвь' (Дзержинск. Жит.).

Ка́блу́к, *каблу́ч* м.[10] Значения этих слов в полесских говорах описаны достаточно подробно [11].

Кочерга́ (почти повсеместно), *кочарга́* (Замостье Овручск. Жит.), *качерга́* (левобережное Полесье), *качарга́* (между При-

---

[8] *Фасмер* II, стр. 153; *Schütz I.* Op. cit., S. 322; *Bezlaj-Krevel L.* Slovenska tkalska terminologia. — JiS XIII, 3. Ljubljana, 1968, с. 84. Ср. еще русск. *каверзни* мн. 'босовики, летние лапти на босу ногу' при *ве́рзни* то же (*Даль*² II, с. 71).

[9] На белорусском Полесье семантика **kadьlbъ* детально описана Н. И. Толстым (*Толстой Н. И.* Указ. соч., с. 220—224).

[10] М. Фасмер выделяет в укр. *каблу́к* 'дуга, лука' приставку *ка-*. (*Фасмер* II, с. 151). См. еще *Debeljak A.* Op. cit., с. 170.

[11] *Федоровская И. С.* Слово *каблук* в полесских говорах. Совещание по общеславянскому лингвистическому атласу, с. 195—198.

пятью и Днепром), *качар'гá* (белорусские говоры), *кучаргá* (Хочевая Иванковск. Киев., Липлянщина Народичск. Жит.), *кочерêжка* (Лопатичи Олевск. Жит.), *кочерг'íжка* (Мушня Рокитновск. Ров.) 'кочерга — приспособление загребать жар и золу', *кочерêжка* (Луговики Марьяновка, Млачевка, Бобер, Королевка, Дуброва Полесск. Киев.) — *качер'êжка* (Новые Яриловичи, Грабов Репкинск. Черниг.) 'клюка', *качари́жка* 'кочерыжка' (Переделка Лоевск. Гом.).

Этимология этого слова спорна, но, как одно из возможных решений, допустимо деление его на префикс *ко-* и корень *-чер-* (< **ker-*). Эта мысль была высказана Маценауэром, поддержана Брюкнером, а затем повторена Н. М. Шанским [12].

В качестве осторожной гипотезы может быть предложено вычленение префикса *ko-* в слове *ковêн'* ж. 'кочерга'.

Ковêн' ж. *ковêн'ка* (Журба Овручск. Жит.), *ковêн'ка* (параллельно с *кул'бáка* блр. Приубортье), *ковêн'ка* (параллельно с *кочерêжка* Луговики, Марьяновка, Млачевка, Бобер, Королевка, Дуброва Полесск. Киев), *ковêн'ка* (параллельно с *коц'убá* Выступовичи Овручск. Жит.), *ковêн'ка* (Овруччина Жит., север киевск. Полесья), *ковйêн'ка* (Обуховичи, Леоновка Иванковск. Киев), *ков'êн'ка* (Дятловичи Лунинецк. Брест.), *кав'êн'ка*, *кавêн'ка* (левобережье и правобережье Припяти), *ков'íн'ка* (южная часть Полесья, Волынь, южные говоры укр. языка, укр. лит. язык) [13], *к'ів'íн'ка* (Вербовка Новоград-Волынск. Жит.), *кув'íн'ка* (изредка южная Волынь), *кувêн'ка* (Денисовичи Полесск. Киев.), *ковен'íжка* (Сухолучье Вышгородск. Киев.) 'клюка'; *ковен'á* (на житомирском Полесье рядом с блр. границей, на киевском Полесье севернее р. Тетерев [14], блр. Приубортье, Туровщина на Припяти), *кавен'á*, *кав'ен'á* (блр. территория между Убортью и Припятью), *кавен'á* (параллельно с *качаргá* левобережье Припяти и Днепра) 'кочерга'; *ковêн'йе* с. (Дятловичи Лунинецк. Брест.), *ковêн'н'ік* (север киевск. Полесья), *ковêшн'ак* (Черевач Чернобыльск. Киев.), *ковêшн'а* ж. (Ковшиловка Полесск. Киев.), *ковêшн'ік* (блр. Приубортье, Туровщина, Выступовичи Овручск. Жит.), *кавêшн'ік* (между Припятью и Днепром), *кавêшн'ік* (Наровля на Припяти, Малые Автюки Калинковичск. Гом.) 'угол возле печки, где стоят ухваты'; *ковен'á*, *кавен'á* структурно членится на приставку *ко-* (*ка-*) и корень *-вен-*, который генетически связан с *вéник*, *венóк*, *вить* (укр. *віник*, *вінóк*, *вúти*). В отмеченных лексемах пока не совсем понятен звук *-ш-* (*ковêшн'ік* и др.), очевидно, он привнесен.

---

[12] *Шанский*. Указ. соч., с. 207.

[13] Українсько-російський словник, II.

[14] Атлас української мови (Полісся, Середня Наддніпрянщина і суміжні землі), карта № 291 (хранится в Институте языкознания им. А. А. Потебни АН УССР).

В Полесье отмечены варианты *комен'á* (Тетеревское Иванковск. Киев)[15], *кам'éн'ка* (Халявин Черниговск. Черниг.) 'кочерга', *камéшн'ік* м., *камêшн'ік'і* мн. 'угол возле печки, где стоят ухваты', в которых звук *-м-* надо считать неэтимологическим, о чем говорит параллель *камêшн'ік* 'угол возле печки, где стоят ухваты', а кочерга называется *кавен'á* (Боложевичи и Скригалов на Припяти возле Мозыря). Фонетический вариант *коб'ін'ка* 'клюка' (Юровка Любарск. Жит.), очевидно, тоже деэтимологизирован.

Семантическую связь существительного *ковен'á* с глаголом *вить* подтверждают два момента: отглагольный редериват *ков'ін'-ков'ін'* 'верть-верть': маши́на *ков'ін'-ков'ін'*, н'íби шóхвер рул'á ўпусти́ў (Базар Жит.) и одноструктурные названия клюки, образованные на базе корня *-гин'-* (*загинáти*, *гнýти*): *куг'ін'ка* (Кропивня Коростышевск. Жит.), она же *заг'ін'ана палка* (Червоная Воля Новоград-Волынск. Жит.).

Этими примерами функционирование приставок *ко-*, *ка-* не ограничивается. Дальнейшее изучение говоров пополнит список таких дериватов и позволит объяснить происхождение многих слов.

---

[15] *Лисенко П. С.* Словник поліських говорів. Київ, 1974, с. 87.

О. Н. Трубачев

ТАВРСКИЕ И СИНДОМЕОТСКИЕ ЭТИМОЛОГИИ

Настоящие заметки продолжают тему исследований «Indoarica в Северном Причерноморье», результаты которых частично уже опубликованы в статьях: «Temarundam matrem maris. К вопросу о языке индоевропейского населения Приазовья». — Античная балканистика. Предварительные материалы. М., 1975, с. 38 и сл.; «О синдах и их языке». — ВЯ 1976, № 4, с. 39 и сл.; «Лингвистическая периферия древнейшего славянства. Индоарийцы в Северном Причерноморье». — ВЯ 1977, № 6, с. 13 и сл. (то же — Славянское языкознание. VIII Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1978, с. 386 и сл.); «Некоторые данные об индоарийском языковом субстрате Северного Кавказа в античное время». — ВДИ (1978, N 4); «Некоторые данные индоевропейского и славянского языкознания об этногенетических импульсах Северного Кавказа». — Сб-к статей. Махачкала (в печати); «Серебро». — Восточнославянское и общее языкознание. М., 1978, с. 95 и сл.; «Nichtskythisches im Skythien Herodots». — (IF 1977, 82).

Начавшись с выявления следов языка собственно синдов и ближайше родственных им меотов восточного Приазовья, эти исследования постепенно расширили (и, вероятно, не могли не расширить) свою территорию, охватив северный берег Азовского моря, где также жили меоты, согласно Плинию, далее — земли на север от Крыма (Scythia Sindica, Плиний), включая низовья Днепра и Буга (Южного), а главное — собственно Крым. Античная Таврида, Таврические горы и отгороженный ими южный берег полуострова и на этот раз подтвердили свою репутацию зоны реликтов, которой они пользуются, например, в климатологии и биологии. Проблема тавров и их языка из периферийной для нашего исследования выросла в центральную. При этом дело не просто в умозрительном праве этой проблемы на центральное положение, а в том, что здесь еще можно выявить некоторые следы и отражения, вопреки распространенному пессимистическому мнению на этот счет. Сказанное объясняет замысел статьи и наличие в ней соответствующих этюдов.

Иранцы (скифы, сарматы) затем почти полностью освоили все эти районы от Днепра и Буга до Северного Кавказа. Дольше других иранской экспансии в силу ряда причин противостояли

тавры, как бы сохраняя драгоценную для исследования память об ином этническом составе всей зоны. И тут, как и на Ближнем и Среднем Востоке, между индоарийцами и иранцами наблюдается южно-северное распределение и временна́я последовательность, которая позволяет видеть в индоарийцах старых ариев, на смену которым приходили новые арии — иранцы. Конечно, в нижеследующей серии заметок оказалось возможным коснуться только части названных проблем. Написанные на локальном, а иногда — экзотическом материале, заметки эти при малейшей возможности связывались с проблемами более общего значения, как например этюд об отражении древнего названия Крымских гор (а также к вопросу о типологии названия гор вообще), которым мы начинаем статью.

I. ***salā* 'сток, склон' > '(Таврические) горы'**

Может считаться доказанным, что ни этноним Ταῦροι 'тавры', ни название гор в Крыму Ταυρικὰ ὄρη не были туземными названиями, но происходят так или иначе из греческой культурной традиции [1]. Каким же было древнее туземное название и в состоянии ли мы его установить при наших нынешних скудных знаниях древних этнолингвистических отношений на Крымском полуострове? По-видимому, для этого нам придется оставить основу *taur-* по упомянутой причине совершенно в стороне и обратиться от античности к эпохе христианства. Это представляется методологически интересным и оправданным как раз в целях достижения древних данных, заслоненных античной традицией: раннее и средневековое христианство, хотя и восприняло многое из античной культурной традиции, не переняло и не могло перенять всего, а миссионерская деятельность и политика поставили христианский культурный мир в такие новые непосредственные отношения с периферийным язычеством, при которых неожиданно — а хронологически и весьма поздно — могла всплыть дотоле неизвестная древность или, по крайней мере, ее косвенное отражение. Наша задача — воспользоваться такими свидетельствами.

Обращает на себя внимание обозначение значительной части южного Крыма через греч. κλίματα, буквально 'склоны' (κλίμα, -τος — производное от κλίνω 'склонять, наклонять'), встречаемое, например, у Константина Багрянородного (X в.): ... τὴν Χερσῶνα καὶ τὰ λοιπὰ κλίματα [2]. Специфическое употребление этого термина применительно к Крыму вполне ощущается исследователями-историками, которые избегают переводить его как 'область' или

---

[1] Ср. *Толстой И.* Остров Белый и Таврика на Евксинском Понте. Пг., 1918, с. 144; *Соломонік Е. І.* Таври і Тавріка (Про походження етноніма і топоніма). — Археологія 20. Київ, 1976, с. 46 и сл.

[2] *Porphyrogenitus Const.* De administrando imperio. Greek text ed. by Gy. Moravcsik. Budapest, 1949, p. 168 (37, 107^r^).

'(географическая) широта', но сохраняют без перевода, говоря о Климатах или Готских Климатах в Крыму. Существует мнение, что два историко-географических понятия — (Крымская) Готия и Климаты — территориально совпадают [3]. Правда, поскольку Крымская Готия определяется как пространство, занимаемое Крымскими горами от Балаклавы до Судака, включая южное побережье [4], т. е. не что иное как область древних тавров, в которой готы распространились лишь вторично и поверхностно, с неменьшим правом можно сделать важный вывод, что область расселения тавров и прежде всего — Крымские горы — совпадают территориально с Климатами (τὰ κλίματα). Первоначальное употребление греческого названия κλίματα основано, конечно, на его прямом значении 'с к л о н ы', что дает право предположить существование туземного названия, переведенного этим греческим словом.

В географической номенклатуре современного и средневекового Крыма повторяется несколько раз основа *Sal-*, *Сал-*, *Сала*, явно приуроченная к Крымским горам. До недавнего времени в Бахчисарайском, Карасубазарском и Симферопольском районах отмечались населенные пункты с названием Сала (точнее Ени-Сала) [5], едва ли объяснимым из крымскотатарского или турецкого языков, ср. в Камеральном описании Крыма 1784 г. — Енисала, Феттах Сала (неоднократно) и Коджа Сала в Мангупском округе и Енисала — в Карасубазарском [6]. Тюркское происхождение этой топонимической основы маловероятно ввиду наличия примыкающих сюда и тоже тесно связанных с районом Крымских гор названий *Салгир*, *Salusta* (XII в., Идриси, соврем. *Алушта*), *Солхат*, которые все требуют специального рассмотрения (см. ниже).

Объединяющая их основа восходит, как мы полагаем, к и.-е. **sal-* 'течь, текущая вода', старому дублету и.-е. **ser-* 'течь, бежать', ср. др.-инд. *sará-* 'жидкий, текучий', 'подвижный', (субстантивированное) 'водопад'; вообще по своим фонетическим особенностям больше всего подходит древнеиндийский с его глаголом движения *sar-*, представленным также в *-l-* варианте. Из других индоевропейских ср. др.-прусск. *salus* 'дождевой поток'. И.-е. **ser-/*sal-*, обозначавшее быстрое движение прежде всего потока воды, неплохо подходило и для обозначения самого склона, служившего стоком. Присутствующий при этом синкретизм элементарен и не требует разъяснений сегодня; тем более естественным было это слияние обозначений в глазах давних жителей не очень богатых водой долин и равнин, для которых склоны ближайших гор были главными подателями и стоками влаги. Таким путем

---

[3] *Васильев А. А.* Готы в Крыму. — ИГАИМК, т. V. Л., 1927, с. 233.

[4] *Васильев А. А.* Готы в Крыму. — ИГАИМК, т. I. Л., 1921, с. 334.

[5] Список населенных пунктов Крымской АССР. Симферополь, 1927, с. 10, 84, 132.

[6] Камеральное описание Крыма 1784 года. — Известия Таврической ученой архивной комиссии № 6. Симферополь, 1888, с. 41, 42, 48.

получает простое и натуральное объяснение младоавест. *harā*, остававшееся неясным для Бартоломэ [7]. Исключительно интересно употребление этого корня в иранских оронимах, напр. *Эльбрус*, *Эльбурс* из ср.-перс. *Har-burz*, сюда же авест. *Xara-bərəzaitī*. Замечательно то, что ввиду ранней утраты апеллативного значения иран. *harā* авестийское выражение *Xara-bərəzaitī* толкуется в литературе просто как 'высокая Хара', причем интересующая нас часть оставляется без перевода, тогда как мы не видим препятствий для прочтения 'высокий (водо)сток'. Мои западногерманские коллеги проф. О. Семереньи и проф. Г. Шрамм, которым я сообщил устно свою мысль о происхождении необъясненного до сих пор авест. *Xara-bərəzaitī*, решительно возражали против этого, так как обозначение горы от первоначального 'течь, поток' казалось им лишенным подтверждающих аналогий. Изложенные выше соображения, как мне кажется, могли бы показать, что их опасения преувеличены. Еще Аристотель указал на то, что именно обширные плотные массы гор с прохладным воздухом могут накапливать и производить особенно много воды (Aristot., Meteor. I, 14. — Цит. по изд.: Aristoteles. Werke. Bd. 12. Herausg. von E. Grumach. Berlin, 1970, S. 37). К этому можно добавить следующее. Известно, что значение 'гора' относится к числу сложных и вторичных значений; считается, что оно развилось на базе таких простых, первичных значений как 'высокий, поднимающийся, выступающий', 'куча, груда' [8]. В качестве исходной базы для значения 'гора' синонимический словарь Бака приводит также значения 'склон' (лат. *clīvus* 'склон' и 'холм', гот. *hlains* 'холм', родственные лат. *clīnāre*, греч. κλίνω 'наклонять') и 'скользить' (др.-ирл. *sliab* 'гора', родственное др.-в.-нем. *slīfan* 'скользить'). Целесообразно считать, что старая лексема со значением 'гора', относительно семантической эволюции которой мы не располагаем данными, еще недостаточно исследована семантически. Таким недостаточно исследованным случаем лексемы 'гора' является, по-видимому, др.-инд. *girí-*, авест. *gairi-*, слав. *gora* — все со значением 'гора' и общей реконструкцией и.-е. *$g^{u}er$-, *$g^{u}or$- 'гора' [9] (положения не меняет сближение с семантически вторичными соответствиями алб. *gur* 'камень', лит. *girià* 'лес'). Типично именная семантика здесь странно сочетается с типично глагольным (или отглагольным) вокализмом корня *g^{u}r̥-: *$g^{u}or$-; едва ли здесь представлен неапофонический корневой гласный *-o-*, судя по чередованию с нулевой ступенью. Как известно по лучшим образцам семантической реконструкции, общее этимологическое происхождение двух внешне совершенно не связанных рядов форм можно установить по общей позиции нейтрализации. Такой позицией нейтрализации для и.-е. *$g^{u}or$- 'гора' является и.-е.

---

[7] *Bartholomae*. Altiranisches Wörterbuch 1787—1788: «Et.?»
[8] *Buck*, p. 23 и сл.
[9] *Pokorny* I, S. 477.

*$g^{u}r\bar{i}\underset{\frown}{u}\bar{a}$-, относимое некоторыми учеными только к гнезду 'гора' (ср. авест. *grīvā* 'горный перевал', перс. *garīva* 'холм'), а другими относимое только к корню и.-е. *$g^{u}er$- 'глотать, поглощать и т. д.', (ср. др.-инд. *grīvā* 'затылок', перс. *girē* 'шея', слав. *griva* 'волосы на шее', лтш. *grīva* 'устье реки'). Как всегда, позиция нейтрализации доставляет много хлопот ученым, причем первые (см. выше) вынуждены отрицать связь *$g^{u}r\bar{i}v\bar{a}$ с *$g^{u}er$- 'поглощать', а вторые обходят молчанием связь *$g^{u}r\bar{i}v\bar{a}$ и *$g^{u}or$- 'гора'. А между тем разумнее признать, что перед нами единая цепь этимологически родственных форм; нужно лишь логично объяснить при этом природу значения 'гора'. Никого не удивит определение вулкана как горы, извергающей огонь, однако реконструируемое нами значение 'гора' < '*извергающая воду' является в сущности гораздо более универсальным и его манифестация в случае с и.-е. *$g^{u}or$-, слав. *gora* также не должна удивлять (глагольная основа *$g^{u}er$- выступает здесь в значении 'испускать, извергать через уста').

Затемненный характер вышеупомянутого ир. *harā* (*Xarā-bərəzaitī*) объясняется также отсутствием индийского эквивалента. Но, не располагая полным эквивалентом, древнеиндийский материал все-таки обнаруживает отдельные и по-своему очень интересные соответствия. Мы считаем таковым др.-инд. *sāra* в составе сложения *Pīlu-sāra*, название г о р ы (NB!); кстати, эта гора называлась еще *Pīlu-giri* [10].

Древнее туземное **salā* в Тавриде оказывается самобытным архаизмом индоарийской принадлежности (сохранное *s* этимологическое). Предложенная выше этимологическая увязка др.-инд. *girí-* 'гора' с и.-е. *$g^{u}er$- 'пожирать/извергать через уста' позволяет по-иному взглянуть на наличие в древней Индии, наряду с названиями гор на *-giri*, именно названий р е к с этим компонентом: *Candanagiri*, река в Южной Индии, *Antyāgirā*, река в Центральной Индии [11]. Все изложенное выше дает возможность полного этимологического осмысления названия самой большой реки Крыма, берущей начало в Крымских горах — *Салгир*, также *Салгирь* [12]: из индоарийского **sal-gir(i)* 'низвергающаяся с гор Salā'. Обращает на себя внимание индоарийский (древнеиндийский) рефлекс нулевой ступени и.-е. *$g^{u}\underset{\circ}{r}$-: *gir-*. Малоубедительны существующие тюркские этимологии этого гидронима, неизвестного за пределами Крыма, где появление тюркского элемента в ономастике всегда вторично, тогда как другие (т. е. дотюркские) названия этой реки в данном случае попросту отсутствуют. Таково объяснение гидронима *Салгир(ь)* из племенного названия средне-

---

[10] *Monier-Williams M. A.* Sanskrit-English dictionary. New edition. Oxford, 1964, p. 630.

[11] *Law B. C.* Rivers of India (Historico-geographical sketch). Calcutta, 1944, p. 40, 51.

[12] Wörterbuch der russischen Gewässernamen unter der Leitung von M. Vasmer herausg. von H. Bräuer. Lief. 10. Berlin — Wiesbaden, 1967, S. 156.

азиатских туркмен *Салур*, *Салвур*, *Салыр*, *Салор*, *Салгыр*[13], далее — толкование из причастной формы глагола *saltaq* 'бросать', 'пускать', 'расстилать'[14], наконец, этимология В. И. Филоненко, который выделяет здесь тюрк. *кыр* 'степь, горный склон, урочище', но одновременно допускает субстратное, дотюркское происхождение части *Сал-*[15]. Последнее, пожалуй, ближе всего к истине.

Нетюркский, автохтонный характер названия *Салгир* убедительно явствует из предлагаемой ниже этимологии названия Алушты, точнее — древней формы этого названия: *Salusta*, 1153 г., Идриси, также *Schalusta* у Географа Нубийского[16]. Но прежде чем обратиться к этимологии, поучительно будет посмотреть на географическую карту этих мест: истоки реки Салгир и Алушта, вернее Алуштинская долина, близко граничат друг с другом, как бы подтверждая наличие общности у самих названий *Сал-гир* и *Sal-usta*. Повторяемое некоторыми краеведами объяснение названия *Алушта* из местного греческого диалекта ('неумытая')[17] нельзя, конечно, считать подлинной этимологией первоначальной формы *Salusta*. Мы членим последнюю в соответствии со сказанным выше как *Sal-usta*, где первый компонент — реконструируемое название Крымских гор **Sal(a)*, а второй связан с индоевропейским названием уст, рта, ср. др.-инд. *óṣṭha* 'губы, уста'. 'Устье (гор) **Salā*' — это этимологическое значение названия *Salusta* = *Алушта* как нельзя лучше соответствует характеру местности: «Главная дорога из степной части Крыма за горы и к морю пролегает мимо Симферополя, вверх по Салгиру и через Ангарский Богаз в Алушту»[18]. Членение *Sal-usta* и выделение основы **usta/*ōsta* находит поддержку в античном названии *Parosta* (Plin. NH), Παρόστα (Ptol. 3, 6, 5), города, приблизительно локализуемого при впадении реки Карасу справа в Салгир. Надо сказать, что эта условная локализация подтверж-

---

[13] *Навширванов З. Ш.* Предварительные заметки о племенном составе тюркских народностей, пребывавших на юге Руси и в Крыму. — Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии, т. III. Симферополь, 1929, с. 80; *Никонов В. А.* Краткий топонимический словарь. М., 1966, с. 364.

[14] См., вслед за Шапшалом: *Abrahamowicz Z.* Hadży Mehmed Senai z Krymu. Historia Chana Islama Gereja III. Wyd. Abrahamowicz. Warszawa, 1971, с. 40, примеч. 81.

[15] *Филоненко В. И.* К вопросу этимологического анализа тюркских гидронимов Крыма. — УЗ Пятигорского пединститута иностранных языков, т. 28. Ставрополь, 1963, с. 132.

[16] *Кеппен П.* Крымский сборник. О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических. СПб., 1837, с. 104, сноска, 183—184.

[17] *Бертье-Делагард А. Л.* Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде. Записки имп. Одесского общества истории и древностей, т. XXXII, 1915, с. 242—243; *Маркевич А. И.* Географическая номенклатура Крыма как исторический источник. — Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии, т. II. Симферополь, 1928, с. 20.

[18] *Кеппен П.* Указ. соч., с. 326.

дается структурой самого названия, которое можно проэтимологизировать как **par-osta* 'за устьем', возможно, индоарийского происхождения. По всей долине Салгира от Салусты до Паросты, очевидно, сидел один и тот же этнос или во всяком случае близкие племена.

Завершая обзор следов туземного названия Крымских гор **Salā*, упомянем еще один возможный реликт такого рода **sal-gat-*, предположительно восстанавливаемый на основе названия Солхат, в древности обозначавшего город Старый Крым, крупнейший в средневековом Крыму и как бы стоявший на подступах к горному Крыму с востока. Название Солхат, встречаемое в XIV в., восходит, видимо, к более древней эпохе и, судя по употреблению, является для татар чужим [19]. Если не считать неудачной попытки армянской этимологии [20], это до сих пор не объясненное название можно было бы понять как сложение **Salā* (см. выше) и формы, близкой к др.-инд. *gātú* 'путь, доступ', ср. *Pal-ghat*, название перевала в Индии.

II. **pravlīn(a)-* 'раздавленный, поверженный'

Житие св. Стефана Сурожского, особенно эпизод с его посмертными чудесами, получило большую известность в русской истории и истории самого русского имени: какой-то князь именем Бравлин с русской ратью из Новгорода (вар. из русского Новгорода) повоевал землю от Херсона до Корчева и Сурожа. Это было спустя немного лет после смерти святого, т. е. едва ли позже 800 г. Последний момент хронологии, а также то обстоятельство, что местом действия был Крым, очень смущало одних ученых, а других вдохновляло на смелые построения. Даже если считаться с довольно ранним восточнославянским присутствием на берегах Черного и Азовского морей, поход новгородцев против византийских владений в Тавриде в то время маловероятен; столь же маловероятно это с разных точек зрения (около 800 г.!) и относительно варяжских дружин (считать упоминание о Новгороде позднейшей вставкой — тоже не лучший выход из положения). Предполагать в этой русской рати каких-то причерноморских германцев, как это делали некоторые исследователи, значило решиться на акт отчаяния. Скорее всего, однако, мы имеем здесь дело с каким-то другим Новгородом и каким-то особым, местным употреблением имени *русский*, причем и то и другое — в пределах Крыма. Очень перспективное отождествление «русского Новгорода» с Неаполем Скифским близ нынешнего

---

[19] *Смирнов В. Д.* Крымское ханство под верховенством Отоманской Порты до начала XVIII в. СПб., 1887, с. 75; *Старокадомская М. К.* Солхат и Каффа в XIII—XIV вв. — В кн.: Феодальная Таврика. Материалы по истории и археологии Крыма. Киев, 1974, с. 164.

[20] *Якобсон А. Л.* Крым в средние века. М., 1973, с. 105.

Симферополя [21] проливает свет на оба кардинальных вопроса и показывает локальный характер этих военных действий: по одну сторону — прибрежная полоса византийских владений, а по другую — сложный к тому времени этнический конгломерат, населявший горный и предгорный Крым. Кто были эти литературные тавроскифы и достаточно ли констатировать для этих мест и этого относительно позднего времени преимущественно аланское население? Ввиду скудости и двусмысленности письменных свидетельств возрастает значение этимологии, в данном случае — этимологии имен, которая выхватывает прежде неизвестные подробности из тьмы раннего средневековья Тавриды. Но сначала обратимся к интересующему нас месту жития:

Ѡ прихожденіи ратію к Сурожу князя Бравлина из Великого Новаграда. По смерти же святаго мало лѣтъ миноу. пріиде рать велика роусскаа из Новаграда князь Бравлинъ силенъ зѣлѡ. плѣни ѡтъ Корсоуня и до Корча. съ многою // силою пріиде к Соурожу. за 10 дьній бишася злѣ межоу себе. и по 10 дьній вниде Бравлинъ. силою изломивъ желѣзнаа врата. и вниде въ градъ, и земъ мечь свой. и вниде въ церковь въ святую Софію. и разбивъ двери и вниде идѣже гробъ святаго. а на гробѣ царьское ѡдѣало и жемчюгъ и злато и камень драгый, и кандила злата. и съсудовъ златыхъ много, все пограбиша. и в томъ часѣ раз'болѣся. ѡбратися лице его назадъ, и л е ж а п ѣ н ы т о ч а ш е. възпи глаголя, великъ человѣкъ святъ есть иже зде. и оудари мя по лицу, и ѡбратися лице мое назадъ. и рече князь боляромъ своимъ. ѡбратите все назадъ что есте взяли. ѡни же възвратиша все. и хотѣша и князя пояти ѡттуду. князь же възпи, глаголя. не дѣйте мене да лежу, и з л а м а т и б ѡ м я х о щ е т ъ единъ старъ святъ моужь. п р и т и с н у м я, и душа ми изити хощетъ. и рече имъ, скоро выженѣте рать изъ града сего. да не възметъ ничтоже [22].

Загадочное имя князя, которое пробовали производить даже от шведского местного названия Bravalla [23], утратит свою загадочность, если мы в соответствии с указаниями контекста, специально выделенными нами выше, обратим внимание на близость имени *Бравлин* и др.-инд. *pravlīna-* 'раздавленный, поверженный, свалившийся' [24], регулярного префиксально-суффиксального отглагольного производного (*pra-vlī-na-*).

Как отмечает исследователь Жития св. Стефана Сурожского В. Г. Васильевский, русское подробное житие, включая эпизоды

[21] См. *Соболевский А. И.* Топонимические заметки. — Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии, т. III. Симферополь, 1929, с. 1; *Трубачев О. Н.* Лингвистическая периферия древнейшего славянства. Индоарийцы в Северном Причерноморье. — ВЯ 1977, № 6, с. 28.
[22] *Васильевский В. Г.* Труды, т. III, Пг., 1915, с. 95—96.
[23] См., вслед за Н. Т. Беляевым: *Vernadsky G.* Ancient Russia. New Haven, 1943, p. 280.
[24] *Monier-Williams.* Op. cit., p. 694.

посмертных чудес, есть вероятный перевод с греческого [25]. Это отразилось, как нам кажется, и на форме имени, которая передает не столько туземное (видимо, таврское) **pravlīn(a)-*, сколько его греческую запись *Βραβλινος с проведением в последней ассимиляции согласных. Эпизод, несомненно, имеет историческую или фольклорно-историческую основу. Прежде чем таврический сугдейский грек записал этот рассказ, он, вероятно, ходил в устной форме. В нем отражено действительное событие — осада, взятие Сугдеи неким тавроскифским вождем, с которым при этом случился припадок, стоивший ему потом прозвища. Это прозвище греческий автор, а, возможно, и те, кто ему рассказывали, приняли за имя. То, что это прозвище малым штрихом и вместе с тем столь недвусмысленно характеризует этническую принадлежность князя и его среды, сейчас трудно переоценить.

III. **(v)cikita-* '(письменный) знак'

Недавней заменой названия поселка *Никита* в Крыму названием *Ботаническое* [26] стерт еще один след догреческой древности. Мы говорим — догреческой, потому что общеизвестный и «понятный» из греческого вариант *Никита* (νικητῆς [27]) отнюдь не является наиболее ранним и наиболее авторитетным этимологически, вопреки принятому мнению [28]. Наиболее первоначальной формой является зафиксированное в генуэзских списках Кафы пятисотлетней давности *Sikita* [29], как раз непонятное из греческого [30]. Собственно говоря, форма *Sikita* в генуэзских документах восходит к греческому письменному оригиналу, имевшему скорее всего вид *Σικιτα, но эта последняя форма уже совершенно непрозрачна и объектом серьезного этимологического исследования еще не была.

---

[25] *Васильевский В. Г.* Указ. соч., с. CCLXXI.

[26] Мера тем более неудачная, что рядом находится всемирно известный Никитский ботанический сад, получивший в XIX в. название именно по деревне Никита.

[27] Греч. νικητῆς 'победитель в и г р а х' засвидетельствовано в поздних надписях, а в функции имени деятеля 'победитель' широко употреблялось прич. прош. аор. ὁ νικήσας, употребительность которого делала как раз излишним чистое имя деятеля от этого глагола (см. *Chantraine P.* Dictionnaire étymologique de la langue grecque, t. III. Paris, 1974, p. 754).

[28] См. напр. *Бертье-Делагард А. Л.* Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде. — Записки имп. Одесского общества истории и древностей, т. XXXII, 1915, с. 242—243.

[29] *Бертье-Делагард А. Л.* Указ. соч., с. 230.

[30] Другая греческая этимология — из Συκύτα от σύκκος (так см.: *Маркевич А. И.* Географическая номенклатура Крыма как исторический материал. — Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии, т. II. Симферополь, 1928, с. 22; Συκίτης < σῦκον см.: *Белецкий А. А.* Греческие элементы в географических названиях Крыма. — Этимология. 1967. М., 1969, с. 206) тоже неубедительна.

Выше Никиты расположено плато или часть крымской Яйлы — верхняя Никита или Никитская Яйла. «. . .на Яйле, при дороге из Никиты в Бюю́к Ёзёнбаш, есть урочище, называемое Гра́мата, или по-татарски: Язлы (и Язды-) Таш, т. е. камень с надписью. Татары, видевшие оный, сказывали мне, что тут есть на камне надпись, строки в две, не татарская, но вероятно френкская (татары так именуют народ, обладавший некогда Южным берегом). Эта надпись, если действительно существует, вероятно, новогреческая» [31]. Надписи больше нет, в чем я убедился лично, посетив в апреле 1977 г. территорию Ялтинского лесничества и урочище Грамата; но она определенно существовала, потому что мне точно показали на Грамате, у старой заброшенной дороги одиноко стоящий, отдаленно напоминающий стелу, но совершенно выщербленный камень-песчаник, на котором прежнее поколение лесников еще помнило непонятную надпись желтой краской [32]. Надпись безвозвратно утрачена, и остается неясным, была ли она древняя или относительно нестарая, как можно заключить по некоторым преданиям. Здесь остается ждать помощи только от этимологии и ономастики. Грамата (название *Язлы-таш* сейчас не в ходу) — довольно большое пространство земли, скал и леса, и то, что оно получило свое название по одной надписи, говорит о значительности этого факта, а главное — о давности его. *Гра́мата*, *Язлы-таш*, *Язылыкая* [33] или «писаницы» — так обычно называет местное население письмена, дошедшие или оставшиеся от другого, неизвестного народа. Греческое и татаро-турецкое население Крыма тесно общалось друг с другом и было охвачено двуязычием. Во всяком случае о неизвестности тут говорить не приходится. Тем не менее, след забытого древнего местного населения дошел до нас в виде названия *Sikita*, которое оказалось прочнее, чем камень и выкрошившаяся надпись на нем. Принадлежала ли эта надпись таврам или не принадлежала, что вполне возможно, была ли это вообще надпись или какие-либо дописьменные примитивные знаки вроде тех, которые известны из других мест Северного Причерноморья (вспомним то, что отсталые и замкнутые тавры едва ли могли иметь письменность или даже нуждаться в ней), остается фактом преемственное наличие и повторение в этой местности называния 'надпись', 'камень с надписью'. Эту традицию греки и тюрки переняли здесь у более древних туземцев, которыми могли быть только тавры, языку которых, очевидно, принадлежало название *Sikita*, не читающееся ни по-гречески, ни по-татарски. Форма *Sikita*, или, вер-

---

[31] *Кеппен П.* Крымский сборник. О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических. СПб., 1837, с. 22.

[32] Кеппен (указ. соч., с. 174) говорит еще о надписи красной краской. Ср. еще легенду «О письменах на камне близ Никиты» (Крымские легенды. Сост. Вуль Р. М. и Шляпошников В. И. Симферополь, 1957, с. 38 и сл.).

[33] Ср. *Язылыкая* 'Расписанные скалы' с письменами близ Богазкёя, в Турции (см. *Керам К. В.* Узкое ущелье и Черная гора. М., 1962, passim).

нее, *Σικιτα, передает со всей ограниченностью возможностей греческого консонантизма, как мы думаем, таврское (индоарийское) *$\overset{(\check{})}{c}$ikita- 'знак, обозначенное', ср. др.-инд. *cikit*, прилаг. 'знающий, опытный', также личное имя собственное *Cikita*, ср., далее, *cikéti* 'замечать' (родственное авест. *čikayaṯ* 'пусть он покается' отлично семантически) и *cétati* то же.

IV. *$\overset{(\prime)}{s}$alatā 'крыша'

В разысканиях следов языка тавров ограничиваться античными источниками только на том основании, что тавры жили в античное время, значило бы совершенно отказаться от попытки прояснения тайны происхождения их языка. Наше внимание привлек такой источник, как собрание дипломатических документов генуэзских колоний в Крыму середины XV в.[34] Документ CXXXII (1455 г.) содержит изложение обязательств, взятых на себя неким Антонио, Ассерето и направленных на благо города Кафы: promitto me obligare inclito officio sancti georgij custodire et aptari facere s o l a t a s s i u e t e c t o s et schallas omnium turrorum ciuitatis vestre caffe expensis meis proprijs in vita mea [35]. Ассерето обещал печься о сохранности кровель всех городских башен и высказался при этом очень обстоятельно, даже прибегнув к глоссе, поскольку одно употребленное им явно местное слово, не толкуемое ни из итальянского, ни из латинского [36], потребовало перевода на официальную латынь: solatas siue tectos 'solatas, или крыши'. Таврских глосс, как известно, практически не существует, античная письменность их не сохранила для нас, а это придает особый интерес приведенной выше глоссе в относительно позднем документе. Полный контекст и точная передача значения должны, кажется, заставить умолкнуть любой априорный скепсис. Ясно, что речь идет о крыше, а также ясно, что глоссируемое слово продолжает индоевропейскую глагольную основу *$\hat{k}$el- 'прятать, скрывать', откуда, например, др.-инд. *śaraṇá-* 'защитный', (субст.) 'кровля, кров, хижина', также *śā́lā* 'хижина, дом', *śālā́-* 'ограда', далее — греч. καλιά 'хижина, гнездо', καλύβη 'кров, хижина', лат. *cella* 'кладовая, келья', др.-в.-нем. *hala* 'оболочка, кожура' [37]. Засвидетельствованная форма *solata* 'крыша' ближе всего подходит к древнеиндийским продолжениям *$\hat{k}$el- как в фонетическом, так и в семантическом отношении и непосред-

---

[34] *Vigna A.* Codice diplomatico delle colonie tauro-liguri durante la signoria dell' ufficio di S. Giorgio (MCCCCLIII—MCCCCLXXV), t. I (=Atti della Società Ligure di storia patria, vol. VI). Genova, MDCCCLXVIII.

[35] *Vigna A.* Op. cit., p. 322.

[36] Ср.: *Du Cange.* Glossarium mediae et infimae latinitatis, VII. Graz, 1954; *Battisti C., Alessio G.* Dizionario etimologico italiano, V. Firenze, 1957, s. v. *salata*, *solata*.

[37] См. *Pokorny* I, с. 553.

ственно отражает, по-видимому, индоарийское (таврское) *$\acute{s}a$-*latā*, производное с *-t-* суффиксальным. Наиболее проблематичный момент в этой реконструкции — рефлекс палатального задненебного. Поддержку нашей реконструкции мы видим в родственном топонимическом реликте *Челтера* на юго-западе Крыма, ср. особенно форму *Чалтура* в Воронежских актах под 1700 г., которая запечатлела не только шипящий характер согласного, но также и стадию африкаты; последняя форма, кстати, очень близка известному названию города в древней Индии *Śalā-tura*, соврем. *Лахор*.

Весьма вероятно, что описанный случай — не единственный реликт такого рода в упомянутом собрании генуэзских документов в Крыму, ср. например еще такое любопытное название важнейших ворот в Кафе, как *Caiadore* (*porta caiadoris*), не этимологизируемое из итальянского, и по всей видимости, субстратное слово двухчленной структуры со вторым компонентом, родственным др.-инд. *dvār-* 'дверь', авест. *dvar-* 'ворота, двор'.

V. ***gand-aur-* '(местность) с пробитыми каналами'**

Для нижеследующей заметки, имеющей целью воссоздание и этимологию древнего названия одной области меотов восточного Приазовья, находим полезные свидетельства у одного провинциального автора конца прошлого века: «При обзоре нынешней Кубанской области можно без труда заметить, что вся правобережная низменная часть ее изрезана громадной сетью правильно проведенных каналов; очевидно, жители Боспорского царства искусственно содействовали разделению страны на острова; целью прорытия каналов, конечно, была необходимость давать стоки излишним водам при разлитиях Кубани. . .» [38] И далее, там же: «остров. . . от нынешней реки Куркай до г. Темрюка. . . именуется Большой Кандаур». Речь идет о географических объектах, относительно быстро меняющих свое лицо. Например, тот же автор сообщает об исчезновении «уже в наше время» реки Куркай [39]. Малоизвестным стало и название *Кандаур*, если иметь в виду прежде всего упомянутый (Большой) Кандаур, охватывающий значительную часть правобережья нижней Кубани, по которому в старину крупный Курчанский лиман Азовского моря тоже назывался *Большой Кандаур* [40]. Само название *Кандаур* в русской топонимии распространилось несколько шире, причем форма *Кандаур* и непосредственные производные находятся на Северном Кавказе и на Дону: *Кандаур*, селение на реке

---

[38] *Поночевный М. О.* Географический очерк Босфорского царства. — Кубанский вестник, т. II. Екатеринодар, 1891, с. 8—9.
[39] Там же, с. 10.
[40] *Гёрц К.* Археологическая топография Таманского полуострова. М., 1870, с. 11—12.

Ярак-су, быв. Хасав-Юртский уезд, Терская область; *Кандауров* — название ряда хуторов на Дону и его притоках, ср., правда, еще *Кандаурова*, селение в бывшем Александрийском уезде Херсонской губернии. Дальше заходят дальнейшие производные *Кандауровка* (деревни в бывших Курской, Тамбовской, Самарской губерниях), *Кандауровские выселки* (бывшая Рязанская губерния) [41], но тут мы, скорее всего, имеем дело с вторичным функционированием фамилии *Кандауров* и ее производных. Похоже, что эта фамилия распространилась с Северного Кавказа, освоенного русским казачеством. Здесь же, точнее — на нижней Кубани, располагался, по-видимому, эпицентр интересующего нас местного названия *Кандаур*.

Нам неизвестны другие попытки этимологического объяснения названия Кандаур, например из тюркских языков, во всяком случае попытки правдоподобного объяснения всего слова в целом. Оговоримся, что тюркский адстрат или суперстрат сыграл, конечно, свою роль в жизни этого названия, ср. оглушение начального согласного и, возможно, гетеросиллабическая трактовка компонентов древнего дифтонга (см. ниже). В остальном мы имеем здесь дотюркское название. Предлагаемая ниже этимология выявляет, как нам кажется, пример редкой гармонии происхождения слова и характера обозначаемого словом объекта. Что касается характера географического объекта, обозначаемого названием *Кандаур*, — это прежде всего местность, искусственно осушаемая каналами, как было сказано выше. Каналы — очень старый атрибут этой страны и ее культуры, они были старыми еще в I в. до н. э., ср. прямое свидетельство Страбона (XI, 2, 11): Φαρνάκης δὲ ποτε καὶ τὸν Ὕπανιν τοῖς Δανδαρίοις ἐπαγαγεῖν λέγεται διά τινος παλαιᾶς διώρυγος, ἀνακαθάρας αὐτήν, [καὶ] κατακλύσαι τὴν χώραν «Фарнак, говорят, однажды отвел даже течение Гипаниса к дандариям через какой-то старинный канал, который он расчистил, и таким образом затопил их страну» [42]. Дандарии жили в плавнях кубанского правобережья, и именно они оставили нам памятник своей мелиоративной деятельности — упомянутую сеть каналов. Дандарии и синды жили также (в еще более древнее время?) к северу от Крыма, в низовьях Днепра и Южного Буга, и там также они проводили каналы, применяясь к особенностям местности, т. е. в данном случае скорее для орошения, чем для осушения. И об этом сохранилось точное свидетельство: . . .Hypanis per Nomadas et Hylaeos fluit manu facto alveo in Bucen, naturali in Coretum. regio Scythia Sindica nominatur «Гипанис (Ю. Буг. — *О. Т*). течет через (земли) скифов-кочевников и гилеев по р у к о т в о р н о м у руслу в Бугес, а по естественному в Корет. Об-

---

[41] Russisches geographisches Namenbuch, begründet von M. Vasmer, herausg. von H. Bräuer, Bd. IV, Lief. 1—2. Wiesbaden, 1968, 1969, s. v.

[42] Цит. по: *Латышев В. В.* Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе, т. I. Греческие писатели. СПб., 1890, с. 133.

ласть называется Синдская Скифия» (Plin. Naturalis historia IV, 84)[43].

Оставляя открытым вопрос о древности названия *Кандаурова* в Александрийском уезде бывшей Херсонской губернии (см. выше), т. е. на территории только что упомянутой Синдской Скифии, обратим свое главное внимание на название (*Большой*) *Кандаур*, обозначавшее не отдельное селение, а целую область в низовьях правобережной Кубани. Обширность обозначаемого объекта и этимологическая непрозрачность названия говорят скорее о древности названия, чем о его новизне. Основываясь на характере обозначаемой местности, мы объясняем название *Кандаур* как восходящее в конечном счете к субстратному индоарийскому (синдомеотскому) **gand-aur-*, ср. др.-инд. *gandháyate* ʻранить, поражать' и основу, лучше сохранившуюся в древнеиндийском в другой ступени — *vār* ʻвода'. Напрашивается далее, полное отождествление синдомеотского **gand-aur-* / *Кандаур* с др.-инд. *Gandhāra*, иначе *Gandharva-deśa*, названием области, лежавшей по течению реки Кабул=др.-инд. *Kubhā-* в северном Пенджабе [44], сюда же более позднее Qandahar, Kandahar, город в Афганистане (=др.-инд. *Nava-Gāndhāra*, получившее название по первоначальной Гандхаре в Пенджабе [45]); форма *Kandahar* удивительно напоминает фонетическую трактовку нашего *Кандаур*, см. выше. Хотя не все фонетические детали ясны (ср. хотя бы вариацию *Gandhāra* / *Gandharva-deśa* в собственно Индии), связь *Кандаур* / *Gandhāra* / *Qandahar* трудно отрицать. Реальный фон этимологии *Кандаур* < **gand-aur-* ʻ(местность) с пробитыми каналами' тоже вполне очевиден. Функцию глагольной основы **gand-* ʻранить' может прояснить аналогия русск. *ра́нить*: *прора́н*.

Не меньший, пожалуй, интерес представляют, далее, некоторые вскрываемые элементы контекстного параллелизма в употреблении синдомеот. **gandaur-* и др.-инд. *Gandhāra* / *Gandharva-deśa*. Начнем с того, что синдомеот. **gandaur-* / *Кандаур* граничит с рекой *Кубань*, а индийская *Gandhāra* расположена по реке *Kubhā*, Кабул, причем на этимологическое тождество названий *Кубань* и *Kubhā* уже давно обращено внимание. Но дело не ограничивается этим. Рядом с областью *Gandhāra* в Северной Индии упоминается область *Udyāna*, по другим данным входившая в древнюю страну *Gandhāra*, или *Gandharva-deśa* [46]. По-древнеиндийски

---

[43] См. *Латышев В. В.* Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т. II. Латинские писатели, вып. 1. СПб., 1904, с. 172—173; ср. еще: *Ritter C.* Die Vorhalle europäischer Völkergeschichten vor Herodotus um den Kaukasus und an den Gestaden des Pontus. Berlin, 1820, S. 181, 187.

[44] *Dey N. L.* The geographical dictionary of Ancient and Mediaeval India. New Delhi, 1971, p. 60—61.

[45] *Dey N. L.* Op. cit., p. 139. Неоправданный скепсис по этому поводу см. *Bernard P.* Un problème de toponymie antique dans l'Asie Centrale: les noms anciens de Qandahar. — Studia Iranica, t. 3, 1974, p. 181, примеч. 30.

[46] *Dey N. L.* Op. cit., p. 209.

ud-yāna значит 'сад' (буквально 'выход'). Любопытно, что в северо-восточной Синдике, неподалеку от области **gandaur-* / *Кандаур* мы также находим место с названием 'Сады'. Последнее название, известное только в форме греч. Κῆποι, упоминается либо в числе греческих городов (Κῆπός τε ἀποικισθεῖσα διὰ Μιλησίων «Кеп ('Сад'), основанный выходцами из Милета», Anon. Peripl. P. Eux. 46, 47), либо снабжается пометой «так называемые Сады» (τοὺς ὠνομασμένους Κήπους, Aeschin. orationes III; τοὺς καλουμένους Κήπους, Diod. Sic. XX, 24). Такое словоупотребление могло бы указывать на то, что способ называния в этом случае не принесен с собой греками, а позаимствован ими у местного населения. Конечно, это выражено по-гречески, и нам нелегко добиться ответа на вопрос, как же звучало синдомеотское название сада, но обнаруженный выше ситуативный контекст позволяет допустить, что словом 'Сады' (Κῆποί, Κῆπος) греки передавали значение туземного **gandaur-* '(область) с пробитыми каналами'. Под сады использовались, видимо, предварительно осушенные (или, vice versa, орошенные) земли. Специфика местных условий могла создать особое название сада, в отличие от обычного для ряда языков: 'сад' < 'ограда, огороженный участок'. Соседство и даже совпадение *Gandhāra* — *Udyāna* в Индии отражало бы тогда не случай, а давнюю традицию.

VI. *Минтана* < **multana-* 'основное, коренное место'

В основном из турецко-татарских источников относительно позднего времени (XVIII в.) мы можем почерпнуть еще одно ныне уже совершенно позабытое географическое название — *Минтана*. Турецкий трактат об османских крепостях Северного Причерноморья в начале XVIII в. различает, например, между полуостровом Тамань и полуостровом Минтана: «Местность, на которой расположены крепости Темрюк и Тамань, называют Ада-йи шахи (полуостров Шахи), а место, где лежит крепость Ачу, называют Минтана адасы (полуостров Минтана)» [47]. Немецкий географ Крыма XVIII в. свидетельствует об «острове Тамань» следующее: «Татары называют его Ада (остров); местные жители — Минтана. Он очень горист и морской берег высок и крут. . . Жители — ясы (цихи), говорящие по-черкасски» [48]. Некоторое несогласие в свидетельствах относительно приуроченности названия *Минтана* не подрывает целиком достоверности факта существования самого названия, которое, видимо, не было татарским, как, впрочем, и чер-

[47] *Весела З.* Турецкий трактат об османских крепостях Северного Причерноморья в начале XVIII в. — В кн.: Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы, под ред. А. С. Тверитиновой. II. М., 1969, с. 124.

[48] *Тунманн.* Крымское ханство. Пер. с нем. изд. 1784 г. Симферополь, 1936, с. 70.

кесским [49]. Если принять во внимание неизбежность изменения в иноязычной среде, можно предположить, что форма *Минтана* продолжает более древнюю форму *multana, ср. название области в нижнем течении Инда Mūltān в Индии; последнее восходит к др.-инд. *Mūla-sthāna-*, собственно 'основание', 'главное место' [50]. Любопытно сообщение арабского путешественника XIV в. Ибн-батуты, называющего Мултан «столицей синдской земли» [51]; напомним, что и приазовская Минтана помещается в античной Синдике или рядом с ней. Конечно, может вызывать сомнения новоиндийский или «народный» фонетический облик **multana-*, реконструируемый для приазовского названия *Минтана*, поскольку этимологически он объясняется из др.-инд. *Mūla-sthāna-*, но подобные пракритизмы не редкость даже в наших небогатых индоарийских данных по Северному Причерноморью. Если предположение относительно *Минтана* < **multana-* < др.-инд. *Mūla-sthāna-* окажется верным, то целесообразно принимать его во внимание при решении вопроса о происхождении др.-инд. *mūla-* 'корень', лежащего в основе этого слова (индоевропейское или дравидское?) [52].

И последнее: к числу загадок, которые не только не решены, но даже еще не выдвигались в науке, можно отнести порядок расположения следующих областей и племен в древнем меотском Приазовье. Как уже отмечалось, ближайшая к Синдике или совпадающая с ней область — это Минтана < **multana-* < Mūla-sthāna-. Дальше, вплоть до Актара (нынешнего Приморско-Ахтарска) Тунманн отмечает наличие особого народа Буртани, или Бриттани, «племя, отличающееся от черкассов и от ногайцев» [53], с чем нельзя не соотнести достаточно древнее *Britani*, название одного из боспорских городов у Равеннского Анонима [54]. В заключение перечня вспомним географическое название Μιτραίων ὄρη 'горы (племени) mitraia-'(Luc. Tox.), помещаемое Лукианом несколько в стороне от Меотиды (Азовского моря). Порядок этот покажется вовсе не случайным, если обратить внимание на то, что «древнеиндийская армия имела различные источники формирования и по характеру делилась на «наследственные» (маула), «наемные» (бхрита-), . . . «союзные» (митра). . .» [55] Историки время от времени поднимают вопрос — существовал ли союз

---

[49] Название *Минтана* в адыгских языках неизвестно и не объясняется из них (консультация А. К. Шагирова).

[50] *Sircar D. C.* Studies in the geography of Ancient and Medieval India. Delhi—Patna—Varanasi, 1960, p. 44; *Dey N. L.* The geographical dictionary of Ancient and Mediaeval India. New Delhi, 1971, p. 133; *Monier-Williams.* Op. cit., p. 826—827.

[51] Цит. по: *Тизенгаузен В.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884, с. 286.

[52] См.: *Mayrhofer* II, p. 667.

[53] *Тунманн.* Указ. соч., с. 69, 74.

[54] Ravennatis Anonymi Cosmographia et Guidonis Geographica. Ex libris manu scriptis ediderunt M. Pinder et G. Parthey. Berolini, 1860, p. 172 (V, 10).

[55] Культура древней Индии. Отв. ред. А. В. Герасимов. М., 1975, с. 382.

меотских племен и под чьим началом, но обсуждение этого вопроса вскоре само собой гаснет из-за недостатка фактов, тогда как реконструируемая выше цепочка как будто показывает, что меотский союз с центром в Синдике, очевидно, существовал, а также, возможно, что в древнем Приазовье установимы зачатки индоарийской военноадминистративной системы с ее использованием найма и союзничества.

VII. русск. диал. *тарапа́н* < **tara-pāna-* ʻложе виноградного пресса'

В этом этюде мы затрагиваем вопрос сохранения в русских местных говорах отдельных субстратных слов-реликтов интересующего нас происхождения. В словаре Даля слово *тарапа́н* ʻкаменное корыто или деревянный ларь, в котором давят, топчут виноград' дано как новороссийское и татарское [56]. Последняя помета способна ввести в заблуждение, так как тюркской этимологии названное слово не имеет, поэтому целесообразнее видеть в этом указание на район бытования, т. е. Крым (см. также ниже). Фасмер считает слово темным [57]. В связи с этим имеет смысл попытаться найти этимологию этого локального слова. Его ограниченно местное распространение по Далю подтверждают сведения из картотеки Словаря русских народных говоров (Ленинград), представленные двумя примерами, связанными с Крымом: А в случае продажи всех вин из-под тарапана или вскоре по слитии их с дрожжей кавист напрасно будет получать деньги и содержание: ему нечего делать (А. И. Казначеев. Письмо Н. Н. Раевскому 19 июня 1839 г. Архив Раевских III, 165 [58]); *Тарапан*, или *тарпан*. Корыто, выдолбленное в цельном камне, различной вместимости, от 15 до 20 ведер. В них в Бельбекской долине, Таврической губернии, вытаптывают виноградное вино (В. П. Бурнашев. Опыт терминологического словаря сельского хозяйства, промыслов и быта народного, т. III. СПб., 1844, с. 314 [59]). Виноградарство в Крыму имеет дотатарскую и даже, видимо, догреческую давность. Во всяком случае винодельческий термин *тарапан* не связан с греческим языком. Сама же реалия — каменный сосуд для выдавливания винограда или массивное каменное ложе рычажного винодельческого пресса, снабженное желобом и сливом, — находка,

---

[56] *Даль* IV², с. 391.
[57] *Фасмер* IV, с. 22.
[58] Известные своим виноградарством имения Раевских находились близ Аю-дага, на Южном берегу Крыма.
[59] Имеющееся, далее, в картотеке Словаря русских народных говоров *тарпа́н* м. р. ʻприспособление для резки камыша, стеблей кукурузы в виде небольшой косы' (в говоре казаков-некрасовцев, в дельте Дуная) — совершенно особое слово, восходящее к греч. δρέπανον ʻсерп' через явное тюркское посредство (оглушение начального согласного, ликвидация группы согласных в начале слова и т. д.).

встречающаяся при археологических раскопках древнего Боспорского царства [60]. Любопытно, что находки таких виноградных прессов-тарапанов отмечены и в древних поселениях тавров в нагорном районе Херсонеса [61], следовательно, практически в тех же местах, где дожило до нашего времени слово *тарапа́н*.

Принцип тарапана как ложа, снабженного желобом, состоит в том, чтобы сок винограда, уступая давлению пресса, стекал по желобу, не переливаясь по сторонам. В связи с этим мы предполагаем, что слово *тарапан* восходит к субстратному **tara-pāna-*, буквально ʽзащита от перехода (здесь: переливания через край)'. Эта древняя форма не сохранилась, хотя сложение подобного типа мы видим, например, в др.-инд. *vāta-pānam* ʽзащита от ветра' [62]. Оба компонента *tara-* ʽпереход' и *pāna-* ʽзащита, укрытие' представлены в отдельности как в индийском, так и в иранском, причем в иранском известен ряд сложений со вторым компонентом *-pāna* (авест. *pəšu-pāna-* ʽхранитель моста', šōiϑrō-pāna- ʽстраж жилища', согд. **arspān* ʽхозяин', ир. **fšu-pāna-* ʽпастух', согд. **pardezpān* ʽначальник парка', йидга-мунджан. *xal'fān* ʽкожаный мешок для муки', ягноб. *añgušpāna* ʽнаперсток', буквально ʽхранитель пальца'). Однако следы субстратного слова **tara-pāna-* ведут в горный и южный Крым, а это в наших глазах ослабляет вероятие его иранского происхождения и, наоборот, усиливает возможность наследования из языка местных индоарийцев.

---

60 *Гайдукевич В. Ф.* Боспорское царство. М.—Л., 1949, с. 106, 108, 169, рис. 29; *Он же*. История античных городов Северного Причерноморья (краткий очерк). — В кн.: Античные города Северного Причерноморья. Очерки истории и культуры I. М.—Л., 1955, с. 106; *Он же*. Виноделие на Боспоре. — В кн.: Материалы и исследования по археологии СССР № 85. Боспорские города. II. М.—Л., 1958.

61 *Дьяков В. Н.* Древняя Таврика до римской оккупации. — ВДИ 1939, № 3, с. 85.

62 См. *Wackernagel J.*, *Debrunner A.* Altindische Grammatik, Bd. II, 2. Göttingen, 1954, S. 186.

Вяч. Вс. Иванов

РАЗЫСКАНИЯ В ОБЛАСТИ АНАТОЛИЙСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ. 9—16

9. Лув. *parta/i-* 'сторона': лат. *pars*

В лувийских ритуалах часто встречается существительное *parta/i-* 'сторона' [1], 'часть', чаще всего в сочетании 'четыре стороны' ('части' человека: спина, живот, левая сторона, правая сторона): lalaiddu-tta papradu-tta IV-ti *partati* 'Пусть он их возьмет, пусть он их прогонит с четырех сторон', KUB XXXV 43 II, 12; mauwati *partati* 'с четырех сторон' KUB XXXV 54 III 10. Семантически, фонетически и морфологически несомненным представляется сравнение с лат. *pars* < **parts*, род. п. *partis*, отлож. п. *partī* (у Плавта, Persa 72) 'часть'. Слово может быть отнесено к числу особых анатолийско-латинских сходств в древней ритуальной лексике.

10. Хетт. *ḫappina* 'пламя очага': др.-исл. *ofn* 'очаг'

В архаичных по словоупотреблению хеттских текстах обрядов военной присяги форма направительного падежа *ḫappina* означает 'в пламя очага' [2], что делает возможным этимологическое отождествление этого слова с др.-исл. *ofn*, др.-англ. *ofen* 'очаг, печь', др.-в.-нем. *ovan* (герм. **ófna-*, огласовка *o* корня) и греч. ἰπνός 'печь, кухонный очаг' (микен. *i-po-no*), ἰπνίτης (ἄρτος 'хлеб, выпеченный в печи', ἰπνεύω 'пеку в печи', прусск. *wumpnis* 'хлебная печь' (со ступенью редукции, давшей балт. *u* в позиции между **H* и согласным, ср. лит. *upė* 'река': хетт. *ḫap-* [3]).

11. Хетт. *dandukeššar* 'смертные'

Хетт. *dandukeššar* 'смертные', 'люди' представляет собой собирательную форму с суффиксом *-eššar*, по функции соответствующую хеттскому префиксу *ḫa-* в *ḫafifun(an)* 'люди' в билингвах, относящихся к числу характерных для хаттской (и переведенной с хаттского древнехеттской) поэзии обращений на «языке

---

[1] К определению значения см. *Laroche E.* Dictionnaire de la langue louvite. Paris, 1959, p. 80, 148, 154.

[2] *Oettinger N.* Die Militärischen Eide der Hethiter (StBo T, Heft 22). Wiesbaden, 1976, S. 8, 9, 29.

[3] *Stang Chr. S.* Ergänzungsband. Register, Addenda und Korrigenda zur Vergleichenden Grammatik der Baltischen Sprachen. Oslo—Bergen—Tromsø, 1975, S. 45. — Более подробно данное фонетическое соотношение рассматривается автором в специальном исследовании.

людей и на языке богов»[4], например, хатт. ut-ḫu-ru-u le-e- ^{d}UTU ḫa-u̯a$_{a}$-aš-ḫa-ui$_{i}$ ka-aš-ba-ru-u-i̯a-aḫ 'Будь милостиво, Солнце! Среди людей ты — богиня Солнца, среди богов ты — сияющий лучезарный (небесный) свет', KUB XXVIII 75 II 20—23, др.-хетт. tu-u̯a-at-tu ^{d}UTU-i [*da-an-du-ki-eš-ni*] ^{d}UTU-uš zi-i-ik DINGIR^{MEŠ} -na-ša iš-tar-na la-lu-u [k-ki-ma-aš zi-ik], 205/S+Vs II 11—12[5] (текст написан древним пошибом и относится, следовательно, к эпохе Древнего Царства). Подобно тому, как хатт. *kašbaru̯i̯aḫ* передано исключительно архаичным образованием индоевропейской древности хетт. *lalukkima-* 'лучезарность, лучезарный' (ср. др.-инд. вед. *rukma-* 'блестящий', тох. В *lyukemo*[6]), хатт. *ḫafifunan* 'людей, смертных' передано производным на *-eššar* от архаической основы др.-хетт. *danduki-* 'смертный, человек'. Эта последняя восходит к основе с редупликацией типа др.-ирл. *con-ro-deda* 'исчез'[7] от индоевропейского *d^{h}ew-* 'исчезать, умирать' (ср. гот. *diwans* 'смертный', семантически совпадающее с хетт. *danduki-*). Данное соответствие представляет значительный интерес для сопоставления с синонимичными производными от корня *mer-* 'умирать' в другом диалектном ареале.

12. Хетт. *ḫurki-* 'колесо': тох. А *wärkänt-*

Хетт. *ḫurki-* 'колесо' в техническом значении имеет соответствие только в тохарском: тох. А *wärkänt-* 'колесо', В *yerkwantai* 'колесо', *yerter* <**wärkter*) 'обод'. Возможные соответствия этому

---

[4] *Laroche E.* Hattic deities and their epithets. — Journal of Cuneiform Studies, vol. I, 1947, p. 87—216; *Friedrich J.* Göttersprache und Menschensprache in hethitischen Schrifttum. — In: Sprachgeschichte und Wortbedeutung. Festschrift A. Debrunner. Bern, 1954, S. 135—139.

[5] Напечатано впервые: *Neu E.* Der Anitta-Text (St. Bo T, Heft 18). Wiesbaden 1974, S. 126. С хатт. *le-e-*^{d}UTU явно связано хатт. *le-eštan* (*li-iš-ta-an*) 'Его — День (Солнце)' ср. *Kammenhuber A.* Das Hattische. — Handbuch der Orientalistik, 1 Abt., Bd. 1, 2 Abschnitt, Lieferung 2. Kleinasiatische Sprachen, Leiden/Köln, 1969, S. 472, ср. к такому построению имени бога отчасти синонимичное ему др.-хетт. Šiu-šummiš 'Бог (Солнца—Неба) — Наш' (*Neu E.* Op. cit., S. 119 и след.). Согласно Камменхубер (*Kammenhuber A.* Op. cit., S. 447) *kašbaru̯i̯aḫ* связано с (*i*)*i̯aḫ* 'небо', но ср. о возможности предположенного Ларошем выделения суф. жен. р. *-aḫ* в этом слове (ср. *katt-aḫ* 'царица' по отношению к хаттской Солнечной Богине Eštan, к которой прилагаются оба эти слова): *Bin-Nun Sh. R.* The Tawananna in the Hittite Kingdom (Texte der Hethiter, herausgegeben von A. Kammenhuber, Heft 5). Heidelberg, 1975, S. 36.

[6] См. *Иванов В. В.* К типологии инфинитива в балканских языках. — В кн.: Славянское и балканское языкознание. Проблемы морфологии современных славянских и балканских языков. М., 1976, с. 227—229. Ср. также редупликацию, сходную с хеттской, в архаических древнеиндийских формах от основы *roruc-* < **louluk-*.

[7] См. о формах этого глагола *Thurneysen R.* A grammar of Old Irish. Dublin, 1946, p. 475, § 772; *Льюис Г.*, *Педерсен Х.* Краткая сравнительная грамматика кельтских языков. М., 1954, с. 417, § 533.

хеттскому слову в ритуальных употреблениях в других языках [8] скорее всего следует истолковать как свидетельство архаизма этого (как и других недавно обнаруженных [9]) хетто-тохарского лексического сходства. Наличие общего хетто-тохарского названия колеса весьма существенно с культурно-исторической точки зрения.

13. Хетт. *karatan dai-* 'вложить внутренность': лат. *crēdō*

Многолетние споры относительно возможности возведения лат. *crēdō* 'верю', др.-инд. вед. *śrad dhā-* и авест. *zrazdā*, пехл. *srāδ* 'ставка=залог' [10] к сочетанию индоевропейского названия сердца с глаголом 'ставить, класть' можно считать решенными благодаря обнаружению в чрезвычайно архаическом хеттском тексте о детях царицы Каниша (Несы) именно такого сочетания. В том месте повествования, где боги не хотят, чтобы сыновья царицы узнали своих сестер, сказано: nu-uš-ma-aš DINGIR^DIDLI^-eš ta-ma-i-in *ka-ra-ta-an da-i-ir* (A Vs 16) 'И им боги другую внутренность вложили' [11]. Как в этом древнем тексте, так и в ряде других [12], *karat-* имеет значение 'внутренность, вместилище мыслей'. Сочетание этого слова с глаголом *dai-* < *$*d^heH$-* 'класть, ставить' могло относиться как к подлинному, изначально присущему состоянию (откуда 'верить' с дальнейшим развитием типа рус. *поверить в долг*), так и к состоянию необычному, вызванному «подменой» истинной сущности (как в рассказе о детях царицы). В древнехеттском языке существительное в этом сочетании еще могло изменяться по падежам, в древнеиндийском оно могло отделяться другими словами от глагола, тогда как в авестийском и латинском (как и в др.-ирл. *cretid*) сочетание стало неразложимым.

---

[8] *Иванов В. В.* Реконструкция индоевропейских слов и текстов, отражающих культ волка. — Известия АН СССР. Серия литературы и языка, 1975, т. XXXIV, 5, с. 404; *Он же.* Язык как источник при этногенетических исследованиях и проблематика славянских древностей. — В кн.: Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев. Методология и историография. М., 1976, с. 34, 35, 38, прим. 35.

[9] *Poetto M.* Una corrispondenza eteo-tocaria. — In: Scritti in onore di Giuliano Bonfante II. Brescia. 1976, p. 717—721. Обзор предшествующих этимологий: *Windekens A. J. Van.* Le tokharien confronté avec les autres langues indo-européennes. Louvain, 1976, p. 618.

[10] *Периханян А. Г.* Сасанидский судебник «Книга тысячи судебных решений» (Mātakdān ī hazār dātastān). Ереван, 1973, с. 522.

[11] *Otten H.* Eine althethitische Erzählung um die Stadt Zalpa (St Bo T, Heft 17), Wiesbaden, 1973, S. 6, 7, 33.

[12] *Meriggi P.* Zu einigen Stellen hethitischer historischer Texte. — In: Festschrift H. Otten. Wiesbaden, 1973, S. 207.

14. Хетт. *peda-* 'принести': прусск. *pīdai*

Хетт. *peda-* 'нести, принести', иногда толкующееся как сложение с приставкой *pe-* (в хеттском означающей, однако, движение прочь от говорящего), семантически тождественно прусск. *pīdai* 'приносить', *perpīdai* 'принесли'. Этимологическая связь этих глаголов возможна при допущении развития хетт. *e* в этом слове из дифтонга *ei*, другая ступень огласовки которого может быть отражена в прусск. *pīdai*. Характерна постоянная передача основы посредством написаний типа *pé-e-ta-* (1 л. ед. ч. наст. вр. *pé-taḫ-ḫé*) в древнехеттском [13]. Альтернативным фонетическим истолкованием этой этимологии могло бы быть принятие чередования **pēd-/*pōd-* в балтийском [14].

15. Лув. *arma-* 'месяц'

В свете данных анатолийских языков диалектология индоевропейских названий месяца и луны предстает в новом свете. По способу образования этих названий противополагались индоиранские языки, образовывающие название месяца посредством суффикса от корня **meH-* 'мерить', 'измерять время' и сохраняющие при этом древнее тождество значений 'месяц' — 'луна', и другие индоевропейские языки, использующие основу **meH-n-* и вводящие при этом словообразовательную (как в германском, литовском, части славянских) или лексическую дифференциацию названий месяца и луны [15]. Хеттский язык сохраняет свидетельство использования корня *meH-* в архаичном значении в хетт. *meḫur* 'время', но название луны — месяца во всех анатолийских языках образовано от другой основы: хетт. *arma-* (ср. *armaḫḫ-* 'быть беременной'), лув. *arma-*, лик. *arma-*, *erme*. Представляется возможным предложить сравнение первой части слова с первой же частью др.-исл. *ár-tali* 'месяц' (буквально 'считающий годы'), выступающей в качестве кеннинга в архаическом поэтическом языке [16]. Исчезновение начального **i-*, предполагаемого индоевропейской праформой, в хеттском встречается и в ряде других

---

[13] Основные контексты употребления древнехеттского глагола см.: *Josephson F.* The function of the sentence particles in Old and Middle Hittite (Acta Universitatis Upsaliensis, Studia Indoeuropaea Upsaliensia, 2). Uppsala, 1972, p. 141—144.

[14] См. обзор разных точек зрения на фонетическую предысторию прусского глагола: *Schmalstieg W. R.* An Old Prussian Grammar; the phonology and morphology of the three catechismis. Pennsylvania, 1974, p. 171, также p. 162.

[15] *Ondruš Š.* Die ursprüngliche morphematische Struktur der indoeuropäischen Benennung des Mondes und des Monats. — In: Recueil linguistique de Bratislava, vol. II. Bratislava, 1968, S. 192.

[16] Исключительный семантический архаизм древнеисландского кеннинга, ставящий его на одну ступень с общеиндоевропейским названием месяца, был проницательно отмечен Шерером: *Scherer A.* Gestirnnamen bei der indogermanischen Völkern. Heidelberg, 1953, S. 63.

слов (*eu̯a-* 'ячмень', *ekuna-* 'холодный'). Значительно менее ясной является семантика второго компонента. Заманчиво было бы предположить здесь не суффикс *-ma*, как в упомянутом выше *lalukkima-* 'лучезарность', а след древнего сложения, семантически сходного с древнеисландским: **i̯ar-meH-* 'годов' измеритель', но этому как будто противоречат фонетические особенности формы (не только утрата конечного ларингального, допустимая в конце слова, но и огласовка *a* корня).

16. Хетт. *aniššan* 'тогда, в то время'

Хетт. *anniššan* 'прежде, раньше, тогда, во время оно, в то время' (ср. в хеттских договорах an-ni-ša-an-ma ku-it *A. NA* [I] Maš-ḫu-lu-u̯a IBILA NU. GÁL e-eš-ta 'Но поскольку в то время у Масхуилува не было наследника' [17]) принадлежит к числу местоименных наречий типа часто употребляемого *kiššan* 'таким образом, вот так'. Его основа *an(i)-*, в древнехеттском встречающаяся (хотя и редко) самостоятельно и засвидетельствованная в других анатолийских языках (в лувийском), представляет значительный интерес для удостоверения древности временного значения у и.-е. *en-/on-* (ср. напр., соответствующие значения у родственного местоимения в славянском).

Принятые сокращения

MVAeG — Mitteilungen der Vorderasiatisch-Ägyptischen Gesellschaft
StBo T — Studien zu den Boğazköy — Texten.

[17] *Friedrich J.* Staatsverträge des Hatti-Reiches in Hettitischer Sprache, I (MVAeG 31/1), Leipzig, 1926, S. 112, § 7, c. 13.

Э. П. Хэмп *

ФОРМЫ *THO/THE* У БУСБЕКА

В своей диссертации, недавно представленной Калифорнийскому университету (Беркли, 1973 г.), Макдональд Стернс-младший дал превосходный и детальный новый очерк и анализ всего корпуса крымскоготского языка и исследований о нем. В ходе изложения Стернс обсуждает вокабулу (или вокабулы), которую Бусбек приводит в виде *tho/the*.

В исследованиях по крымскоготскому языку как будто принято видеть в этих формах готский, т. е. германский артикль (или старое указательное местоимение). Не говоря о том, что такое объяснение заставляет нас оставить в стороне формы именительного падежа *sa*, *so*, возникает также потребность в объяснении *t*(*h*) как рефлекса *þ*.

Целью настоящей заметки является предположение, что эта вокабула, возможно, вовсе не была готской в тот момент, когда Бусбек ее услышал. Прежде чем перейти к своим спискам слов, Бусбек высказывает следующее замечание: «omnibus vero dictionibus præponebat articulum *tho* aut *the*. . .» Высказывалось мнение, что этот артикль ставился только перед именами, но Бусбек говорит другое, и я полагаю, что его можно понимать дословно.

Мы должны иметь в виду, что информант Бусбека был носителем греческого языка. Когда я занимался полевой работой в районах с греческим языком, мне часто приходилось слышать, как двуязычные индивидуумы употребляют греческий артикль среднего рода τό перед формами независимо от их содержания или языка, а также независимо от части речи. Артикль служит просто для номинализации приводимой формы.

Было бы интересно проверить эту версию в Крыму на современных носителях греческого языка.

Перевел с английского *О. Н. Трубачев*

Я. Г. Сулейманов

ОБ ОДНОМ ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ СВИДЕТЕЛЬСТВЕ ЗОРОАСТРИЗМА У АВАРЦЕВ

Тема нашей статьи непосредственно связана с названием одного из двух божеств зороастризма — Аримана (Ahrimán), по-видимому, отложившимся в аварской фольклорной традиции. Оставляя в стороне исторические доводы в пользу существования зороастризма в средневековом южном Дагестане (в районе Дербента), которые полнее, чем у какого-либо другого автора, систематизированы в известной работе А. Р. Шихсаидова [1], мы остановимся на интересных данных аварского средневекового фольклора и, отчасти, творческого наследия классика аварской поэзии конца XIX—начала XX в. Махмуда из Кахабросо.

Обращаясь к соответствующему народнопесенному контексту, необходимо подчеркнуть, что аварский фольклор пока еще, к сожалению, так редко привлекающийся исследователями как возможный источник истории языка и народа, в условиях отсутствия древней письменности может сослужить полезную службу в различных отношениях. Достаточно заметить, что целый ряд лексем, почти неупотребительных в современном разговорном языке, оказывается засвидетельствован по существу лишь в фольклоре. Одной из них и является аварский фольклорный термин *яриман*, обративший на себя наше внимание. Эта лексема прежде всего встречается в женских народных песнях, записанных нами со слов знаменитой аварской певицы Бегуна (ум. 5 марта 1953 г.) из селения Ахалчи Хунзахского района Дагестанской АССР, воспетой аварскими поэтами-классиками Чанкой, Махмудом и Гамзатом.

1. Гьадав хIалихьатил хIаллил магьари,
ХIатIикь ккун, цIалаан, тIелеб лъанани.
ХIама *яриманил* лъабабгоги цIар,
ЦIамухъ бичилаан, кодой шванани.

Того негодяя насильственный кебин,
Тянула бы, держа под ногой, коли знала, что он разорвется.
Ишака негодяя и то венчание,
Продала бы (я) за соль, если бы досталось мне в руки оно.

---

[1] *Шихсаидов А. Р.* Распространение ислама в Дагестане (VII—XV вв.). Махачкала, 1959 г. (Рукопись канд. дис.).

2. Гьадав хIалихIатил къвалакьалдаса,
КъулгIадул росониб лъинлъун бокьила.
Огь *яриманазул* хьолбохъалдаса,
Борхатаб магIарде чанлъун бокьила.

Чем быть под мышкой того негодяя,
(Я) хочу быть водой в водопойном бассейне (корыте).
Чем находиться под боком, ах, у этих негодяев,
(Я) хочу быть дичью на высокой горе.

3. РекIелъ чаран гьечIев чидар васасде,
Дир бицараб рагIи гIадада хвана.
Чорхолъ ияхI гьечIев *яриманида*,
Дир бикьараб ургьел къотIноб шушана.

Напрасно пропало слово, сказанное мною чужому парню,
Нисколько твердости (стали) у которого нет в сердце.
Дума, которой я поделилась с бесстыжим негодяем,
Распространилась на улице, среди людей.

4. Вай хIалихьат хваги, хIалихьат хваги,
ХIелкица малги чIван, хIалихьат чIваги.
Вай *яриман* хъвеги, *яриман* хъвеги,
ХинкIал чIван росулеб санидул гIучIалъ.

Ой, да пусть умрет лентяй, да умрет лентяй,
Ляганье петуха да убьет негодяя!
Пусть зарежут негодяя, да зарежут негодяя
Хинкальной облепиховой палочкой!

Ср. также следующий куплет из песни Махмуда:

5. Дуе бицун рагIи дир холаро, вас,
Хиялазул цIеца дун юхIаниги.
Хваниги чIеларо *яриманида*,
Яравул гьабун те дурго чуялъе [2].

Тебе данное слово я сдержу, парень,
Если даже сомнений огонь сожжет меня.
Ни за что не останусь с мерзавцем жить,
Подготовь, парень, свою лошадь!

Как видим, слово *яриман* служит в этих четверостишиях для обозначения отрицательного типа супруга (мужа-негодяя, мужа-мерзавца) в противоположность любимому (светлому, доброму) человеку (ср. первое, второе и пятое четверостишия) [3].

---

[2] *Шахтаманов ГIумар-ХIажи.* ХъахIабросолъа МахIмуд. МахIачхъала, 1956, с. 55.

[3] В третьем четверостишье слово *яриман* употреблено как синоним бесстыжего (злого) обманщика, а в четвертом — для обозначения негодяя, но

Относительное сходство звучания и значения среднеперсидского *Ahrimán* и аварского *яриман* позволяет предположить, что второе может представлять собой известное отражение первого. Если это верно, то лексема *йариман* (*яриман*), отличная от среднеперсидского *Ahrimán* наличием *й* в анлауте и отсутствием *h*, а также местом ударения, что объясняется на аварской почве, заимствована в аварский либо непосредственно из среднеперсидского, либо через посредство какого-нибудь иного языка, на почве которого было закономерно появление протезы *й*. Поскольку для аварского языка последнего тысячелетия трудно ожидать появления протезы *й* перед гласным в абсолютном начале слова (это вытекает из анализа других подобных заимствований), исключается возможность ее вставки на аварской почве. В то же время для суждения о более древней судьбе заимствованных слов в аварском языке пока нет достоверных данных. Поэтому исключить возможность протезы *й* на более раннем этапе, чем последнее тысячелетие н. э., для аварского языка также нет оснований. Таким образом, окончательное решение данной задачи зависит от правильного объяснения не столько выпадения *h*, сколько развития *й* в анлауте слова *яриман*.

Все сказанное дает основание предположить, что лексема *яриман*, равно как и выражаемое ею понятие, в аварском языке представляет собой либо непосредственный след зороастризма у аварцев (переносное употребление названия злого бога Ahrimán), либо заимствование посредством фольклорных и литературных контактов. Поскольку для доказательства того или другого пока нет достаточных данных, этот вопрос остается открытым. Однако мы отдаем предпочтение первой возможности. Во-первых, потому, что северные аварцы, в фольклоре которых и находим данное слово, по уже высказанному в печати мнению, в прошлом могли локализоваться южнее закатальских аварцев и цахурцев [4] (в соседстве с картвелами — грузинами). Во-вторых, именно в южном Дагестане, не говоря уже о Закавказье, исторически засвидетельствовано распространение зороастризма. Вместе с тем, следует думать, что соответствующее понятие зороастрийской доктрины вместе с закрепленным за ним термином едва ли могло бы занимать прочное положение в аварской культурной и языковой традиции вне факта его распространения в указанном авароязычном ареале.

в полушутливой форме. Последнее значение, судя по его пониманию подрастающим поколением, по-видимому, вторично.

[4] *Сулейманов Я. Г.* Этимологические изыскания. — Учен. зап. Ин-та истории, языка и литературы Даг. филиала АН СССР, т. XIII (Серия филологическая). Махачкала, 1964, с. 117—118.

О. И. Виноградова, Г. А. Климов

ОБ АРМЕНИЗМАХ В ДАГЕСТАНСКИХ ЯЗЫКАХ

Проблема армянско-кавказских языковых взаимоотношений естественным образом вырастает из общего контекста длительных этнокультурных контактов носителей армянского и кавказских языков. Поэтому наряду с постановкой вопроса о так называемых «яфетических элементах» в индоевропейском армянском языке, получившего свою разработку в трудах Н. Я. Марра, Г. А. Капанцяна и ряда других авторов, не менее закономерна и постановка вопроса об арменизмах в различных группах кавказских языков. И если последняя проблематика уже располагает некоторой традицией в аспекте исследования армянско-картвельских (в первую очередь, армянско-грузинских) языковых взаимоотношений, то состояние изученности армянского компонента в нахско-дагестанских языках приходится охарактеризовать как совершенно неудовлетворительное.

Между тем, такое положение отрицательным образом сказывается на решении уже сформулированной в современной науке более широкой проблемы ареальных взаимоотношений языков Кавказа. К тому же элиминации из рассмотрения значительного числа различных иноязычных отложений требуют и все более настоятельно обозначающиеся задачи построения сравнительной грамматики нахско-дагестанских языков (в кавказоведении накапливается все больше оснований для внесения коррективов в старое представление о Дагестане, как об изолированной в древности от внешних лингвистических контактов зоне).

Если учесть, что единственная специальная статья по обсуждаемой здесь тематике выдержана в духе крайностей «нового учения о языке» [1], то необходимость сколько-нибудь реалистической формулировки вопроса становится очевидной. Поэтому в соответствии с имеющимися в распоряжении современного дагестановедения фактическими предпосылками предлагаемая заметка всецело ограничивается выявлением лексических арменизмов. В качестве последних здесь рассматриваются такие неисконные для нахско-дагестанского словаря лексемы, которые находят свои ближайшие параллели в армянском. Таким образом, в эту категорию слов попадают также иранские по своему происхождению, в частности, парфянские и среднеперсидские, элементы, распространявшиеся на Кавказе via Armeniaca (в некоторых случаях их размежевание со среднеперсизмами, непосредственно проникав-

---

[1] См.: *Шаумян Р. М.* «Armeniaca—Lesgica (армяно-лезгинские лексико-морфологические параллели)». — В кн.: АН СССР академику Н. Я. Марру (XLV). М.—Л., 1935, с. 419—426 (авторами принимаются пять из предложенных здесь двадцати трех лексических сопоставлений).

шими через территорию сасанидской Агвании, оказывается затруднительным: так, двоякую квалификацию допускают такие лексемы как удин., лезг., даргин., чечен. *tur* ʿсабля', ʿмеч', удин., лезг., цахур. *dew* ʿзлой дух', ʿдив', лезг., цахур. *mex* ʿгвоздь' и т. п.). Вместе с тем, повторение некоторых из приводимых лексем и в картвельских языках (ср. имеющие определенную экспрессивную окраску груз. *ḳerḳeṭ-i* ʿтвердый', ʿкрепкий', *ḳaḳal-i* ʿгрецкий орех') не снимает возможности их квалификации на настоящем этапе исследования как «бродячих» слов.

В дагестанских языках целесообразно различать лексические арменизмы троякого рода. Во-первых, это максимально широкий по своему составу пласт словаря, представленный исключительно в одном из лезгинских языков — удинском, с V в. служившем, по всей вероятности, языком христианской религии Агвании (ср., например, удин. *azap* ʿхолостой, незамужняя', *apuš* ʿтупой, вялый', *asṭar* ʿподкладка', *giç* ʿлиния', ʿчерта', *dampul* ʿслива', *doraḳ* ʿвинный кувшин', *zibil* ʿсор', *turtur* ʿгусеница', *žamanaḳ* ʿвремя, пора', *ʒax* ʿлевый', *ḳoṭor* ʿкусок, ломоть', *maran* ʿпогреб', *namaḳ* ʿписьмо', *paṭaraḳ* ʿлитургия', *samiṭ* ʿукроп', *ser* ʿдружба', *sxal* ʿошибка', ʿгрех', *ṭeṭir* ʿазбука', *ṭaṭmer* ʿведьма, колдунья', *ǯoḳ* ʿотдельный', *ǯolaḳ* ʿпаук' и мн. др.). Во-вторых, сюда относятся совместные армянские заимствования в лезгинских языках, особенно характерные для тех из них, которые локализованы в Азербайджане, и, напротив, которые практически отсутствуют в географически обособленном от других лезгинских арчинском языке (ср., в частности, лезг. *ḳunṭ* ʿбугор, копна', *mangal* ʿкрупный серп', *sant* ʿрод молотка', *č̣al* ʿслово, речь', *cil* ʿсемя', *xaš* ʿкрест' и нек. др.). Наконец, в-третьих, здесь оказываются в целом весьма немногочисленные арменизмы, встречающиеся и в других дагестанских языках (ср. лакск., авар. *ḳič* ʿпетля, пуговица', лакск., чечен., даргин. *tur* ʿсабля', меч', лакск. *xxač* ʿкрест' и др.).

При всей неудовлетворительности наших знаний об армяно-кавказском языковом взаимодействии нетрудно привести целую совокупность разноплановых по своему характеру критериев, позволяющих со значительной степенью вероятности предполагать армянский источник для всех рассматриваемых здесь слов. Прежде всего необходимо учитывать, что в целом ряде случаев сопоставленные лексемы имеют надежную индоевропейскую этимологию (в некоторых случаях установлен семитский источник армянских слов). С другой стороны, рассматриваемый лексический фонд не может быть отнесен к общедагестанскому или хотя бы к общелезгинскому и преимущественно свидетельствуется в лезгинских языках Дагестана и Азербайджана, исторические связи носителей которых с Арменией были весьма ощутимыми. Неслучайна максимальная представленность этого пласта в наиболее южном из последних — удинском языке, значительная часть говорящих на котором еще в агванскую эпоху приняла христианство (ср. характерную для него терминологию христианской религии).

Вместе с тем, о такой направленности заимствования может говорить и очевидная культурная нюансировка приводимой лексической группы — это, главным образом, термины оседлой земледельческой культуры и связанных с ней других сфер хозяйства. Следует заметить, что в случаях наличия в структуре слова арм. словообразовательного элемента *-aḳ* (ср. удин. *namaḳ* 'письмо', *žamanaḳ* 'время, пора', *ç̣indäḳ* 'чулок' и др.), по-видимому, существует возможность его обособления от иранских лексем с аналогичным деривационным аффиксом, отражаемым в дагестанских языках в виде *-ag* (ср. удин. *ç̣äläg* 'лес', *lašag* 'тело, организм').

Имеются основания предполагать довольно раннюю хронологию усвоения по крайней мере части арменизмов в дагестанские языки и соотносить ее еще с доарабской эпохой (это тем более справедливо, если учесть, что реальное проникновение арабских заимствований начинается здесь лишь с распространением в Дагестане ислама, т. е. с XI столетия). Серьезным стимулом распространения рассматриваемой категории слов должно было послужить возникновение агванского (кавказско-албанского) государства, с последовавшим начиная с VII в. усилением в нем армянской культурной традиции. Дальнейшие импульсы этого процесса, по-видимому, исходили со стороны существовавшего в X—XII вв. армянского Дербентского царства [2]. Что же касается армяно-удинских контактов, то они отличаются особой длительностью и едва ли полностью прекратились и в настоящее время.

Можно привести некоторые структурные свидетельства древности диффузии арменизмов в дагестанских языках. В качестве наиболее яркого из них следует назвать отражение древнеармянского *ł* в виде *l* в лексемах, заимствованных в лезгинские языки не позднее VIII—IX вв. (когда в армянском уже свершилось передвижение *ł* > γ): ср. удин. mangal, лезг. *maⁿgal*, *mukkał* 'крупный серп', удин. *cel* 'потомство, семя', лезг. *cil* 'семя', удин. *pilinʒ* 'медь', удин. *ḳala* 'хромой, калека', удин. *ḳalamb* 'капуста', лезг. *kəlamp̣* 'редька'. В раннее средневековье, по всей вероятности, уходит заимствование здесь культового термина, представленного удин. *xaš* 'свет', лезг. *xaš* 'крест', восходящего к армянскому *xač* 'крест' и обнаруживающего рано наступивший в части лезгинских языков процесс спирантизации первоначальной аффрикаты (в отличие от более поздних заимствований, сохраняющих аффрикату) [3]. Хотя в отдельных случаях можно, по-видимому, говорить о закономерных фонологических корреспонденциях в соответствующих лексемах дагестанских языков, в целом среди них нет ни одной, заимствование которой можно соотнести хотя бы с уровнем общелезгинского языка-основы.

---

[2] О последнем см.: *Бархударян С. Г.* Дербентское армяно-албанское царство. — Историко-филологический журнал, № 3 (1969), (на армян. яз.).

[3] Об этом слове см.: *Dumézil G.* Une chrétienté perdue: les Albaniens du Caucase. — «Mélanges Asiatiques». Vol. 232, fasc. 1. Paris, 1940—1941, p. 129.

В заключение приводится список армянско-дагестанских лексических параллелизмов, не учитывающий эксклюзивных армянско-удинских соответствий, анализ которых — задача особого исследования (их значительная часть отмечена Гр. Ачаряном [4]).

1. Арм. *ḳaṭu* (диал. *gadu*) ʽкошка' ~ лезг. *gac*, *kkac*, табас. *gatu*, будух. *gač*, лакск. *ččitu* < *gitu*), авар. *keto*, андийск. *gedu*, цезск. *ḳeṭo*. В армянском в соответствии с историей распространения самой реалии лексема рассматривается как один из сиризмов, основная масса которых проникает в язык в III—IV вв. н. э.[5]

2. Арм. *čči* (диал. *čič*, *čiču*) ʽчервь' ~ крыз., будух. *čiç* ʽчервь в яблоке'. Слов имеет индоевропейскую этимологию. В лезгинских языках прослеживаются и продолжения общедагестанской лексемы ʽчервь'.

3. Арм. *xəlez* ʽящерица' ~ цахур. *kalez* ʽящерица' (слово не не встречает соответствий в других лезгинских языках).

4. Арм. *torn* ʽнить' ~ удин. *turi* ʽнить', агульск. (бурш.) *turin*, табас. *turin*, *turim* ʽверевка'. Имеет индоевропейскую этимологию.

5. Арм. *tonir* ʽочаг' ~ хинал. *tonur*, *tunor* ʽочаг (в доме)', табас. *ttarin* ʽпечь' (близкие формы других лезгинских языков скорее восходят к среднеперсидскому источнику). В армянском лексема идет из семитского источника, возможно, через урартское посредство (ср. аккад. *tinūru*).

6. Арм. *sand* ʽступа' ~ цахур., рутул. *sant* ʽмолоток', лезг. *sant* ʽмолоток для дробления камня'.

7. Арм. *ṭapan* ʽковчег' ~ удин. *ṭapan* ʽкорыто', цахур. *ṭapan* ʽулей, грудная клетка' (для семантики ср. англ. *chest*), крыз. *ṭäpän* ʽшалаш пастуха'.

8. Арм. *mangał* ʽсерп' ~ удин. *mangal* ʽкрупный серп', цахур., рутул. *mangal* ʽтиски', лезг. *mangal*, *mukkal* ʽкрупный серп', агульск. *makal* ʽсерп'. В армянском слово усвоено из семитских языков (ср. аккад. *manigallu*).

9. Арм. *xač* ʽкрест' ~ удин. *xaš* 1. ʽмесяц, луна', 2. ʽсвет', лезг. *xaš* ʽкрест', агульск., цахур., рутул., табас. *xač* ʽкрест', лакск. *xxač* ʽкрест' (даргин. и авар. *qanč* усвоены через тюркское посредство).

10. Арм. *ḳəç-aḳ* ʽпуговица' ~ агул. *ḳiç* ʽпуговица', цахур. *ḳəç* ʽпуговица', рутул., лакск. *ḳiç* ʽпуговица', арчин. *ḳiç* ʽкрючок', аварск. *ḳiç* ʽпетля'. В армянском слове налицо словообразоват. суф.

11. Арм. *tur* ʽсабля, шашка' ~ лезг., агульск. *tur* ʽсабля, меч', даргин., лакск. *tur* ʽшашка, меч' (ср. также чечен.-ингуш. и бацб. *tur* ʽсабля'). Возможна и трактовка этой лексемы как среднеперсизма.

---

[4] См. *Ачарян Гр.* Корневой словарь армянского языка, т. I—VII. Ереван. 1927—1936 (на армянск. яз.).

[5] Ср. *Климов Г. А.* Из истории одной общекавказской лексической параллели (к названию домашней кошки в кавказских языках). — Орион. Акакию Шанидзе. Тбилиси, 1967, с. 378—381.

12. Арм. *gund*, *gunṭ* 'ком, куча' ~ лезг. *ḳunṭ* 'бугор, стог', агульск. *gunṭ*, *ḳunṭ*, табас. *gunṭ* 'куча, копна', цахур. *guṭ* 'куча', рутул. *q̄unt* 'курган', крыз. *gunč* 'сноп'. Менее вероятным представляется происхождение слова из среднеперсидского.

13. Арм. *məḳraṭ* 'ножницы' ~ лезг. *muḳraṭ*, крыз., будух. *məḳraṭ*, хинал. *muḳrad* 'ножницы'. Слово в конечном счете идет из семитского источника (конечный согласный указывает на посредство армянского).

14. Арм. *c̣indaḳ* 'чулок, носок' ~ удин. *c̣indäḳ* 'чулок', цахур. *c̣indak* 'носок (шерстяной)'. В армянской лексеме налицо словообразовательный аффикс *-aḳ*.

15. Арм. *zol* 'полоска' ~ крыз. *zil*, будух. (алик.) *zul* 'полоска кожи'. Армянское слово имеет индоевропейскую этимологию.

16. Арм. *ḳaḳal* 'орех (грецкий)' ~ лезг. *ḳəḳal*, *kḳal*, табас. *ḳeḳel*, *ḳiḳel* 'камешек', цахур. *ḳaḳal* 'камешек (гравия)', крыз. *ḳäḳäl* 'орех, камешек'.

17. Арм. *cel̄* 'род, племя' ~ удин. *cel* 'потомство, семя', лезг. *cil* 'семя' (лезгинская лексема может быть, однако, связана с табас. *dil*, агульск. *dil* 'косточка'). Нет оснований принять мнение А. Г. Капанцяна о дагестанском происхождении удинского слова [6].

18. Арм. *ḳal̄amb* 'капуста' ~ удин. *ḳalamb* 'капуста', лезг. *kəlamp*, *gilamp* 'редька'. Конечный губной элемент дагестанских лексем не позволяет считать их иранизмами.

19. Арм. *šor* 'творог' ~ удин. *šor* 'присоленый творог', цахур. *šor* 'творог'. Другие дагестанские формы с вокализмом *u* (например, лезг. *šur*) могут иметь иные непосредственные источники.

20. Арм. *ḳərḳiṭ* 'твердый' ~ лезг. *ḳerḳeṭ* 'полено, деревяшка', цахур. *ḳerḳeṭ* 'щиколотка'.

21. Арм. *c̣aŕ* 'слово, речь' ~ лезг., агульск., табас. *c̣al* 'слово, речь', крыз. *c̣āl*, будух. *c̣el* 'слово, речь'. Термин проник в лезгинские языки, вероятно, в агванскую эпоху.

22. Арм. *ḳal̄* 'хромой' ~ удин. *ḳala* 'хромой, калека', цахур. *ḳāna* 'хромой'. Армянское слово имеет и.-е. этимологию [7].

23. Арм. *dew* 'злой дух, див' ~ удин., агульск. *dew* 'злой дух', лезг., лакск. *dew* 'див'. Возможно среднеперсидское происхождение лексемы.

Необходимо отметить, что приведенный краткий перечень включает по существу лишь факты, лежащие на поверхности. Здесь не учтены довольно многочисленные, но по той или иной причине менее убедительные примеры дагестанских арменизмов (ср., например, арм. *ḳoṭ* 'мера сыпучих тел' при разрозненных лезг. *ḳoṭo*, *ḳeṭe* 'горшок', гинухск. *ḳoṭo* 'чашка' и хварш. *ḳoṭe* 'тарелка'). Дальнейшее исследование армянско-дагестанских языковых взаимоотношений существенно пополнит этот перечень.

---

[6] См.: *Капанцян Г. А.* Историко-лингвистические работы, II. Ереван, 1975, с. 240.

[7] Ср. *Bugge S.* Beiträge zur etymologischen Erläuterung der armenischen Sprache. — Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung, XXXII, 1893, S. 50.

В. А. Терентьев

НОСТРАТИЧЕСКИЕ ЭТИМОЛОГИИ

В данной статье приводится ряд новых ностратических этимологий.

Фонетическая нотация дается в соответствии с И.-С. Опыт.

1.**Čenjʌ* или **Čeńi* 'тонкий, узкий': и.-е. **sten-* 'узкий' ~ урал. **čeńз* 'тонкий, короткий.'

И.-е. || греч. στενός 'узкий' | др.-исл. *stinnr* 'жесткий, тугой, крепкий, сильный'; др.-англ. *stīð*; др.-фриз. *stīth* || См. Pokorny, 1021.

Можно предположить, что в индоевропейском, в свою очередь, учитывая беглое **s*, этот корень (**sten-*) родствен **tenu-s* 'тонкий'; др.-инд. *tanú-* лат. *tenuis* | ст.-слав. тьнъкъ || . См. Pokorny, 1069. Ю. Покорный приводит множество примеров развития этого корня по основным индоевропейским языкам, которые мы не считаем нужным приводить здесь все.

Урал. || фин. *hieno* 'тонкий'; ливвиков. *hieno*; людиков. *hien*, *hieno*; сев.-вепс. *heno*, *henokaine*, 'маленький, тонкий', *ȟen* 'слабый'; юж.-вепс. *heno* 'слабый' | ? коми-зыр. *дженьыд* 'короткий' || См. SKES, т. I, 72.

КЭСК, однако, утверждает, что происхождение коми *дженьыд* неясно. Коллиндер вообще не приводит этой этимологии. В «Основах» ее также нет.

Расхождения в семантике между прибалтийско-финскими языками и коми находятся в рамках допустимого. Ср. франц. *large* 'широкий' и исп. *largo* 'длинный'.

Индоевропейское **st-* хорошо согласуется с коми *ǯ-*.

В качестве исхода корня мы полагаем *-*njʌ* или *-*ńi* для того, чтобы как-то объяснить индоевропейское **n* вместо ожидаемого **i̯*, так как ностр. **nj* дает и.-е. **n* (с беглым **s-*, которое в данном случае нейтрализуется), а **ń* предположительно сохраняется в виде **n* перед **i*.

2. **lUbʌ* 'молоко': с.-х. **lbn* 'делать белым; молоко' ~ урал. **lüpsä* или **lüpśä* 'молоко, доить'.

С.-х. || семит. **lbn*: араб. *laban* 'молоко'; др.-евр. *lāβan* 'делать белым, становиться белым' || возможно, сомали *labeen-ta* 'сметана' || См. Gesenius 377.

Урал. || фин. *lypsää* 'доить'; эрз. *ловсо* 'молоко', мокш. *лофца* 'молоко' | ? мар. *лӱштáш* 'доить, подоить'; коми-зыр. *лысьтыны*

'доить, доиться' || См. SKES, т. II, 318, КЭСК 164. Ср. Основы, 431, где приводится только мар. и коми-зыр.

3. **śomʌ* 'готовый, годный, хороший': урал. **śoma* 'хороший' (этимология наша) ~ драв. **camʌ* 'готовый, готовить, годный'.

Урал. || фин. *soma* 'хорошенький, милый, красивый'; карел. *šoma* юж.-карел. (местами), ливвиков. *t'šoma*, людиков. *t'šoma*; вепс. *t'šoma*, *tšoma* || См. SKES, т. IV, 1068. || ненец. *sawa* 'хороший'; энецк. хантайск. *sowa*, *soera*, баишинск. *soeda* (Castrén Verz.), селькуп. *soma* (Erdélyi).

SKES приводит, и то под вопросом, только прибалтийско-финско-саамское сопоставление — норв.-саам. *suobmâd* 'хорошенький', которое к тому же представляется несоответствующим нашей этимологии, и главное, неточным даже внутри прибалтийско-финско-саамской группы.

Коллиндер вообще не приводит этой этимологии.

Как видим, саамский пример расходится с прибалтийско-финским и самодийским в трех отношениях.

1) Он указывает на **s*, в то время как остальные имеют рефлексы **ś* (карел., ливвиков, людиков., вепс., *t'š* не указывают обязательно на **ć*; ср. фин. *saivar*, карел. *t'šaivoi* | коми-зыр. *серов* 'гнида'; фин. *sepä*, карел. *t'šebie*, коми-зыр. *сьылі* 'шея').

2) Саамский корневой гласный *uo* (< **a*) также расходится с финским. Что касается самодийского, то его гласный полностью соответствует финскому.

3) *â* непервого слога в саамском указывает на **e*-, в то время как -*a* в селькупском указывает на **a*- основу в уральском[1], то есть самодийские данные совпадают с финскими.

Драв. || тамил. *camai* 'быть сделанным, построенным, образованным, приготовить(ся), быть подходящим, начинать, достичь зрелости'; малаял. *camayam* 'приготовление к важному событию, снаряжение, платья и украшения, приготовление, вид и манеры, уход за садом' | каннада *sama* 'приготовление, готовность' | телугу *savara* 'хороший, подходящий, готовность' колами *savaril* 'приготовиться' (DED № 1934).

4. В рукописных материалах В. М. Иллич-Свитыча содержится под вопросом сопоставление урал. **pečä* / **penčä* 'сосна' ~ картв. **pič̣w-*/**bič̣w-* ~ тюрк. **bāš* / **bōš*.

Урал. || фин. *petäjä* 'сосна' | саам. *bæcce*, швед.-саам. *petse* | морд. *ṕitše*, *ṕitšə* || мар. *пӱнчӧ* | коми-зыр. *пожӧм*, удмурт. *пужым* || ненец. *pedara* 'лес' || См. КЭСК 223, Основы 428, Серебренников, Две этимологии, Советское финно-угроведение, 1967, № 4, 276.

Картв. || представлено только в груз. *pič̣vi* / *bič̣vi* 'сосна'.

Тюрк. || якут. *bäs* 'сосна', карагас. *böjš* 'кедр', сойот. *pöš* 'кедр европейский, pinus cembra' || См. и ср. Räsänen, 1955, 26.

---

[1] См.: *Хелимский Е. А.* О соответствиях уральских *a*- и *e*- основ в тазовском диалекте селькупского языка. — Советское финно-угроведение, XII, 1976, № 2, с. 113—132.

Особо следует остановиться на картвельском отражении этого слова.

Слово это имеет вполне картвельский вид, и в нем соблюдены все переходы от ностратического к картвельскому. Если считать ностратической формой **peč̣л*, то колебания отражения **p* как **p* и **b* и переход **e* в **i* соответствует тому, что должно получиться в картвельском (см. Иллич-Свитыч. Опыт, т. I, с. 147, 153).

Тем не менее, это слово представлено только в грузинском. (Впрочем, так как картвельская семья распадается всего на три группы: грузинскую, занскую и сванскую, — несохранение слова в двух из трех групп не может быть серьезным аргументом против пракартвельского происхождения этого слова).

Но что самое важное, сам объект, обозначаемый словом *pič̣vi / bič̣vi*, представляет разновидность сосны (Pinus pithyusa Stev.), которая не растет в области распространения пракартвелов (устное указание Г. А. Климова).

Можно предположить для объяснения этого случая, что существовал народ, близкий к картвельскому, обитавший в тех районах, где растет эта разновидность сосны, и из его языка это слово было заимствовано в грузинский. По основным своим характеристикам этот язык не отличался от картвельского. Назовем его паракартвельским. Вместе с тем, мы сознаем, что придумывание лишнего языка ad hoc — далеко не лучший способ решения проблемы.

С другой стороны, мы часто недооцениваем осведомленность древних людей о явлениях, имеющих место в отдалении от мест их обитания [2]. Пракартвелы жили все-таки не так уж далеко от места произрастания Pinus pithyusa Stev. и вполне могли знать о ее существовании, тем более если и в более ранние периоды они как-то соприкасались с этим видом деревьев.

Можно сослаться на такой пример. Французское слово *chameau* 'верблюд' восходит к латинскому *camelus* и в течение всей истории французского языка было в нем живым словом, о чем свидетельствует то, что оно прошло все стадии фонетических преобразований, имевших место во французском языке. Однако, как известно, верблюды во Франции не водятся. Можно привести даже такой пикантный пример, как наличие в древнеисландском языке слова *blámaðr* 'негр'.

При всем этом нельзя не признать, что отсутствие слова, соответствующего груз. *pič̣vi*, в занском должно настораживать.

Обращает на себя внимание и.-е. **pĭtu* (греч. πίτυς, лат. *pīnus*, др.-инд. *pītu-dāru* (Pokorny, 794), являющееся явным заимствованием, судя по нулевой огласовке корня и суффикса. Можно думать, что и.-е. является заимствованием из картв. или паракартв. Отражение **č* как **t* при заимствовании — нормальное явление

---

[2] Ср. *Трубачев О. Н.* Ранние славянские этнонимы — свидетели миграции славян. — ВЯ, 1974, № 6, стр. 50.

в индоевропейском (ср. семит. *$\underline{t}$*awru* > и.-е. **tauros*, где семит. *$\underline{t}$, конечно, представляло собой в тот период еще *č).

Аккад. *biššu* 'садовое растение' (Assyrian Dictionary, Chicago, т. II, 270), *piššu* (Delitzsch, Assyrisches Handwörterbuch, Leipzig, 1968, 551), возможно, является (пара)картвельским заимствованием (кстати, колебание *p* ~ *b* в аккадском характерно именно для иноязычных слов). Впрочем, непонятно, какое растение скрывается за данным аккадским словом — оно не встречается в других семитских языках. Кроме того, географически аккадский был близок к области распространения картвельских (паракартвельских) языков.

Далее даются дополнения и исправления к известным этимологиям.

5. Известно сопоставление: и.- е. **pik(h)o-* 'узел, комковатый' (Pokorny, 830) ~ семит. **pkˤ* 'узел, почка' (Gesenius, 649, 650), др.-евр. *pkk* 'пробка' ~ урал. **pükä* 'шишка' (Collinder, 1955, 53) [тунг. **bokata* 'шишка, почка' (Цинциус, 167; Benzing, 976)?] (Гипотеза, 11).

Мы предлагаем изъять из этой этимологии др.-евр. *pkk̂*, которое, как оказалось, означает 'бутылка, кружка' и и.-е. **pik(h)o-*, которое, кроме всего прочего, является крайне сомнительной реконструкцией (засвидетельствовано из множества и.-е. языков только в авестийском и латышском).

В качестве и.-е. члена этой этимологии мы предлагаем **peuk'-* 'сосна, ель': греч. πεύκη; фрак. топоним Πεύκη, иллир. этноним *Peucetii*, ср.-ирл. *ochtach* < **puk̂tākā-*) 'ель, копье'; др.-в.-нем. *fiuhta*, др.-сакс. *fiuhtia* (<**fiuhtjōn*) 'ель', др.-прусск. *peuse* 'сосна' (балт. **piaušē*), лит. *pušìš* (Pokorny, 828).

Тунгусо-маньчжурское соответствие **bokoto* (См. ССТунг. 90—91), имеющее огромное количество отражений в отдельных языках-потомках, мы причисляем к этой этимологии без вопроса.

Ностр. **buk̦ä*.

В индоевропейском действовал закон несовместимости звонкого придыхательного и глухого в одном корне (в том случае, если в ностр. было *k̦*).

6. В Евразии имеется большое количество гидронимов, начинающихся на *nVr-*: приписываемые древним пруссам названия рек *Narus*, *Neria*, гаэлам *Abhainn Narunn*' 'Nairn', иллирийцам Νάρων 'Narenta', литовцам *Nar̃-upe*, *Nerìs*, *Nerỹs*, *Nereta*, русским *Неретва* (см. Pokorny, 766).

Ср. также гидронимы на территории России: *Нара*, *Нарев*, *Неро* [3], *Нарочь*; *Нара-Йоки* в Финляндии, 2 притока Инда с названием *Нара*; *Нарым* (правый приток Иртыша), село *Нарым-Булак* в Забайкалье (по гидрониму), названия *Нарын*, *Нарынка*, *Нарын-*

---

[3] См., однако, иное толкование топонима *Неро*: *Матвеев А. К.* Топонимические этимологии XI в. (название озера Неро). — Советское финно-угроведение, 1978, т. XIV, № 1, с. 1—7.

кол и др. в обширной полосе от Тувы до Прикаспия; 2 реки *Нерехта* — одна в Костромской области, другая — правый приток Нижней Клязьмы, две реки *Нерль*, начинающиеся в северном Подмосковье, р. *Нерча* в Забайкалье. Почти ни один из этих гидронимов удовлетворительной этимологии не имеет. (Ср. В. А. Никонов. Краткий топонимический словарь, М., 1966).

В ненецком фольклоре часто фигурирует *нероко яха(ко)* 'ивняковая речка', где *неро*, *нероко* 'ивняк' — может оказаться переосмыслением древнего непонятного гидронима.

Можно считать эти названия принадлежащими древнейшему ностратическому населению этих территорий, по крайней мере те из них, которые находятся на местах нынешнего обитания индоевропейцев. Можно думать, что в этих гидронимах отражено ностратическое **ńorʌ* 'влажный' (Иллич-Свитыч, 1965, 333) или **ńi(h)rʌ* 'течь' (там же, 369) (кстати, для *ńi(h)rʌ* представляется разумным восстанавливать значение 'река').

М. Фасмер считает некоторые из указанных гидронимов индоевропейскими, связывая их с балто-славянским корнем со значением 'нырять' (см. Фасмер).

Ю. Покорный связывает целый ряд из этих гидронимов с и.-е., полагая здесь и.-е. корень со значением 'река' (ср. Pokorny, 766). Однако в нарицательном значении этот корень в и.-е. не засвидетельствован. Связывать эту этимологию со слав. (ср. рус. *нырять*), предполагая здесь сохранение индоевропейского названия реки, нельзя, так как этот слав. корень является продолжением ностр. корня **nurʌ* 'проникать' (Иллич-Свитыч, 1965, 357).

Ср. греч. νηρός 'свежий' о воде, рыбе (Frisk. 14, 316), откуда Νηρεύς. Х. Фриск связывает этот корень со слав. (рус. *нырять*), балт. *nerti*.

Следует отметить, что начало гидронимов *nVr-* гораздо более частотно, чем какое-либо другое.

Принятые сокращения

Гипотеза	*Долгопольский А. Б.* Гипотеза древнейшего родства языков северной Евразии. М., 1964.
Иллич-Свитыч	*Иллич-Свитыч В. М.* Материалы к сравнительному словарю ностратических языков. — В кн.: Этимология. 1965. М., 1967.
Иллич-Свитыч. Опыт.	*Иллич-Свитыч В. М.* Опыт сравнения ностратических языков, т. I. М., 1971.
КЭСК	*Лыткин В. И., Гуляев Е. С.* Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970.
Основы	Основы финно-угорского языкознания, т. I. Москва, 1974.
ССТунг	Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков, под редакцией Цинциус В. И., т. I. Л., 1975.
Цинциус	*Цинциус В. И.* Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков. Л., 1949.

КРИТИКО-БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ

F. Sławski. Słownik etymologiczny języka polskiego. T. V, zesz. 2 (22): Łątka 3. — Łom. Kraków, 1976

Новый выпуск многотомного польского этимологического словаря охватывает дальнейший небольшой раздел лексики с начальным *l*. Он сохраняет качества, которые стали с некоторых пор характерными для этого словаря. Не принося заметно новых этимологических решений, и этот выпуск обращает на себя внимание солидностью других своих качеств — привлечением надежных источников и сведений по истории и географии слов, а также по филологии и текстологии, ср. в последнем случае словарную статью в данном выпуске, специально посвященную «слову-призраку»: *łokut* 'глотание' (с. 165), единичное в одном издании XVII в., скорее всего опечатка вместо *łykut*, единственно оправданного апофонически для ряда *łkać*, (*po*)*łykać*.

Словообразовательные производные трактуются в словаре по-прежнему исключительно расчлененно, ср. две самостоятельные словарные статьи *łobazie* 'кустарник, заросли' (XVII в.) и *łobuzie* то же (XV в. и в диал.), хотя речь может идти о второстепенной вариации суффиксального вокализма этого в общем единого слова с экспрессивной и не вполне ясной этимологией.

Огромное место уделяется праславянской реконструкции, что стало вообще наиболее характерной особенностью данного словаря. Этот аспект отнюдь не баналее для словаря такого типа, для сравнения можно сослаться на пример Фасмера, который редко обращался к реконструкции праславянских слов в своем Этимологическом словаре русского языка. Славский делает это в польском этимологическом словаре на каждом шагу. Вероятно, в последнем случае сказывается одновременная работа по составлению Праславянского словаря. Не только формы типа польск. *łom* 'обломки, хворост' получают свою праславянскую реконструкцию (**lomъ*), но и многие производные, напр. на основе польск. *łokciowy* 'локтевой, длиной в локоть' и некоторых близких форм Славский восстанавливает сев.-праслав. **olkъtevъ* (с. 154), а на основе ст.-польск. *łokietny* 'длиной с локоть' (с XV в.) и его довольно многочисленных соответствий — праслав. **olkъtьnъ* (с. 160). Обращает на себя внимание синонимичность обоих этих прилагательных, реконструируемых для праславянского периода. Заслуживает упоминания праславянский архаизм, относимый автором к этому же гнезду: собственно кашубско-словинское *łokomę*, *łokoma* (с вар.) 'бок о бок, рядом', сближаемое с сербохорв. диал. *лаком* 'почти, чуть не' (с. 160—161).

Праславянское прошлое слов польского языка находится, таким образом, в центре внимания составителя словаря. Уместно поэтому и при рецензировании остановиться на этом интересном аспекте, точнее — ввиду вынужденной краткости — на нескольких относящихся сюда примерах. Так, вызывает сомнения в отношении редкого образования *lęksać* 'разделять, разлучать' авторская характеристика «старый интенсив на *-s-*» (с. 115). По всем вероятиям, старое **lǫk-s-ati* должно было бы еще в праславянскую эпоху дать **lǫxati*. То же возражение — относительно сохранности группы *-k-s-* — можно распространить и на ст.-польск. *lększa* 'разлука, разлучение, разделение',

которое автор (там же) прямо выводит из праформы *ląks-ja (т. е. *lǫks-ja) от упомянутого глагола; но тогда ожидалось бы опять-таки только *lǫša (< *lǫx-ja). Может быть, целесообразнее говорить о праслав. *lǫkъša или вообще допустить в словах этого гнезда (*łęksać*, *łększa*) поздние формы. Праслав. *lǫkovatъ (у автора на польский манер дается *ląkovatъ) на базе польск. *łękowaty* 'дуговидный, изогнутый' и других славянских), по мнению Славского, имеет «точное соответствие» в лит. *lankavótas* 'согнутый, сгорбленный', но совершенно ясно, что это последнее заимствовано из славянских языков, поскольку литовский (и вообще балтийский) не имеет исконного соответствия сложному славянскому суффиксу прилагательных *-ov-atъ*.

О. Н. Трубачев

K. Polański. Słownik etymologiczny języka Drzewian połabskich. Zesz. 4: perĕt — ŕott'ə. Wrocław—Warszawa—Kraków—Gdańsk, 1976

Этимологический словарь остатков мертвого полабского языка, четвертый выпуск которого мы сейчас рецензируем, постепенно приближается к своему концу (первый выпуск вышел в 1962 г.). Своеобразие типа этого словаря, а также его место среди других словарей было охарактеризовано в предыдущих рецензиях, которыми мы неизменно откликались на страницах «Этимологии» на публикацию трех предшествующих выпусков. Полифункциональность и специфичность настоящего словаря выражаются в том, что автор продолжает вносить коррективы не только в этимологию полабских слов, но и в их прочтение и реконструкцию. Ср. на с. 543 заглавную форму *podəji-sə* < **padaje sě* 'идет дождь', вместо реконструкции *podesă* < **padeše*, предлагавшейся самим автором ранее. Конечно, реконструкция и этимология тесно связаны друг с другом. Не вполне точная реконструкция может увести от правильной этимологии, как это, по-видимому, случилось на с. 594 со словом *prüst'au̯* род. п. ед. ч. 'Loderasche', т. е. 'горящая зола'. Полянский считает эту форму отражением **prošьku* (из **poršьku*), ср. польск. *proszek*, *proszku*, русск. *порошок* и т. д., по мнению автора, — «jeden z nielicznych przykładów w połab. na przestawioną grupę tzw. **tort* ⩾ **trot* ⩾ **tröt/trüt*». Впрочем, как вынужден признать и сам автор, это не помогает этимологизации слова (реконструкция и этимология из **brězg-*, принимаемая другими исследователями, см. там же, еще менее вероятна). Скорее всего, перед нами форма от праслав. **pryskъ*, ср. польск. *prysk* 'жар, горячая зола', русск. *прыск* 'жар угольный', укр. *прúсок*, *прúску* 'горячая зола с огнем', что наилучшим образом отвечает значению 'Loderasche' [1].

В случае с полаб. *rai̯geŕə* 3 л. ед. ч. наст. 'управляет, господствует' (с. 621) авторская реконструкция фонетической формы полабского слова, может быть, слишком буквальна в отношении немецкой записи *reigeria*, *regeria*. Как указывает и сам Полянский (там же), слово заимствовано из ср.-нж.-нем. *regeren*, следовательно, надо считаться с возможностью фрикативного *g* или его фонетического тождества *j*. Ср. польск. *rej*, название танца, из нем. *Reige(n)* (Brückner 457), а особенно польск. *rejestr* < нем. *Register* (впрочем, дифтонг в полабском слове, выше, делает правдоподобным его общее происхождение с польск. *rej* 'танец', что же касается значения 'руководить', то ср. польский оборот *wodzić rej* 'верховодить, быть заправилой').

Скудность полабской письменной традиции создает ситуации, когда известно производное *pölüvnĕk* (**polovьnikъ*, с. 560) и не засвидетельствовано производящее слово **polova* 'половина'. Наряду с этим небогатый полабский лексический материал обнаруживает интересные редкие образования и изоглоссные связи, ср. полаб. *prüsinĕk* (**prosenikъ*) 'просяная каша' с точным соответствием только в болг. *просенúк* 'просяное тесто, просяной хлеб' (с. 594).

---

[1] См. об этом *Трубачев О. Н.* Заметки по этимологии и сравнительной грамматике. — Этимология, 1968. М., 1971, с. 62.

Весьма любопытен случай оригинального семантического развития в полаб. *pod'ai̯bně* (**pagubьnъjь* или **pagybьnъjь*) 'умный', в других славянских языках соответствия выступают только в значении 'пагубный, сулящий гибель' (исходным для развития значения 'умный' послужило значение движения, присущее слав. **gub-*/**gyb-*). Заслуживает внимания указание автора на особую продуктивность в полабском языке суффикса *-en-* в тех образованиях, где в других славянских языках отмечается суффикс *-ěn-*(*-jan-*), ср. полаб. *plåtnenĕ* (**poltьnenъjь*) 'льняной, полотняный' (с. 530).

О. Н. Трубачев

Bezlaj F. Etimološki slovar slovenskega jezika. Prva knjiga; A — J. Ljubljana, 1976

«Этимологический словарь словенского языка» — это первый опыт этимологизации словарного состава словенского языка. Словарь принадлежит проф. Ф. Безлаю, известному своими работами по гидронимии, этимологии и изоглоссным связям словенской лексики [1]. Замысел словаря относится к довоенному 1939 г., когда при Словенской АН была создана этимологическая комиссия в составе Ф. Рамовша, Р. Нахтигаля, А. Брезника и И. Графенауэра. В 1943 г. Ф. Рамовш опубликовал двадцать пробных статей [2], из обзора которых видно, что в будущем словаре предполагалось отвести основное место не этимологии, которая носит общий и краткий характер, а полной документации литературных, исторических и диалектных источников по словенской лексике. В дальнейшем разные причины надолго отодвинули осуществление этого замысла. В послевоенные годы после смерти Ф. Рамовша работа над словарем была возложена на его ученика Ф. Безлая. В том, что Словенская АН на протяжении многих лет находила возможным и необходимым поддерживать столь многотрудное дело, требующее серьезной и долгой подготовительной работы, проявилась большая научная проницательность и дальновидность ведущих ученых Словении.

Настоящий словарь складывался и формировался в том виде, в каком его представляет первый том, преимущественно в последние десятилетия. И естественно, новое время внесло существенные коррективы в первоначальные принципы словаря. Из-за недостаточной разработанности словенской лексикографии оказалась нереальной идея свести воедино в одной словарной статье сведения о представленности слова в письменной литературе и по диалектам. Интенсивное исследование вопросов славянской этимологии, активизация работы по созданию этимологических словарей отдельных славянских языков выдвинули на первый план задачу этимологической интерпретации словенской лексики. Решение этой задачи имеет первостепенное значение для понимания места словенского в кругу славянских языков. И хотя Ф. Безлай по возможности использует различные лексикографические и диалектные источники, все же основной акцент сделан на разработку этимологической части. И словарь служит ценным справочником прежде всего по этимологии словенских слов. Выдающийся славист Ф. Миклошич, словенец по происхождению, дал образцы тонкого понимания внутренней формы и этимологических связей словенских слов и поставил на твердую научную основу изучение словенского языка. Словарь посвящен памяти Ф. Миклошича и Ф. Рамовша, и в этом дань уважения и понимание роли этих ученых в изучении словенского языка.

Работа Ф. Безлая представляет словенский язык во всем его лексическом богатстве. Самостоятельную ценность имеет приведенный фактический материал, почерпнутый из ономастики, многочисленных словенских диалектов.

---

[1] См.: *Bezlaj F.* Slovenska vodna imena I—II. Ljubljana, 1956—1961; *Он же.* Eseji o slovenskem jeziku. Ljubljana, 1967.

[2] Letopis slovenske akademije znanosti in umetnosti I. Ljubljana, 1943.

Словарь отмечает редкие или вовсе исчезнувшие диалектизмы, не зафиксированные, в частности, М. Плетершником. Ономастический материал выступает на равных правах с апеллятивами и во многих случаях служит основой для реконструкции древних вышедших из употребления лексем, не засвидетельствованных даже старыми словарями (ср. *blana* II, **blinja*, *Dor*, *Dréžnik*, **gorazd*, *Hlebce*, *Hrpelje*). Слово предстает во всем многообразии фонетических рефлексов по словенским диалектам. Автор сообщает сведения о географическом распространении слова (ср. *brunę́ti* с пометой вост.-штирийск.), цитирует старые источники, указывает, какому времени принадлежит тот или иной вариант слова. Среди интересных диалектизмов, многие из которых впервые этимологизируются, можно отметить *bogor* 'нарыв', *bóvec* 'сгиб, складка', *bŕšča* 'хворост, прутья', *bríšek* 'подорожник', *brvok* 'глубокий', *deselj* 'демон', *dimljati* 'сомневаться', *gnida* 'немножко, чуточку' и т. д. Попутно заметим, что есть и пропуски отдельных важных слов. По непонятным причинам в словаре не находим *čelo* 'лоб', *grúda* 'груда, ком', гл. *dvígati*, *dvigniti* 'поднимать'. Отсутствуют формы прил. *golmeš*/*hólməš* 'огромный, неловкий, глупый', о которых сам автор пишет в одной из статей [3]. Слово *drbácati* 'копать, драть' производится от несохранившегося **drbati* (с. 111), свидетельством этого глагола является диал. *dȇrbati* 'kadar krava jako muli travo, pravijo da derba' (Valjavec LjZv 1893, XIII, с. 690).

В сравнительно-этимологическом плане явственно проступает близость автора словаря к чешской школе этимологов. Это сказывается и в общей методике исследования, и в выборе этимологического решения. При выявлении славянских и индоевропейских соответствий решающее значение придается семантическому критерию, близость значений является отправным моментом при объединении в одно гнездо фонетически удаленных друг от друга основ. Нерегулярность фонетических отношений, большая свобода звуковых переходов составляет другую особенность этого направления. Так, не поддаются объяснению на основании известных правил отношения, определяемые как родственные, словен. *báhati se* 'хватать' ~ *hábati* ~ *ošabiti* 'делать высокомерным' (с. 8), *brahor* 'зоб' ~ *brȋzgati* ~ *bezgavka* 'железа опухшая' (с. 37). В своих этимологических исследованиях Ф. Безлай настойчиво проводит мысль о сосуществовании в славянских диалектах дублетных форм, в чем он усматривает результат взаимодействия, смешения славянских и неславянских племен в разные моменты их исторического развития [4]. Многие этимологические решения построены на допущении дублетных форм с варьированием *eu*: *ei*: *en* в корне (ср. слав. **gubiti* и лит. *geĩbti* 'ослабевать', с. 185; и.-е. **bheug-* > рус. *бгать* 'гнуть' и лит. *baĩgti*, *beñgti* 'кончать', с. 36 в статье на *bǫ̑žati*). Особое чередование *ō* : *ou* связывает, по мысли автора, словен. *gábati* 'страдать, терпеть' и слав. **gubiti* (с. 134), словен. *gramoz* 'песок для дорог' и лит. *grūdas* 'зерно' (с. 169). Ф. Безлай горячо отстаивает в статьях и словаре этимологическое тождество слав. **tuxnǫti* и словен. *čúhniti* 'проходить, опадать', для последнего предполагается особый вариант **tjux-*. Отношение того же типа **dux-*: **djux-* объединяет слав. **duxъ* и рус. *жухнуть*, словен. *íhta* 'всхлипывание', *júhniti* 'вздохнуть' (с. 209), что представляется очень проблематичным. В становлении фонетического облика слова решающая роль отводится процессу контаминации, смешения основ. Почти все слова в трактовке Ф. Безлая так или иначе испытывали на себе воздействие этого процесса. Естественно, что при таком подходе остаются неосвещенными вопросы славянского словообразования, отношения производящей и производной основ.

Как видим, этимологическая часть идет в русле лингвистической концепции словенского языка, известной нам по предыдущим работам Ф. Безлая. Основная идея об архаичности словенского языка, сохраняющего редкие праславянские диалектизмы с глубокими и.-е. связями, определяет поиски

---

[3] *Bezlaj F.* Dialektični arhaizmi. — JiS 1960/61, 1, с. 31—32.
[4] См.: *Bezlaj.* Spuren der baltoslawischen Wortmischungen. — Baltistica, 1974, X (1), с. 21—30.

изоглоссных характеристик, сепаратных словенско-восточнославянских, словенско-балтийских изолекс (ср. *glînja*, *gosli* II, *brebir*, *gomarati*). В существовании особых изоглоссных линий, связывающих словенский язык с разными частями славянского мира, автор видит подтверждение теории, по которой в освоении Восточных Альп принимали участие разные славянские племена, конгломерат этих племен в конечном счете стал основой будущего словенского языка. Словарь наглядно показывает стремление автора выделить локальные образования, представленные только в словенском и отсутствующие во всех других славянских языках. Но едва ли правомерно в каждом слове с пометой «только словенское» видеть реликтовое образование, уцелевшее лишь на крайней юго-западной славянской периферии. С большой долей вероятности к лексическим архаизмам могут быть отнесены единичные примеры: *báža* II 'террасный виноградник' (с. 14), *dvȏrec* 'ручка бурава' (с. 124). В число так называемых специфически словенских слов попадают семантические новообразования: ср. *cêditi se* 'соглашаться', вторичное по отношению к **cěditi* (с. 59), *brdo* 'перкладина через ручей' из *brdo* 'ткацкое бердо' (с. 40), *čȇla* 'часть повозки,' сопоставимое с *čélo*, *čeljust* (с. 77). Представление об изолированности некоторых словенских слов явилось результатом не совсем верного их этимологического осмысления. Примером тому может служить слово crȩ̂t 'Pinus pumulio', 'вид кустарника' (с. 67), которое нельзя рассматривать в отрыве от *črêt* 'болотистая местность', стар. *zhrét* 'болотистый лес' (ЭССЯ, вып. 4, с. 80). Словен. *črgáti* 'капать' (ср. *lojeva sveča črgá*) является фонетическим вариантом *kŕgati* (ср. *krgavo oko*), родственного чеш. *krhati*, *krhavý* 'о слезящихся глазах'. Именно так на основе мены *k/č* (ср. диал. *čídati* < *kídati*, *sьčíra* < *sekíra*) в свое время характеризовал словенское слово Л. Пинтар [5]. Словен. *gábati* 'страдать, терпеть' (с. 134), несомненно, родственно болг. *габам* 'задевать словом', чеш. *habati* 'хватать' и т. д. (БЕР I, с. 219; ЭССЯ, вып. 6, с. 74—75). На широком славянском фоне могут быть осмыслены словен. *čvȓš* 'сук, утолщение' (с. 92), *gura* 'пуговица из смолы' (с. 187).

С основными этимологическими решениями Ф. Безлая мы знакомы по статьям, опубликованным на страницах журнала «Jezik in slovstvo», и другим работам [6]. Ф. Безлай в основном опирается на старые классические работы по славянскому языкознанию, частично учитывает и новую литературу. Достоен сожаления тот факт, что остались в стороне и не были приняты во внимание новейшие этимологические исследования, к числу которых мы относим в первую очередь ежегодник «Этимология» (издание с 1963 г.), «Этимологический словарь славянских языков» (выходит с 1974 г.), «Słownik prasłowiański» (t. I—1974 г.). Публикуемые этимологические словари на принципиально новой основе решают вопросы реконструкции праславянского лексического фонда и предлагают много новых оригинальных этимологических решений. Автор не учитывает новейшие результаты в области славянской этимологии, поэтому трудно признать удовлетворительным истолкование, которое получают словен. *jádro* I 'velum', ср. О. Н. Трубачев (Этимология. М., 1963, с. 31—32), *gluta* 'шишка', *játa* I 'agmen', *játiti*, ср. Х. Шустер-Шевц, В. Н. Топоров (Этимология. 1967, с. 73, 19—20), *bȏg* I, II, III, ср. О. Н. Трубачев (Этимология. 1965, с. 25—27).

Этимологическая часть словарных статей носит по большей части реферативный характер. Обозревая разные подходы к истолкованию слова, автор не всегда, к сожалению, определенно и ясно высказывает свое отношение, свое понимание спорных моментов. На наш взгляд, наиболее удачные решения автор нашел для уже упомянутых *báža*, *dvȏrec*, для последнего обнаружены кельтские соответствия. Небезынтересно осмысление слов *dámelj* 'отклик' (с. 93), *dimljati* 'сомневаться' (с. 101), *deselj* 'демон' (с. 98). В силу большой продвинутости фонетического строя словенских диалектов многие слова имеют очень затемненный фонетический вид, и этимология таких слов это по

[5] *Pintar L.* Slovarski in besedoslovni paberki. — LMS 1895, I, с. 6.
[6] Jezik in slovstvo 1970/71, XVI; 1971/72, XVII; 1972/73, XVIII; 1974/75, XX; *Bezlaj F.* Einige slovenische und baltische lexische Parallelen. — Linguistica, 1966—1968, VIII/1, S. 63—81.

существу реконструкция исходной фонетической формы. Раскрытие первоначального фонетического облика позволяет понять внутреннюю форму слова *bóvec* 'складка' < **ob-vol-ьcь* (ср. словен. *voleki* 'почки', с.-хорв. *volja* 'зоб', рус. *воль*, *волынка* 'опухоль, нарыв'), *burnik* 'засов, стрелка весов' < **ob-vor-ьnikъ* (ср. рус. *завóрина* 'поперечная жердь, которой закладывают проход в изгороди', Филин 9, с. 338), Словен. *žolhek*, *žehek*, *žuhkek* 'прогорклый' интерпретируется как **jьlъkъ* и осмысляется как родственное словен. *ilka*, назв. растения, рус. *ёлкий* (с. 209). Заслугой Ф. Безлая является выявление внутренней формы слов *âbranek*, *jâmbrek* < *(*j*)*ăbręd-* (с. 1), *adrâš*, *andrǫ́ga* < **rъdъrъ* (с. 2, 4). В словаре большое место занимают заимствования. Достоинством словаря следует признать подробное освещение путей проникновения слов из различных иноязычных источников в условиях тесных языковых контактов.

Не все этимологии Ф. Безлая могут быть приняты, многие из них вызывают попутные замечания, уточнения. Приведем некоторые примеры.

âbranek 'сережка на орешнике, сосне, ольхе' (с. 1) объединяется со словами *kavrna* 'ворс на бархате, сукне,' *zâbrnki*, *zâvrnki* 'концы ниток в полотне'. Последние имеют другую этимологию. Это специфически словенские образования с приставками *ka-*, *za-*, соотносительные с гл. **vьrtěti*. Ср. близкие ткаческие термины: укр. диал. *ковороток* 'прядка', с.-хорв. *заврт̏ет* 'штопать чулок' (Елезовић).

âškrc 'отрезок, кусок' (с. 5) толкуется как образование с приставкой *a-* от звукоподражательной основы *škrc*, *škrt*. Правильнее видеть в *áškrc* **ot-skrъtьcь*. Основу *(*s*)*krъt-* < и.-е. *(*s*)*ker-t-* отражают словен. *škȓt* 'царапина', *krtati*=*škrtati* 'мелко резать, делать зарубки; глодать; скупиться' (Pleteršnik II, с. 637), с.-хорв. *ȍškȓt* 'резец, молоток каменотеса' (RJA IX, с. 323), болг. *кърmя* 'выкорчевывать, выламывать' и т. д.

bájanica 'прут, которым ищут подземную воду' возводится к **badi̯anica* и далее к незасвидетельствованному **adati* (с. 8). Представляется более вероятным, что отношения последовательной деривации связывают гл. *bájati* 'болтать' и 'колдовать' > *bajanje* 'колдовство, гадание' > *bájanica*.

betẹ́ti 'тлеть' (с. 18), по всей видимости, не имеет ничего общего с в.-луж. *bać so* 'тлеть, гореть' и представляет фонетический вариант гл. *butẹ́ti* 'тлеть', *buhtẹ́ti* 'пылать (об огне)', 'разбухать'. Это интенсивное образование от *búhati* 'толковать, бить' и 'вырываться, бушевать (о пламени)'.

bǫ̂žati 'нежно гладить, ласкать' (с. 36) неоправданно сложно объясняется из **bogi̯ati* на основе чередования **bheug-*: **bheng-*. Сопоставление с рус. *бужать*, лит. *baĩgti* 'умирать, ослабевать' не отвечает принятому в словаре требованию семантического тождества. Следует вернуться к единственно правильному объяснению, которое дает Плетершник: от *bože*, т. е. *božec* (*ubožec*) *komu praviti* (Pleteršnik I, с. 47).

brǫ̂ja 'смесь, нечистота, грязь' (с. 47), далее *obródíti* 'пачкать' неправомерно сближаются с *oblodа*, *oblodva*, *obloja* 'смесь кормов для скота'. Последние соотносительны со словен. *blǫ́da* 'ошибка, заблуждение' и *blǫ́diti* 'блуждать' и 'размешивать, мешать'. Словен. *brǫ̂ja* из **brodja* < *bróditi* 'идти вброд', 'возиться в грязи, мараться', 'ковыряться, копаться', 'смешивать.'

buhav 'заплесневелый' (с. 52) не связано происхождением с с.-хорв. *bȕđav* 'покрытый плесенью', является производным от гл. *búhati*: ср. с.-хорв. *bȕhav* 'mollis', болг. (Геров) *бýхавый* 'вялый, засохший, о человеке: жирный, но не здоровый, рыхлый' (ЭССЯ, вып. 3, с. 80).

dobra 'eine wasserreiche Gegend' (с. 106) едва ли отделимо от *debȅr* 'овраг, ущелье' < **dъbrь*. Ср. статью на *debȅr* с частичным повторением топонимического материала.

dúhtati 'сопеть, тяжело дышать' (с. 120) непонятным образом отрывается от *dúhati* 'нюхать, вдыхать', 'дышать, дуть' и рассматривается лишь в связи с рус. *двохать*, *двошить* 'тяжело дышать' < **dvox-*. С точки зрения структуры, *dúhtati* такой же интенсив от *dúhati*, как *buhtáti* по отношению к *búhati*.

duséti 'тяжело дышать от гнева' (с. 122) едва ли восходит к **dǫsъ* < **dǫti*, **dъmǫ*. Скорее всего это инновация, соотносительная с гл. *dušiti* (ЭССЯ, вып. 5, с. 164—165).

garati II скрести, сдирать кожу' (с. 139), по всей видимости, не соотносится с **garь* 'сажа, пепел' и является заимствованием нем. *haaren*, как думал Плетершник.

glên II 'название различных болезней у скота' (с. 146) имеет, по мнению автора, один из возможных источников **gloi̯nos*. Но здесь же приведенные семантически близкие укр. *оглоны*, *оголоны* 'нарыв на десне у лошади', рус. *оголбмя* 'обморок' трудно понять с позиции словообразования и апофонических отношений. Постулируемый автором тезис о смешении основ **gel-*, **gol-* и **gləm-* ничего не проясняет.

glôb II 'пузырь, шар' (с. 148), толкуемое как чисто словенское образование с очень туманной этимологией, в действительности тождественно болг. *глоб* 'глазница', рус. диал. *глоб* 'комок земли' (ЭССЯ, вып. 6, с. 132) и соотносительно с гл. *glóbsti* 'долбить'. Ступени продления корневого гласного отражают словен. *glâb* 'затычка', болг. *глаб* 'выдолбленная долотом часть дерева', макед. *глапка* 'отверстие, дыра'. Заметим, что *globônec*, производное от *glôb*, рассматривается и в статье на *glóbsti* (с. 149).

Нет необходимости в особом истолковании словен. *gláva* II 'две связки вместе' (<**glaba*, *globiti*, *glabiti*, *gléba*) и *glâvka* 'широкая часть проволоки' (<**glamьnьka*, к **golmę*, с. 145) Обе основы представляют переосмысление слав. **golva*: ср. болг. диал. *гла́ва* 'мера для измерения пряжи: 60 ниток на мотовиле' (БД III, с. 50), укр. *голова* 'широкая часть прядильного гребня, где помещаются зубья' (Гринченко I, с. 301).

gǫ́bav 'leprosus' (с. 154) сближается с с.-хорв. *bȕgav*, лит. *beñgti* 'ослабевать', что представляется совершенно невероятным. Вне всякого сомнения родство словен. *gǫ́bav* с **gǫba* 'spongia'. Славянский материал дает немало примеров совмещения значений 'spongia' и 'губа': ср. болг. родоп. *гȍби* 'струпья на губах небольших животных' (БД V, с. 164), с.-хорв. *gȕba* 'lepra; вообще нарост на дереве или теле человека; болезнь кожи' (RJA III, с. 484), рус. диал. *губа* 'болезненный нарост на теле' (Филин 7, с. 192).

gobri 'угри на коже; прыщи' (с. 155) сопоставляется с польск. *obrzmieć* 'отечь, опухнуть', что едва ли приемлемо, так как польское слово имеет корень **bręk-*, ср. рус. *набрякнуть* 'набухнуть' (Brückner, с. 45). Словен. диал. *abərc*, *obərc* 'опухоль' отражают не изначальную форму, как думает Ф. Безлай, а являются вторичным преобразованием исходной основы, тождественной слав. **gǫba*. Таким образом, словен. *gobri*, как и *gǫ́bav*, производно от *gǫ́ba* 'наплыв; гриб; кожная болезнь' (Pleteršnik I, с. 223).

На чисто семантической основе объединяются (*za*)*gólhniti* 'заткнуть', *zaglotiti*, *zaglasiti* то же, все они выводятся из и.-е. **glek-*, праслав. **glьksati*, **gloktati*, **gloksati* с вторичной назализацией в англосакс. *clingan* 'стиснуть.' Словен. *zagólhniti* 'задохнуться', рус. *глохнуть* со всей определенностью говорят о пласлав. **gluxъ*.

Представляется очень гипотетичным видеть в рус. *поганый*, болг. *погăнец* не заимствование из лат. *pāgānus* 'языческий', а производное от гл. **ganiti*, ср. рус. *ганить* 'бранить' (с. 138).

gomárati, *komarati* 'медленно идти, ползти, едва тащиться' (с. 160) можно сопоставить с в.-луж. *skomorić* 'обходиться неподобающим образом, причинять зло', *komorić* 'рыться, шарить, делать медленно', чеш. *skomirati* 'быть болезненным, слабым', рус. диал. *комбриться* 'развлекаться, гулять'.

Словарь дает много омонимов. Омонимия, отражающая современное состояние языка, переносится на плоскость праславянского. Это одно из проявлений лингвистической концепции автора, исключающей понятие семантической эволюции, синкретизма значений. В результате в словаре этимологически не соотносятся *búhati* 'толкать', 'вырываться (о пламени)' и *búhniti* 'оплыть' (с. 52—53); *drę́ti* I 'драть' и *drę́ti* II 'бежать, течь' (с. 113); *drobíti* I 'дробить' и *drobíti* II 'семенить; быстро говорить' (с. 115—116); *dǫ́ga* I 'радуга' и *dǫ́ga* II 'обруч' (с. 106); *blazína* I 'подушка' и *blazína* II 'перекладина в санях' (с. 25) Едва ли можно согласиться с таким подходом.

Отметим некоторые неточности в реконструкции и понимании словообразовательных отношений.

Словен. *boríti se* 'бороться' (с. 34) и родственные ему слова неверно производятся от незасвидетельствованного **borъ*. В действительности глагол соотносителен с **borti* и представляет тематизацию последнего (ЭССЯ, вып. 2, с. 203—204).

Слав. **bor-dlo* непосредственно соотносится не с **boriti*, **borniti*, а с **borti* (с. 37, статья на *brána* I).

Рус. *болтать*, *болт*, укр. *бовт* 'бот, ботало' (с. 33) имеют исходную форму **bъltъ*, **bъltati* (не **bьltъ*).

Словен. *dnȍ* 'fundus' и *dnȁ* 'колика' (с. 104—105) восходят к **dъbno*. Реконструкция **dьno* неточно передает исходную структуру основы.

Настораживает реконструированная форма **za-drьg-ьska* для словен. *zádrska* (с. 108). Здесь же заглавное слово, представляющее словен. *sódraga*, ошибочно дается в праславянской форме *-dorga*.

Словен. *bȋtek* 'существование' (с. 23) толкуется как старое производное от **bhe̯uə-* (ср. инф. *biti*). Правильнее видеть в нем образование, соотносительное с **bytъ* < **byti*.

О *bívati* (с. 23) сказано, что производящая для него основа **bhū-*. Точнее и правильнее определить *bívati* как итеративно-дуративное образование на *-a* от гл. **byti*.

Целесообразно отказаться от передачи лабиального задненебного g^{u} в виде сочетания согласных *gu̯* (ср. статьи на *gȁd*, *gáj*, *gât* I, *gojiti* и др.).

В словаре гнездовой способ расположения материала сочетается с самостоятельной этимологической разработкой отдельных производных. Строгое и экономное распределение материала характеризует, пожалуй, лишь начало словаря, но уже в той части, которая объединяет слова с начальным *d-*, *g-*, наблюдается излишняя повторяемость, дробность в сочетании с нерасчлененной общей подачей лексем, родство которых очевидно лишь на древнем уровне. Заглавное слово по существу представляет всю семью родственных образований, и многие трудные слова, требующие специального рассмотрения, не вынесены в самостоятельные статьи, хотя сам факт их этимологической соотнесенности не так уж бесспорен. Так словен. *gâvra* 'худая, изможденная корова' в очень спорной трактовке автора находим лишь в статье на *gábiti* 'вызывать отвращение' (с. 135). Точно так же не выделяется и интересное слово *gorjáča=grjáča* 'сучковатая палка', упоминание о нем встречаем в статье, посвященной слову *gára* 'толстая рогулина' (с. 138). Очень старое слово *gízda* 'высокомерие' лишь попутно освещается автором при обсуждении словен. *gvazdati* 'болтать' (с. 188). Требует некоторых разъяснений и экспрессивный гл. *gobezdáti*, который в словаре не совсем убедительно сближается с *gȏbec* 'os animalium' (с. 155). Растворяется в большом гнезде слов, родственных *dȓskati*, и словен. *dȓča* 'die Riese' (с. 117).

Нельзя не заметить, что в отдельных случаях одни и те же слова неодинаково объясняются в разных словарных статьях. Так, слово *drâpki* 'приступ лихорадки' в самостоятельной статье сближается с чеш. *drobiti* 'трясти', а в статье на *drapati* толкуется как продолжение **drop-* > и.-е. **der-* 'драть' (с. 110). Разное истолкование получает *drásati* 'разорвать' в отдельной статье и как родственное *dráhati* (с. 110). Для словен. *gúze* 'штаны' и *guzati se* 'кататься' на с. 166 восстанавливается исходная форма **gǫzъ*/**guzъ*, а на с. 188 отдельно разбирается *guzati se*, но уже как продолжение формы **gъlъzati* (рус. *глызнуть*). Там же для *gúze* ставится вопрос о возможности сопоставления с *okuzmati*, *okəzmati* 'щипать.' Слова *gábrast* и *gárbast* 'неровный' в одном случае толкуется как исконное образование (с. 135), а в другом как заимствование (с. 139).

Представляется избыточным повторением материала в лексической и этимологической части в статьях, посвященных словам *búla* и *búliti* (с. 53), *glûn* и *glȩ̂n* (с. 146 и 150), *gâbez* и *gâvez* (с. 134 и 141).

Естественно, что в рамках настоящей рецензии мы затронули лишь некоторые стороны этой большой, серьезной и во многих отношениях оригинальной работы.

В заключение отметим высокую полиграфическую культуру издания. Опечатки единичны: ср. лат. *felare* вместо *fēlāre*, с. 98; лит. *bãdas*, лтш. *bads*

вместо *baīdas*, *baīda*, с. 15 и др. Выход в свет первого тома «Этимологического словаря словенского языка» следует признать значительным событием славистики последнего десятилетия. Словарь займет свое определенное место в кругу публикуемых славянских этимологических словарей. Несомненно, этот значительный труд привлечет к себе большое внимание славистов, специалистов по славянской этимологии.

Л. В. Куркина

Y. Malkiel. Etymological dictionaries. A tentative typology. The University of Chicago press. Chicago and London, 1976

Имя Якова Малькеля, профессора языкознания и романской филологии Калифорнийского университета в Беркли, знакомо не только романистам и испанистам. У нас пользуются известностью его работы по лексикологии, реконструкции слов, по этимологии в связи с общими проблемами современного языкознания.

Привлекают широта и объективность взглядов Я. Малькеля, его уверенность в новом подъеме этимологических исследований после определенного периода спада или во всяком случае некоторой утраты этимологией общетеоретического значения («Этимология проиграла битву, но не войну. . .», с. VII). Автор трезво судит, что новый подъем, на сей раз в сложной обстановке широкого, если не повсеместного увлечения общим языкознанием, осуществим не только через накопление фактов, но и через решительное обновление методов и приемов. Это даст право этимологам вступить в диалог с другими лингвистами на более высоком уровне и по более общим вопросам.

Нельзя не оценить смелость автора. В литературе насчитывается ряд работ по общей этимологии, этимологии романских, германских, славянских и других языков, по этимологии «вчера и сегодня», значительно меньше исследований по проблематике этимологических словарей отдельных языков и языковых групп, а работ по общей типологии этимологических словарей нет совсем. Рецензируемая книга Я. Малькеля — «Этимологические словари. Опыт типологии» — по-видимому, первое исследование на эту тему. Типологический аспект, конечно, пользуется сейчас небывалой и заслуженной популярностью во всей науке. Но если в фонологии, дисциплине, всегда оперирующей ограниченным набором единиц, типологические моменты лежат, так сказать, на поверхности, и охват релевантных данных нескольких десятков языков — не такое трудное дело, то в лексикологии и этимологии типологические моменты вскрываются гораздо труднее. Сказанное относится в принципе и к типологии этимологических словарей.

Публикуя труд по типологии этимологических словарей, ученый берет на себя весьма высокие обязательства, поскольку типология имеет дело с выявлением универсалий, а для этого — в рамках поставленной проблемы — должны быть, строго говоря, рассмотрены в с е этимологические словари в с е х языков. Такая слишком идеально понятая задача вряд ли осуществима, и ее имеет смысл разумно ограничить, опуская менее существенное или более далекое. Не следует лишь ограничиваться генетическими рамками, т. е., занимаясь типологией этимологических словарей, целесообразно привлекать не одну лишь индоевропеистику, а по крайней мере этимологическую лексикографию еще нескольких больших самостоятельных языковых семей (например, финноугорской, тюркской). Обширная библиография (с. 101—129) дает представление о проделанной Я. Малькелем работе по изучению целой библиотеки этимологической лексикографии. Знакомство со столь разнородными трудами, как дравидский этимологический словарь Барроу — Эмено и этимологический словарь кастильского (испанского) языка, разумеется, не может не быть весьма разным у Малькеля, испаниста по профессии. В целом индоевропейская этимологическая лексикография дана у автора очень подробно, например, каждый славянский язык представлен не одним, а несколькими этимологическими словарями (так, для русского языка перечис-

лены, кроме Фасмера, также Горяев, Преображенский и Шанский), библиография скорее избыточна и пропуски установить удается редко (например, по болгарскому языку назван словарь Младенова и пропущен ныне издаваемый словарь под редакцией Георгиева), щедро приводится даже несловарная литература, например, монографии о заимствованиях и даже серии этимологий в различных изданиях. Неиндоевропейская этимологическая лексикография осталась привлеченной все-таки значительно скуднее, а иногда и случайнее. Уже упоминавшийся словарь Барроу — Эмено по дравидским языкам и исследования Рамстедта по корейским этимологиям принадлежат скорее к исключениям. Остался не упомянутым новейший этимологический словарь тюркских языков Рясянена, не говоря о других более ранних и частных тюркских этимологических словарях. По венгерскому языку назван неоконченный этимологический словарь Гомбоца и Мелиха, но упущены словарь Барци и новый капитальный историко-этимологический словарь, издаваемый коллективом ученых и интересный в ряде отношений (рецензировался в ежегоднике «Этимология»). Не нашел отражения этимологический словарь картвельских языков Климова. Этимологическая лексикография, охватывающая более чем одну семью языков, представлена, пожалуй, одним старинным Мёллером, ностратические труды Иллич-Свитыча оказались неучтенными. В библиографии отсутствует этимологический словарь финского языка Тойвонена — Итконена — Йоки. Между прочим, более внимательное отношение именно к финноугорской этимологической лексикографии не помешало бы при рассмотрении вопросов типологии этимологических словарей, поскольку бытует (среди финноугроведов) серьезное мнение о более высоком уровне и большей строгости этимологических исследований финноугорских и вообще уральских языков сравнительно с индоевропейскими.

В дальнейшем, при новых изданиях эти пропуски можно будет восполнить, хотя необъятная трудность темы неизбежно и в дальнейшем будет превращать ее в типологию избранных словарей, где с настольными книгами автора всегда будут рядом словари, просмотренные, так сказать, ad hoc. Однако необходимые дополнения не могут заслонить от нас того факта, что перед нами в сущности первый опыт такого рода и что для осуществления этого опыта автор уже проделал огромную работу. Кроме того, типология имеет дело не только с многообразием, но и с повторением типов, и, принимая во внимание обширность уже обследованной автором литературы по этимологической лексикографии, можно полагать, что вероятие пропуска т и п о в этимологических словарей относительно невелико, хотя и не исключено (например, одного беглого взгляда достаточно, чтобы увидеть различие между тюркским и индоевропейским этимологическими словарями, проистекающее и от структурных различий самого языкового материала и от разной степени и давности этимологической разработки). Однако следует заметить, что Малькель оперирует не совокупными типами обследуемых словарей, а скорее своеобразным структурным анализом по дифференциальным признакам (ДП). При этом он устанавливает следующие ДП, каждому из которых в книге посвящается отдельная глава: 1. временнáя глубина (например, от современного английского до древнеанглийского, до прагерманского или еще глубже); 2. направление или проекция этимологического анализа (от общего праязыка к отдельным языкам, например, от латыни ко всем романским, или наоборот, ретроспективно — от современного португальского как точки отсчета — к языку-источнику); 3. ранг или ряд словаря (разнообразные отношения языка-источника и языка-объекта исследования); 4. общая организация корпуса словаря, или лексикографическая стратегия (однородная подача словарных статей с заглавными живыми формами или, наоборот, реконструкциями; наличие или отсутствие крупных словарных рубрик как например, в словаре Фика, возможное подразделение словника на исконную, заимствованную лексику и т. д.); 5. предпочтительное построение словарной статьи, или лексикографическая тактика (по мнению автора, здесь нет двух похожих друг на друга словарей, в частности, сам Малькель несколько категорично полагает, что лучший способ при этом — гнездовая словарная статья, а не трактовка 'одна статья — одно слово', которую считает «научно беспомощной»

(?)); 6. широта (включение всякого рода дополнительной информации, причем одна крайность — «джунгли», а другая крайность — полное отсутствие аппарата); 7. масштаб, или отбор материала (тезаурус, т. е. полный охват, или оговоренный отбор, например употребительная лексика, древняя лексика и т. д.); 8. характер этимологического словаря (авторский замысел и тональность, например, научность, развлекательность).

«Трудно представить себе, — заключает автор, — этимологический словарь, который нельзя было бы точно описать или «закодировать» с помощью совокупного применения этих восьми автономных критериев» (с. 8).

Книга Я. Малькеля, конечно, много богаче, чем анализ словарей по ДП, бегло изложенный выше. Он совершенно справедливо подходит к каждому этимологическому словарю как к событию не только в науке, но и в жизни человека, т. е. явлению индивидуальному. Сообщаемая при этом подчас биографическая информация об авторах словарей выглядит вследствие этого очень уместной (ср. например, вопрос соотношения словарной и остальной деятельности ученого).

Книга Малькеля удивительно невелика по объему (84 стр. основного текста, не считая примечаний и библиографии), поэтому только такой умелый автор смог на таком малом пространстве уместить то обилие мыслей, фактов, проблем, какое мы находим в его книге. Конечно, в силу ряда причин изложение иногда оказывается слишком беглым, придавая книге Малькеля характер того, что он сам назвал вначале «a panoramic view of the problem». Но полезность и симптоматичность этой публикации не оставляет сомнений.

О. Н. Трубачев

A. Erhart, R. Večerka. Úvod do etymologie (Pro bohemisty i ostatní lingvisty). Univerzita J. E. Purkyně. Fakulta filozofická. Brno, 1975 (ofsetový tisk).

Начавшийся в послевоенные годы подъем в области конкретных этимологических исследований и их продолжающееся плодотворное развитие сопровождаются учащением опытов теоретического осмысления этимологической практики с точки зрения выявления сущности и целей этимологии, ее места среди лингвистических дисциплин, специфики ее проблем и методов. Однако подобные теоретические исследования имеют по преимуществу форму статей, что обусловливает сосредоточение на узком круге вопросов и фрагментарность изложения. Число монографических трудов очень невелико. Тем больший интерес вызывает новое издание этого типа А. Эрхарта и Р. Вечерки.

В кратком предисловии авторы так определяют назначение своей работы: «Главной целью нашей книги должна быть помощь ее читателям в пользовании этимологическими словарями и специальной этимологической литературой. Так что здесь дано не руководство, как делать этимологии, а ключ к наилучшему пониманию и использованию этимологических трудов» (с. 1). Подзаголовок указывает, что книга предназначена «для богемистов и других лингвистов». Корпус ее невелик (191 с.) и состоит из четырех глав, за которыми следуют список основной литературы предмета и сокращения.

Первая глава включает в себя «Введение» и очерк «Развитие этимологической науки». Во «Введении» (с. 2—10) читатель знакомится с проблематикой этимологических исследований. Общая формулировка цели этимологического исследования — выяснение происхождения слов — раскрывается как единство трех способов толкования: во-первых, выяснение (на примере чеш. *dítě*) словообразовательной структуры слова, установление круга родственных образований в данном языке и других языках, нахождение мотивирующей основы и первичного значения слова (с. 7—8); во-вторых, нахождение (на примере чеш. *bratr*) соответствий для исследуемого слова в родственных языках и констатация его глубокой (праязыковой) древности (с. 8—9); в-третьих,

толкование слова как заимствования из другого языка (с возможной этимологизацией слова-источника на почве его родного языка, с. 9). Представляется, однако, что недостаточно акцентирована зависимость этих трех способов от объекта исследования — конкретного слова.

Раздел «Развитие этимологической науки» (с. 11—26) своей близостью к содержанию курсов по истории языкознания еще раз подтверждает исторический факт изначальной зависимости общего и сравнительно-исторического языкознания от этимологии (а не только бесспорной зависимости второй от первых).

Специфика же данного очерка заключается во вполне понятном стремлении проследить на фоне развития европейской языковедческой науки возникновение и развитие чешской этимологии, начиная с Lexicon symphonum Зикмунда из Еленя и кончая работой брненского этимологического коллектива над «Этимологическим словарем славянских языков».

Небольшой объем всей книги и самого раздела о развитии этимологии обусловили крайний лаконизм. Однако и при этих условиях следовало, думается, большее внимание уделить послевоенному периоду и специфике новых этимологических словарей славянских языков как отражению современных этимологических концепций.

Вторая глава называется «Изменения в языке» и является наибольшей по объему: с. 27—150. Она состоит из следующих разделов: «Реконструкция праязыка», «Реконструкция праславянского звукового состава», «Реконструкция индоевропейского звукового состава», «Изменения звуков», «Морфологические изменения» (с параграфами «Корень», «Индоевропейский аблаут», «Деривационные суффиксы», «Фузия», «Славянский аблаут», «Сложения», «Обратное словообразование», «Воспроизведение», «Морфологическая аналогия», «Народная этимология», «Контаминация») и «Семантические изменения» (с подразделом «Табу»). Этот перечень разделов полезен для суждения о круге рассматриваемых вопросов: в этой главе авторы предлагают в сжатом, почти конспективном виде (этот принцип нарушается лишь в разделах «Реконструкция праязыка» и «Изменения звуков») те сведения по общему языкознанию, сравнительной грамматике индоевропейских языков и сравнительной грамматике славянских языков, которые бесспорно необходимы как для занятия этимологическими исследованиями, так и для пользования этимологическими словарями, но обычно распределяются по соответствующим курсам. Тем самым снова обнаруживается, что этимология, будучи разделом исторической лексикологии, вместе с тем шире исторической лексикологии в отношении своих непосредственных связей с другими отраслями языкознания. С другой стороны, однако, возникает и сомнение, должно ли введение в этимологию подменять собою все эти другие отрасли, не говоря уже о том, что содержание главы ориентировано на славянскую этимологию и славистов, что несколько расходится с названием книги «Введение в этимологию (для богемистов и д р у г и х л и н г в и с т о в)». Представляется, что в подобной работе по этимологии (или по славянской этимологии) не следует так много внимания уделять, например, хорошо аргументированным фонетическим соответствиям, но зато необходимо более подробно рассматривать так называемые неправильные фонетические изменения, поскольку эта проблема чрезвычайно важна для этимологии и решение ее может быть найдено лишь в сотрудничестве сравнительной фонетики, морфологии и этимологии. В книге неправильным фонетическим изменениям посвящены параграфы 243 и сл., 36; авторы считают эти изменения крайним и наименее надежным средством этимологизации. Совсем не поставлен в книге вопрос о возможности смешения аблаутных рядов в славянских языках и возникновения на базе этого смешения обратных образований с «неправильным» вокализмом, ср. случай слав. **noriti* : **nuriti*.

Что касается метода изложения содержания во второй главе, то авторы выполнили свою задачу компрессии полезных для этимолога сведений по общему и сравнительному языкознанию с большой изобретательностью, лаконизмом и стройностью. Составлены почти исчерпывающие таблицы звуковых соответствий для индоевропейских и славянских языков с лексическими

иллюстрациями и четкими комментариями; кратко, но полно и увлекательно охарактеризованы различные языковые процессы и явления, особенно табу (хотя отнесение этого явления к семантическим изменениям представляется спорным) и народная этимология. В последнем разделе высказана весьма существенная для исследований древней лексики в связи с культурно-этнографическими данными мысль о возможности тесной связи между легендой и народной этимологией, в особенности — исторического первенства явления народной этимологии и вторичного возникновения (уже на почве преобразованной лексемы) легенды (с. 127—128).

Лишь некоторые моменты побуждают к сомнениям и критическим замечаниям.

В разделе об индоевропейском аблауте формулировка «корни с простым вокалическим ядром, образованным гласными *e*, *o*, *a*, имеют в полной ступени как правило *e*» (с. 85) представляется неточной, так как возможно и.-е. *o*, не чередующееся с *e*, а и.-е. *a* не чередуется с *e*.

Для корней с долгим гласным *ē*, помимо упомянутых полной ступени и ступени редукции (с. 86), следовало указать еще возможность качественного чередования *ē*/*ō* (ср. и.-е. **u̯rēg'*: **u̯rōg'*-: **u̯rəg'*-, слав. *rězati*: *razъ*).

В разделе о воспроизведении (редеривации) различие между случаями типа ст.-чеш. *očerstviti*: чеш. *občerstviti* (с. 118) и случаями типа русск. *обязанный*: *обвязанный* (с. 119) представляется более глубоким и принципиальным: во втором типе представлено именно воспроизведение, повторение модели на новом хронологическом уровне (дающее часто сосуществующие лексемы с различной семантикой), первый же тип точнее было бы охарактеризовать как преобразование слова в соответствии с актуальной на новом этапе формой морфем (кстати, этот тип изменений заслуживает специального анализа).

Из деталей этимологизации и реконструкции:

не оправдана реконструкция **gъl-tati* (с. 81);

можно ли выводить чеш. *duji*, *douti* как следствие морфологической аналогии из *dmu*, *douti* (с. 121), если чеш. *duji*, *douti* имеет точные соответствия в других славянских языках?;

чеш. *dým* имеет точное соответствие в лат. *fūmus* и не может поэтому принадлежать к гнезду чеш. *dmu*, *nadymati* (с. 81);

авторы ограничиваются в своих реконструкциях позднеиндоевропейским периодом (с. 83), не упоминая о более древней системе фонем с ларингальными, поэтому нелогично выглядит использование их символов в конкретных реконструкциях: см. seH^{w} =*sāu* (с. 104), *meH'*=*mē* (с. 105).

Некоторые неточности в таблицах связаны в значительной степени со стремлением к максимальному обобщению. Так, на с. 68, п. 232 под номером 18 в таблице индоевропейских соответствий для славянских согласных объединены, судя по примерам на с. 71, 2 различных источника слав. *š*: в случае *šiti* это *š* из сочетания звуков *sj* (а этот тип изменения включен в таблицу на с. 74), которому в литовском соответствует *s* (а не *š*!); что же касается другого примера — *myšь*, то развитие здесь *š* < *ch* является вторичным по отношению к развитию *ch* < и.-е. *s* после *ū*, потому этот случай следовало объединить с номером 19 той же таблицы как слав. *ch*/*š* — так же, как под номером 1 дано, например, *k*/*č*/*c*.

Вряд ли можно признать удачным обозначение в пределах одной работы знаком *y* и славянского гласного — рефлекса и.-е. *ū*, и индоевропейского сонанта (*j*).

В качестве иллюстративного материала авторы используют только известные в этимологической литературе сопоставления и толкования. Однако среди них встречаются и далеко не общепризнанные, и просто спорные. Разумеется, этимологические решения, как замечают и автора в конце книги, с. 180, в большинстве своем остаются гипотезами и неизбежно сосуществование для многих случаев нескольких толкований, так что авторы вправе выбирать то или иное решение, но читатель (начинающий — судя по ориентации книги) должен быть предупрежден о гипотетичности предлагаемых в качестве иллюстраций толкований.

Собственно этимологическому анализу посвящена третья глава — «Конкретные приемы поиска происхождения слов» (с. 151—171). Даже на фоне второй главы она выделяется своей композиционной стройностью. В разделах третьей главы: «Виды сходства слов», «Праславянский уровень», «Индоевропейский уровень», «Расслоение праславянской лексики», «Трудные этимологии» — авторы прослеживают последовательные этапы этимологизации слов различной степени прозрачности, различной словообразовательной структуры и древности — этимологизации, осуществляемой путем сопоставления слов по принципу сходства гипотетического корня или формантов на разных уровнях, от одного языка (чешского) до индоевропейского уровня, причем вскрываются результаты этих сопоставлений для суждения о связях и происхождении слова. Попутно рассматриваются явления звуковой символики, звукоподражания, заимствования, излагается метод изоморфологических рядов. Очень интересен и методически полезен прием группировки лексем на каждом уровне в зависимости от возможности их анализа и его результатов на данном уровне. Например, чешские именные лексемы на праславянском уровне группируются по следующим признакам: чешское слово не имеет соответствий в других славянских языках (*kmen*); немотивированное чешское слово имеет соответствия в других славянских языках, но и они немотивированы (*vlk*); благодаря сравнению с другими славянскими образованиями для чешского слова реконструируется мотивация (*hlad*) и т. д. (с. 162—163). Даются краткие сведения о группировке индоевропейских диалектов и соответственно о специфических связях славянской лексики с балтийской и германской, но вопрос о праславянских диалектизмах не затрагивается. К сожалению, за пределами описываемых приемов сопоставления остался и лингвогеографический аспект этимологизации. Глава завершается критической оценкой излишне произвольных (в фонетическом, морфологическом или семантическом планах) этимологических сопоставлений.

При общей четкости и строгости изложения вызывает возражение отнесение к одному и тому же явлению (сосуществование в языке одного слова в двух вариантах, один из которых исторически, закономерно продолжает форму древнего языка, а другой является заимствованием этой формы — с. 161) случаев соотношения франц. *sembler—simuler* (< лат. *simulare*) и параллелизма русского слова со славянизмом типа *голова — глава*: в последнем случае представлено заимствование родственного слова из родственного древнего языка, а не заимствование праформы слова.

В четвертой главе — «Этимологические словари и пользование ими» (с. 172—180) читатель знакомится с основными этимологическими словарями славянских и индоевропейских языков (по отдельным языкам и по группам), а также — на примере сопоставления словарей Махека, Голуба—Копечного и Голуба—Лиера — с различными типами этимологических словарей и спецификой словарной статьи в этих словарях.

К четвертой главе примыкает весьма обширный перечень основной литературы предмета (с. 181—188), расположенной по тематическому принципу (по главам). Однако непосредственное соотнесение этой литературы с содержанием глав значительно затрудняется вследствие отсутствия в главах точных ссылок на соответствующие работы (упоминаются в лучшем случае лишь фамилии авторов).

В целом книга А. Эрхарта и Р. Вечерки представляет собой очень актуальное, краткое, но содержательное введение в славянскую этимологию, охватывающее значительную часть (хотя, разумеется, и не всю) проблематики и методики современной этимологии. Большим достоинством работы является ее стройность, отражающая убеждение авторов в возможности строгой этимологической методики. В этом отношении книга учит не только тому, как пользоваться этимологическими словарями, но и как делать этимологии.

Ж. Ж. Варбот

V a n W i n d e k e n s. Le tokharien confronté avec les autres langues indo-européennes. Vol. 1. La phonétique et le vocabulaire (Travaux publiés par le Centre International de Dialectologie Generale de l'Université catholique néerlandaise de Louvain, fasc. XI). Louvain, 1976.

Книга А. Ван Виндекенса будет встречена с удовлетворением всеми, кто следил на протяжении многих лет за публикациями бельгийского ученого, в значительном числе своих работ давшего новое освещение ряда проблем сравнительной фонетики и этимологии тохарских языков. В вышедшей первой части труда кратко суммируются основные выводы сравнительной фонетики (с. 9—135) и дается полный список слов с индоевропейскими этимологиями (с. 139—614), их группировка с точки зрения индоевропейской диалектологии (с. 614—619) и выборочный перечень слов, заимствованных из других азиатских языков (с. 620—646), преимущественно санскрита и среднеиранских.

Из отдельных фонетических законов, сформулированных Ван Виндекенсом, заслуживает особого внимания правило, по которому группы, где за **d-* следует сонант, упрощаются благодаря исчезновению первого согласного элемента: тох. В *paiyye* 'нога' (**podi̯o-*, с. 82) и т. п. В таком случае в тох. В *on*(*u*)*waññe* 'бессмертный' за вычетом префикса *on-* (скорее всего привативного) остается основа с начальным **du̯-* (с. 336), что допускает сравнение не только с др.-ирл. *duine* 'человек' ('смертный') [1], но и с хетт. *dandukki-* 'смертный', 'человек' (древняя редуплицированная форма).

Словарь включает большинство наиболее достоверных этимологий тохарских слов. Несомненной заслугой словаря является то, что в нем можно найти целый ряд давно уже найденных, в том числе и автором словаря (но иногда не принимаемых во внимание в научной литературе), этимологий тохарских слов, напр. тох. А *ātäl* 'мужчина' (родственно др.-исл. *aðal* 'имение', др.-в.-нем. *adal* 'благородный', что установлено еще в 1929 г. Зигом [2], с. 171), тох. А *käntu*, В *kantwo* 'язык' (метатеза из и.-е. **dn̥gʰu̯ā*, открытая Бенвенистом и Пизани, с. 204) и т. п.

В тех случаях, где тохарские языки заменяют общеиндоевропейское имя существительное новообразованием от другого индоевропейского корня, могло бы представить интерес указание на подобные замены в других индоевропейских языках: к тох. А *klots*, В *klausto* 'ухо' (от **k̂leu-* 'слышать', с. 221) целесообразно привести в качестве семантической параллели хетт. *ištamana-* 'ухо' (от *ištam-aš-* 'слышать', корень, общий у хеттского с семитохамитским и картвельским). В связи с образованным от той же индоевропейской основы **k̂leu-* тох. А (*ñom*)*klyum* 'славный (именем)' (с. 223), В *ñem klāwis*(*s*)*u* (с. 218) имело бы смысл отметить явный параллелизм с греч. ὄνομα κλυτός 'знаменитый именем', др.-инд. *śrutyam nāma*, позволяющий допустить и в тохарском след устойчивого фразеологизма, восходящего к общеиндоевропейскому [3].

Тох. В *lesto* 'гнездо', во второй половине которого угадывается сложение с корнем **-st-* (с. 261), очевидно, трудно отделить от других индоевропейских форм, возводимых к **ni-sd-* (> *-zd*), в том числе и с такими преобразованиями анлаута, как в славянском.

Для семантики родственных форм в других индоевропейских языках важны приводимые Ван Виндекенсом параллели к тох. В *pällent* 'полнолуние', сравниваемого с х.-сакс. *purrā* 'луна', *purra* 'полный' (с. 357), ср. др.-рус. и не доиде луны своея *полнения*, рус. *полнолуние* и т. п.

Отвергаемое Ван Виндекенсом (с. 310) объяснение тох. А *nas-*, В *nes-* 'быть' из сочетания и.-е. **es-* с начальным **n-*, намеченное еще Педерсеном,

---

[1] См.: о возможных этимологиях: *Meid W.* Zur Etymologie des Wortes für 'Mensch' im Irischen. — In: Studies in Greek, Italic, and Indo-European linguistics offered to L. R. Palmer. Insbruck, 1976, S. 173—179.

[2] Ср. попытку сохранения этой этимологии и при принятии связей с приставкой (*at-*) и корнем *al-* 'расти': *Szemerényi O.* The etymology of German *Adel*. — Word, 1952, vol. 8, NI, p. 46 (в словаре Ван Виндекенса не учтено).

[3] *Schmitt R.* Indogermanische Dichtersprache. Wiesbaden, 1967, S. 91.

следует принять как соответствующее современным представлениям о структуре индоевропейских сочетаний с начальными элементами, вводящими предложение [4].

На с. 563 в связи с проблемой возведения тох. A *wäs*, B *yasa* 'золото' к шумер. *guškin* 'золото'[5] форма последнего слова дана неточно.

Специалисты по этимологии отдельных индоевропейских языков, в частности, славянских и балтийских, найдут много полезного в приложенных к словарю списках соответствий между тохарским и каждой из подгрупп индоевропейских языков.

Список заимствований в тохарском отличается большей трезвостью, чем те публикации последних десятилетий (в том числе и принадлежащие перу автора словаря), где предполагалось очень существенное воздействие языков северной и восточной Евразии на тохарский. Более сдержанный подход в этой книге делает и заключительный ее раздел неоценимым подспорьем при исследовании тохарской этимологии.

Вяч. Вс. Иванов

В. М. Иллич-Свитыч. Опыт сравнения ностратических языков (семитохамитский, картвельский, индоевропейский, уральский, дравидский, алтайский). Сравнительный словарь (*l*-*ʒ́*). Указатели. М., 1976

Во второй том этимологического словаря ностратических языков В. М. Иллич-Свитыча входит около 100 словарных статей от l до N, представляющих связную часть словаря, и некоторые другие статьи на последующие начальные фонемы (от p до *ʒ́*) из первоначального авторского варианта работы. Тем самым заканчивается публикация тех словарных статей, которые были подготовлены самим автором до его трагической гибели (остальные части словаря должны быть извлечены из картотек и потребуют значительной редакторской доработки). Нельзя не пожалеть о том, что необычайно трудная задача реконструкции ностратического словаря осложняется дополнительной трудностью — необходимостью предварительной реконструкции авторского замысла В. М. Иллич-Свитыча, лишь частично отраженного в двух изданных томах (хотя издатели сделали все возможное, чтобы облегчить решение этой задачи для читателя).

За пять лет, отделяющих выход в свет второго тома словаря от первого, в мировой научной литературе (наряду с негативными суждениями, как правило, очень слабо мотивированными и отражающими преимущественно лишь характерную эмоциональную реакцию на принципиально новое открытие) появился целый ряд положительных или сочувственных откликов на словарь, в том числе и принадлежащих перу основателей отдельных областей сравнительного языкознания, охватываемых ностратикой (Б. Коллиндеру, Н. Н. Поппе). Но большинство самостоятельных исследований, опубликованных в те же годы, скорее было посвящено попарным сближениям языковых семей (индоевропейской и семитской, как у Бомхарда, индоевропейской и уральской, как у Чопа). Не отрицая значимости подобных поисковых работ (в том числе и для ностратики в целом), следует все же заметить, что (если не говорить об отдельных молодых энтузиастах) сопоставление значительного числа языков нескольких семей вызывает заметную робость у многих исследователей. Это относится не только к ностратической теории, но и к некото-

[4] *Bader F.* Viell-irlandais *no*, *no-* et les formes tokhariennes apparantées. — Études celtiques, 1976, v. 14, N 2, p. 391—403; Idem. Le present du verbe «être» en indoeuropéen. — BSL, 1976, t. LXXI, fasc. 1, p. 29.

[5] Ср. *Иванов В. В.* Проблемы истории металлов на Древнем Востоке в свете данных лингвистики. — Историко-филологический журнал. Ереван, 1976, (75), с. 85; к приведенным здесь формам этого миграционного термина следует прибавить даг. **misid* 'золото': *Гигинейшвили Б. К.* Сравнительная фонетика дагестанских языков. Тбилиси, 1977, с. 26, 119.

рым другим синтезирующим концепциям, предложенным за последние годы в сравнительноисторическом языкознании (америндейская гипотеза Э. Мэттсон, индотихоокеанская семья Дж. Гринберга).

Как представляется, доказательство каждой из названных концепций, имеющих первостепенное значение и для ранней этнической истории современного человечества, не может строиться только на собственно словарных данных, что хорошо понимал В. М. Иллич-Свитыч. Оставаясь только в рамках словарных сближений, касающихся имен существительных и глаголов (а не местоимений), чрезвычайно трудно достоверно отделить общий лексический запас сопоставляемых языков от фонда общих заимствований. В качестве наглядного примера можно привести соответствие и.-е. *$n(\breve{o})m$-$\mathring{n}$ 'имя' и родственной финно-угорской и самодийской формы. Отмечая, что сопоставляемые слова ограничены двумя группами языков, В. М. Иллич-Свитыч указывает, что их фонетический облик «по-видимому, исключает возможность заимствований» (с. 83). Однако отмеченное еще Педерсеном[1] разительное сходство тох. В *ñem* с финно-угорскими формами и вероятие ранних уральско-тохарских связей делает это заключение спорным. Другим не менее характерным примером может быть поставленное под вопрос самим В. М. Иллич-Свитычем (с. 40) картвельское соответствие и.-е. **mer*- 'молодой мужчина'. Поскольку не только в хурритском (с. 39), но и в урартском *mari*[2] обнаруживается заимствование из митаннийского арийского *marya*-, кажется возможным поставить вопрос и о сходной интерпретации сван. диал. *māre* 'человек, мужчина', чечен. *mār* 'супруг' (с. 40) как весьма древнего заимствования (из арийского в языки Кавказа).

Особенно сложные лексические проблемы возникают в тех случаях, когда соответствие из шести сопоставляемых в словаре групп встречается лишь в двух, но при этом засвидетельствовано и в широком ареале вокруг одной из сопоставляемых групп. При соответствии семит. *šmš* 'солнце' (в аккадском 'Бог Солнца') берберскому и чадскому **mš* 'огонь, солнце, утро, звезда' (в семитском редуплицированному?) в картв. mz_1-*e* 'солнце' — единственный пример $z_1 < $ ностр. **ź* (с. 78). Однако это слово представлено и в абхазо-адыг. **m(a)za*- 'луна'[3], и в даг. **baʒa*[4] 'луна, месяц' с нахскими соответствиями (нахск.—даг. **b̆aʒ*-)[5], иначе говоря, является общим для всех языков Кавказа (хотя семантически картвельские формы объединяются с семитскими, противополагаясь и северо-кавказским, а отчасти и берберо-чадским). Не предрешая окончательного вывода о характере этого слова, ограничусь замечанием, что для ранних периодов истории культуры названия луны и солнца и соответствующих божеств вполне могли быть миграционными терминами (любопытно, что для тех же двух групп — семито-хамитской и картвельской — предполагается еще и другое общее название солнца, егип. r^c 'Бог Солнца', сван. диал. *rəhi* 'рассвет', с. 106). К возможным отражениям той же основы (в заимствованных?) в древних индоевропейских языках ср. лув. *mašš-ana*- 'бог' и т. п.

Как многократно подчеркивал В. М. Иллич-Свитыч, первостепенное значение для исключения заимствований имеют фонетические правила соответствий. Можно утверждать, что чем больше число фонетических перекоди-

---

1 *Pedersen H.* Eine tocharische Frage. — Jahrbuch für kleinasiatische Forschung, 1950, N 1, S. 103, 104.

2 *Дьяконов И. М.* Урартские письма и документы. М., 1963, с. 39, 81, 85, 89; *Меликишвили Г. А.* Урартские клинообразные надписи.—ВДИ, 1971, № 3, с. 231; 1971, № 4, с. 286.

3 *Климов Г. А.* Абхазоадыгско-картвельские лексические параллели. — В кн.: Этимология. 1967. М., 1969, с. 288.

4 *Гигинейшвили Б. К.* Сравнительная фонетика дагестанских языков. Тбилиси, 1977, с. 75, 84. К начальному *m*- ср. авар. *mocə* 'луна, месяц'; вторичное *-b-* представлено в картвельском в лазск. *bžačxa* 'воскресенье', мегрел. *bža* (с. 78).

5 *Troubetzkoy N.* Notes sur les désinences du verbe dans les langues tchétchénolesghiennes (caucasiques orientales). — BSL, 1928, v. XXIX, fasc. 1, p. 165.

рований и соответственно сложность звуковых преобразований при переходе от ностратического к отдельным семьям и чем, следовательно, менее очевидна связь между сопоставляемыми формами, тем надежнее допущение исходного общего ностратического источника и тем самым незаимствованного характера слова. В этом отношении особенно показательны те слова, в которых, по В. М. Иллич-Свитычу, произошло упрощение групп сонантов и вокализма и преобразование структуры корня в индоевропейском, семито-хамитском и картвельском, то есть в западных ностратических языках (ср. с. 19 и др.). Другой существенной группой фонетических трансформаций, широко представленной в материалах рецензируемого тома словаря, является развитие начальных палатальных типа *ń-, *ñ-, *λ- и т. п. Хотя предполагаемые В. М. Иллич-Свитычем сближения индоевропейских форм с начальным *j*- и других ностратических с *n*- (с. 90 и др.) могут казаться на первый взгляд неожиданными, они более достоверны, чем лежащие на поверхности (но иногда обманчивые, как приведенные выше) сопоставления. Прогресс ностратического языкознания окажется возможным лишь по мере открытия дальнейших подобных правил, достаточно сложно перешифровывающих формы одних языков в другие (и тем самым одновременно затрудняющих поиск надежных ностратических этимологий и делающих каждую из них особенно достоверной).

Из обсуждаемых во втором томе фонетических соответствий, имеющих большое значение для сравнения друг с другом отдельных семей, следует выделить соответствие начального и.-е. **H*- и урал. *k*- (с. 97), существенные примеры которого выявлены в последние годы при отождествлении родственных грамматических (глагольных и именных) окончаний в индоевропейском и финно-угорском [6].

Последовательное отождествление всех грамматических и служебных (в широком смысле, включающем и местоименные) морфем в ностратических языках представляется основным способом доказательства справедливости ностратической теории. Хотелось бы подчеркнуть, что изучение труда В. М. Иллич-Свитыча убеждает в особой показательности реконструкции элементов именно с синтаксическими функциями, которые лишь в истории отдельных семей могут становиться морфологическими [7]. Всего отчетливее характер таких элементов показан В. М. Иллич-Свитычем на примере форманта в относительных конструкциях **mA*, который «сохранил древний статус элемента с относительным значением в семито-хамитском, где обнаруживаются следы его употребления как в препозиции, так и в постпозиции» (стр. 47). Для таких частиц характерен широкий спектр функций и возможности различного положения в предложении, причем обычно препозитивное употребление и позднейшее превращение в префикс в картвельском, тогда как в остальных ностратических языках обобщается постпозитивное употребление частицы, превращающейся в суффикс (стр. 48). Помимо именных и глагольных элементов, описанных в этой связи В. М. Иллич-Свитычем, можно отметить такое же функционирование и других глагольных элементов (суффиксальное *-*H*- в индоевропейском при соответствующем префиксе в картвельском и т. п.).

Хотя бы в части языков удается в таких случаях найти след самостоятельного употребления частицы, еще не ставшей аффиксом, как в с.-х. **la*-, **li*- предлог 'к', сопоставляемый с частицей *-la* в формах типа сван. *Ädiši-la* 'человек из Ädiši' (с. 25, ср. в древнем индоевропейском хетт. *našili* 'на языке города Несы', *Ḫattušili* 'человек из Ḫattuš-' и т. п.).

В отдельных статьях рецензируемого тома содержится фрагментарный очерк морфологии имени в ностратическом. Формирование гетероклитических

---

[6] *Čop B.* Les changements paradigmatiques d'accentuation chez les thèmes nominaux en e/o- indo-européens. — Linguistica, 1974, v. XIV, p. 42, 43.

[7] Ср. об этой тенденции в истории индоевропейских языков: *Ivanov V. V.* The relation between different grammatical levels in the linguistic evolution. — Die Sprache, 1977, 23, 1, S. 20—24.

парадигм в индоевропейском и дравидском В. М. Иллич-Свитыч объяснял развитием сочетаний косвенных форм имени на *-n* с частицами локативного значения (типа ностр. **da*, **Ḳa*). При этом выделяется становление разветвленных именных парадигм в восточно-ностратическом и радикальная перестройка склонения в семито-хамитском (с. 81). Дальнейшие исследования позволят уточнить этот набросок синтаксической предыстории тех конструкций, из которых возникают именные формы склонения в отдельных ностратических языках. Для выяснения предыстории склонения в ностратических языках особенно интересны наблюдения В. М. Иллич-Свитыча о развитии форманта маркированного прямого объекта **-mA*, к которому возводится и.-е. вин. п. ед. ч. на *-m* (с. 48—51). Рецензент с удовольствием отметил, что В. М. Иллич-Свитыч (с. 79) разделял истолкование тохарского показателя косвенного падежа *-m*(< **-n*) как следа индоевропейского гетероклитического *-n-* типа др.-инд. *yak-n-ás* 'печени' (от *yak-r̥-t*) [8].

Для сопоставления с картв. **men-* (и соответствующими формами восточно-ностратических языков — уральского и алтайского) особенно интересен анализ основных косвенных падежей местоимения 1 л. ед. ч. и.-е. **me-ne-* (с. 63—66, 78—81). Анализ В. М. Иллич-Свитыча убеждает в исключительной важности этой местоименной парадигмы (**mi*, косв. п. **me-ne*, ср. 1 л. мн. ч. инкл. **mä*) для доказательства ностратической теории в целом (соответствующая статья, описывающая местоимение 2 л. ед. ч. **ṭi*, может быть реконструирована на основании других статей, ср. с. 80 и др.). При этом следует подчеркнуть, что факт родства ностратических языков автоматически следует из принятия надежности реконструкции этих местоименных (и других указанных грамматических) элементов независимо от того, насколько приемлемой окажется та или иная этимология конкретных имен существительных и глаголов (к проверке таких этимологий В. М. Иллич-Свитыч, сам в высшей степени наделенный критическим мышлением и готовый усомниться в верности существенной части своих выводов, постоянно был готов и призывал других ученых). Но сколько бы конкретных ностратических этимологий ни оказалось в конечном счете отсеянными как следствие древних заимствований или как дескриптивные основы (большинство таких спорных случаев отмечено самим автором словаря), несомненным после выхода в свет двух томов словаря представляется то, что В. М. Иллич-Свитыч сумел доказать родство ностратических языков. Для этого вывода необходимо и достаточно было провести надежные сравнения ключевых элементов системы, в частности, личных местоимений, в их соотношении друг с другом.

Одним из наиболее удачных доказательств общей концепции автора словаря представляется восстановление системы инклюзивных и эксклюзивных местоимений. Наличие категории инклюзива-эксклюзива в картвельском было исследовано в связи с индоевропейскими фактами еще Боппом, чьи мысли, однако не нашли тогда продолжения [9]. Когда сперва Йенсен [10], а много спустя Уоткинс[11], предположил, что основа **n*(*e*)- в индоевропейском имела функцию эксклюзива, самим создателям гипотезы казалось, что «она в лучшем случае недоказуема» [12]. Однако одновременное (и сделанное совершенно независимо разными учеными) открытие эксклюзивного *na-* в картвель-

---

[8] См. более подробное изложение этой точки зрения: *Иванов В. В.* Тохарские языки и их значение для сравнительно-исторического исследования индоевропейских языков. — В кн.: Тохарские языки. М., 1959, с. 24—27.

[9] *Дондуа К. Д.* Франц Бопп и кавказские языки. — В кн.: *Дондуа К. Д.* Статьи по общему и кавказскому языкознанию. М., 1975, с. 229 (доклад, сделанный в 1945 г., но напечатанный 30 лет спустя), ср. с. 79—95.

[10] *Jensen H.* Bemerkungen zum ungeschlechtigen Personalpronomen des Indogermanischen. — IF, 1930, Bd. 48, S. 117—126.

[11] *Watkins C.* Formenlehre. T. 1. Geschichte der Indogermanischen Verbalflexion (Indogermanische Grammatik, hrsg. von Kuryłowicz J. Bd. III). Heidelberg, 1969, S. 47 (работа Йенсена ему, вероятно, была неизвестна).

[12] Там же.

ском[13] и *n-* в чадской группе семито-хамит. языков[14] позволило подойти к новому решению проблемы, согласующемуся с теми выводами, которые ранее высказывались в индоевропеистике, но оставались в ней недоказанными: по В. М. Иллич-Свитычу «древнейшее инклюзивное значение сохранено в семитохамитском и восстанавливается для картвельского; дравидийские и алтайские данные, представляющие иное распределение эксклюзивных и инклюзивных форм, могут быть объяснены как результат перестройки соответствующих систем в связи с новыми формами, производными от мест. 1 л. ед. ч. Таким образом, инклюзивная основа **mä* противопоставлялась на ностр. уровне основе 1 л. exclus. **nл*» (с. 56). На этом примере можно видеть, что ностратическая теория явилась конечным результатом постепенного развития индоевропейского и других смежных областей сравнительно-исторического языкознания (в частности, картвельского), начатого еще трудами Боппа, причем наибольшее значение выводы ностратики приобретают в таких именно пунктах, где без применения внешнего сравнения дальнейший прогресс был бы невозможен.

Другим примером, из которого легко усмотреть естественность перехода от исследования реликтовых местоимений отдельных семей (в частности, индоевропейской) к широким ностратическим сопоставлениям, может быть хетт. *ma-* (в *maši-* 'сколько'), открытие которого (как и родственной тохарской и кельтских форм) заставило еще пионера ностратики Педерсена[15] предположить связи с семито-хамитскими и уральскими вопросительными местоимениями, к которым позднейшие исследования прибавили и картвельские и дравидские параллели (с. 66—68).

Из отдельных статей словаря, представляющих значительный интерес для реконструкции грамматической системы ностратического праязыка, следует отметить восстановление запретительного **mä-* (с. 56—57) во всех семьях, кроме уральской, где функции запретительного отрицания переняты урал. **ela*, **älä*[16] из ностратического **ʔäla*, функциональное соотношение которого с **mä* воспроизводит позднейшее соотношение между **mē* и **ne* в индоевропейском[17] (возможный след **ʔäla* можно видеть не только в хетт. *le*, но и в слав. **li*, переосмысленном согласно известной закономерности трансформации отрицательных частиц в вопросительные).

Помимо значимости словаря для ностратической сравнительной грамматики в целом, следует отметить важность этимологических гипотез В. М. Иллич-Свитыча для понимания истории слов отдельных семей, например, названий частей тела в отдельных индоевропейских диалектах — селезенки (> печени, и.-е. **l/e/p-* в армянском и греческом, с. 17), ноги в германском (и.-е. **lak-*, с. 22, 23), лапы (и.-е. **lep-*, с. 23, 24) и мошонки в славянском (**mǫdo*, с. 73) и т. п. Существенный для проблемы индоевропейских миграций вопрос о вторичности значения 'море' у и.-е. **mor-* решается окончательно благодаря единообразию значений типа 'вода, влага, водоем' во всех других ностратических языках (кроме сред.-монг. 'море', с. 60, 61). Специалисты по картвельским языкам найдут в словаре целый ряд существенных подтверждений архаичности сванского (ср., например, о названии воды

---

[13] *Гамкрелидзе Т. В.* Сибилянтные соответствия и некоторые вопросы древнейшей структуры картвельских языков. Тбилиси, 1959 (на груз. яз.), с. 46—47. Значительно менее определенными были сделанные ранее предположения: *Дондуа К. Д.* Указ. соч., с. 82, 83, 92.

[14] *Пильщикова Н. Н.* Местоимения языков нигерочадской группы. — В кн.: Африканский этнографический сборник, III (Труды Института этнографии им. Миклухо-Маклая. Новая серия, т. II). М.—Л. 1959, с. 217—218.

[15] *Pedersen H.* Hittitisch und die anderen indoeuropäischen Sprachen. København, 1938, S. 67—72 (§ 56).

[16] Ср. об уральском *Čop. B.* Indouralica 1 (Sloven. akad. znanosti in umetnosti. Razred za filol. in literarne vede, Dela 30), Ljubliana, 1974.

[17] *Lehmann W. P.* Proto-Indo-European syntax. Austin and London, 1974, p. 153—154; ср. *Иванов В. В.* [Рец.]: — Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1977, т. XXXVI, № 4.

lic-, *nic*-, с. 33). Из отдельных тонких семантических наблюдений заслуживают быть отмеченными замечания об однотипном развитии и.-е. **lip*- в тохарском и древне-исландском ('липнуть' > 'оставаться' > 'быть лишним', с. 18), и.-е. **lem*- в албанском и славянском ('ломать зерно' > 'ток', с. 22), и.-е. **lep*- в кельтском и славянском ('лопата' > 'весло', с. 23) и др. Славянские семантические параллели удачно использованы также для объяснения развития тох. A *ljäṣk* 'пах' (<**les*- 'слабый', ср. болг. *слабиний* 'пах', с. 16), дравид. *nīvu* ('мазать' > 'гладить', с. 19) и т. п.

Из проблем, лишь мимоходом отмеченных в словаре, но заслуживающих детального изучения, кажется существенной возможность обнаружения следов утраченных ностратических языков в некоторых заимствованиях из них (например, в уральском, с. 45).

По мере расширения круга привлекаемых для сопоставления семей (В. М. Иллич-Свитычем сознательно ограниченного) отдельные детали предлагаемых в словаре реконструкций могут найти дополнительное подтверждение: достаточно упомянуть в качестве примера значимость причастий на -*l* в юкагирском [18] для установления роли соответствующих ностратических форм (с. 20, 21).

В ряде случаев в словаре отмечается значимость архаических хеттских (иногда сохраняющих древние явления, утраченные другими индоевропейскими языками) форм для ностратических реконструкций; к таким примерам возможно следует отнести и формы типа хетт. *tariįalla*-, *tarriįanalli*- 'третий' при собирательных формах на -*l* (в том числе и от числительных: узб. диал. *üčä-la* 'все трое, втроем', с. 14) в других ностратических языках. Из слов, которые по алфавитному месту в словаре могли бы войти в рецензируемый том, можно было бы допустить возведение к ностратическому хетт. *neka*- 'сестра, дочь, младшая родственница' при таких алтайских формах, как тунг. (негидал.) *nəxӣ*(*n*) 'младший брат, младшая сестра' и т. п.

Следует, как и по отношению к первому тому, подчеркнуть тщательность и исключительную научную добросовестность работы, проделанной при подготовке второго тома редактором В. А. Дыбо и всеми помогавшими ему учеными. Самостоятельную ценность представляют приложенные к тому указатели, составленные Р. В. Булатовой [19]. Следует пожелать всему коллективу, работающему над продолжением работы В. М. Иллич-Свитыча, успешного завершения трудов по подготовке третьего тома словаря на основании картотек, оставшихся в архиве покойного основателя ностратического языкознания.

Вяч. Вс. Иванов

---

[18] *Крейнович Е. А.* Юкагирский язык. М.—Л., 1958, с. 106 и сл.; *Rosenkranz B.* Zur indo-uralischen Frage. — In: Istituto Orientale di Napoli. Annali, Sezione linguistica, VII. Roma, 1966, c. 177.

[19] Важное дополнение к ним представляет также: *Булатова Р. В.* Славянский материал в «Ностратическом словаре» В. М. Иллич-Свитыча. — В кн.: Ностратические языки и ностратическое языкознание. Тезисы докладов. Конференция. М., 1977, с. 74—79.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Байкоў— Некрашэвіч.	*Байкоў М.* и *Некрашэвіч С.* Беларуска-расійскі слоўнік. Минск, 1925.
БД	Българска диалектология, I—VII. София, 1962—1974.
БЕР	Български етимологичен речник. Съст. Георгиев Вл., Гълъбов Ив., Заимов Й., Илчев Ст. Св. I—XII—. София, 1962—1976—.
Бірыла	*Бірыла М. В.* Беларуская антрапанімія. 2. Прозвішчы, утвораныя ад апелятыўнай лексікі. Мінск. 1969.
БТР	*Андрейчин Л., Георгиев Л., Илчев Ст.* и др. Български тълковен речник. София, 1955.
Бялькевіч	*Бялькевіч І. К.* Краёвы слоўник усходняй Магілёўшчыны. Мінск, 1970.
Варшавский словарь	*Karłowicz J., Kryński A.; Niedźwiedzki W.* Słownik języka polskiego, I—VIII. Warszawa, 1904—1927 (1952—1953).
Гарэцкі	*Гарэцкі М.* Беларуска-расійскі слоўнічак, выд. 3. Мінск, 1925.
Герасимов	*Герасимов М. К.* Словарь уездного Череповецкого говора. СПб., 1910.
Геров	*Геров Н.* Рѣчникъ на блъгарский языкъ, I—V. Пловдивъ, 1895—1904.
Говоры Прибалтики	*Немченко В. Н., Синица А. И., Мурникова Т. Ф.* Материалы для словаря русских старожильческих говоров Прибалтики. Рига, 1963.
Горяев	*Горяев Н.* Этимологический словарь русского языка, 2-е изд. Тифлис, 1896.
Гриб	*Гриб Р. Т.* Хрестоматия по старожильческим говорам Центральной и Западной Сибири. (Уч. пособие). Красноярск, 1967.
Гринченко	*Гринченко Б. Д.* Словарь украинского языка, I—IV. Киев, 1907—1909.
ДАИ	Дополнения к Актам историческим. I—XII. СПб., 1846—1875.
Даль [2]	*Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка, I—IV. 2-е изд. М., 1880—1882 (1955).
Даль [3]	*Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка, I—IV. 3-е изд. М., 1903—1909.
Даль [4]	*Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка, I—IV. 4-е изд. М., 1912.
Деулинский словарь	Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района, Рязанской области). Под ред. Оссовецкого И. А., М., 1969.
Добровольский	*Добровольский В. Н.* Смоленский областной словарь. Смоленск, 1914.
Донской словарь	Словарь русских донских говоров. Авторы-составители: Валюсинская З. В., Выгонная М. П., Дибров А. А., Диброва Е. И., Дыбина Т. В., Овчинникова В. С., Сердюкова О. К., Удовкина К. К., Федосов И. А., Хмелевская Т. А., I—III. Ростов-на-Дону, 1975.

Доп(олнение) к Опыту	Дополнение к Опыту областного великорусского словаря. СПб., 1858.
Елезовић	*Елезовић Гл.* Речник косовско-метохиског дијалекта, I—II. Београд, 1932—1935.
Иванова. Подмоск.	*Иванова А. Ф.* Словарь говоров Подмосковья. М., 1969.
И-С	*Толовски Д., Иллич-Свитыч В. М.* Македонско-русский словарь. М., 1963.
Караџић	*Караџић Вук Стеф.* Српски рјечник истумачен њемачкијем и латинскијем ријечима. Треће (државно) издање. Биоград, 1898.
Картотека БАС	Картотека Словаря современного русского литературного языка (Ленинградское отделение Института языкознания АН СССР)
Картотека ДРС	Картотека Словаря русского языка XI—XVII вв. (Институт русского языка АН СССР, Москва).
Картотека Новгородского ГПИ	Картотека кафедры русского языка Новгородского Государственного педагогического института.
Картотека СДР	Картотека Словаря древнерусского языка XI—XIV вв. (Институт русского языка АН СССР, Москва).
Картотека СРНГ	Картотека Словаря русских народных говоров (Ленинградское отделение Института языкознания АН СССР)
Картотека СТЭ	Картотека Севернорусской Топонимической Экспедиции (Уральский государственный университет)
Конески	*Конески Б.* Речник на македонскиот јазик со српскохрватски толкувања, I—III. Скопје, 1961, 1965, 1966.
Красноярский словарь	Словарь русских говоров южных районов Красноярского края. Красноярск, 1968.
Куликовский	*Куликовский Г.* Словарь областного олонецкого наречия. СПб., 1898.
Магницкий. Уржум.	Особенности русского говора в Уржумском уезде Вятской губернии. Сборник областных слов и выражений Магницкого В. А. Казань, 1885.
Мельниченко	*Мельниченко Г. Г.* Краткий ярославский областной словарь. Ярославль, 1961.
Носович	*Носович И. И.* Словарь белорусского наречия. СПб., 1870.
Опыт	Опыт областного великорусского словаря. СПб., 1852.
Подвысоцкий	*Подвысоцкий А.* Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.
Преображенский	*Преображенский А.* Этимологический словарь русского языка, I—II. М., 1910—1914. Окончание — «Труды ИРЯ», I. М., 1949.
ПСРЛ	Полное собрание русских летописей, 1—15. М., 1962—1965.
РСА	Речник српскохрватског књижевног и народног езика, I—VIII. Београд, 1959—1973.
Свенцицкий	*Свенцицкий И.* Опыт сравнительного словаря русских говоров (Галицко-бойковский говор). — ЖСт, 10 г., 1900, вып. I—II.
Словарь Оби	Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби, I—III. Томск, 1964, 1965, 1967. Дополнение. I ч., 1975, II ч., 1976.
Словн. укр. мови	Словник української мови, I—. Київ, 1970—.
Сл. Сред. Урала	Словарь русских говоров Среднего Урала, I—II—. Свердловск, 1964, 1971—.
Соликам. словарь	*Беляева О. П.* Словарь говоров Соликамского района Пермской области. Пермь, 1973.

Срезневский — *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка, I—III. СПб., 1893—1903.

Сцяшковіч — *Сцяшковіч Т. Ф.* Матэрыялы да слоўніка Гродзенскай вобласці. Мінск, 1972.

Толстой[1] — *Толстой И. И.* Сербскохорватско-русский словарь. М., 1957.

Трофимович — *Трофимович К. К.* Верхнелужицко-русский словарь. М.—Бауцен, 1974.

Фасмер — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Перевод с немецкого и дополнения Трубачева О. Н. I—IV. М., 1964—1973.

Филин — Словарь русских народных говоров. Под ред. Филина Ф. П., I—XIII—. Л., 1966—1977—.

Хостник — *Хостник М.* Словинско-русский словарь. Горица, 1901.

Шатэрнік — *Шатэрнік М. В.* Краёвы слоўнік Чэрвеншчыны. Менск, 1929.

Шило — *Шило Г. Ф.* Південно-західні говори УРСР на північ від Дністра. Львів, 1957.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Под ред. Трубачева О. Н., I—VI—. М., 1974—1979—.

Юрчанка — *Юрчанка Г.* Дыялектны слоўнік (з гаварак Мсціслаўшчыны). Мінск, 1966.

Янкоўскі — *Янкоўскі Ф.* Дыялектны словнік. II. Мінск, 1960.

Яшкін — *Яшкін І. Я.* Беларускія геаграфічныя назвы. Тапаграфія. Гідралогія. Мінск, 1971.

Bartholomae — *Bartholomae Chr.* Altiranisches Wörterbuch. Straßburg, 1904.

Benzing — *Benzing J.* Die tungusischen Sprachen. Mainz, 1956.

Berneker — *Berneker E.* Slavisches etymologisches Wörterbuch. A — morъ. Heidelberg, 1908—1913.

Brückner — *Brückner A.* Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 1927.

Buck — *Buck C. D.* A dictionary of selected synonyms in the principal indoeuropean languages. Chicago, 1949.

Castrén Verz. — *Castrén's M. A.* Wörterverzeichnisse aus den samojedischen Sprachen bearbeitet von Schiefner A. SPb., 1855.

DED — *Burrow Th.*, *Emeneau M. B.* A Dravidian etymological dictionary. Oxford, 1961.

Erdélyi — *Erdélyi J.* Selkupisches Wörterverzeichnis, Tas-Dialekt. Budapest, 1969.

Fraenkel — *Fraenkel E.* Litauisches etymologisches Wörterbuch, 1—18. Heidelberg—Göttingen, 1955 и сл.

Gebauer — *Gebauer J.* Slovník staročeský, I—II. Praha, 1903—1916 (1970).

Gesenius — *Gesenius W.* Hebräisches und aramäisches Handwörterbuch. 18 Aufl. Berlin, 1954.

Holub—Kopečný — *Holub J.*, *Kopečný F.* Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1952.

Chantraine — *Chantraine P.* Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Histoire des mots, 1—2. Paris, 1968.

Iveković—Broz — *Iveković F.*, *Broz I.* Rječnik hrvatskoga jezika. I—II. Zagreb, 1901.

Kluge—Götze — *Kluge F.* Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. 15. neubearb. Aufl. von Götze A. Berlin, 1951.

Kott — *Kott F. Št.* Česko-německý slovník, I—VII. Praha, 1878—1893.

LKŽ — Lietuvių kalbos žodynas. I—II (red. J. Balčikonis), III—X (red. kolegija: I. Kruopas, J. Kabelka, K. Ulvydas atsak. redaktorius). Vilnius, 1941—1976.

Lorentz Pomor.	*Lorentz Fr.* Pomoranisches Wörterbuch, I—III. Berlin, 1958—1971.
Machek [1]	*Machek V.* Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha, 1957.
Machek [2]	*Machek V.* Etymologický slovník jazyka českého. Druhé, opravené a doplněné vydání. Praha, 1968, 1971.
Mayrhofer	*Mayrhofer M.* Kurzgefasstes etymologisches Wörterbuch des Altindischen, 1—25. Heidelberg, 1953—1974.
Miklosich	*Miklosich F.* Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen. Wien, 1886.
Miklosich LP	*Miklosich F.* Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum. Vindobonae, 1862—1886.
Niedermann—Senn — Brender — Salys	*Niedermann M., Senn A., Brender F., Salys A.* Wörterbuch der litauischen Schriftsprache, I (1932), II (1951), III (1957), IV—V (1960—1967). Heidelberg.
Pfuhl	*Pfuhl Dr.* Lužiski serbski słownik. Budyšin, 1866.
RHJ	см. *Iveković — Broz*
Pleteršnik	*Pleteršnik M.* Slovensko-nemški slovar, I—II. Ljubljana, 1894—1895.
Pokorny	*Pokorny J.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch, I—II. Bern, 1949—1959.
Polański — Sehnert	*Polański K.* and *Sehnert G. A.* Polabian-Englisch dictionary. The Hague—Paris, 1967.
PSJČ	Příruční slovník jazyka českého, I—IX. Praha, 1935—1957.
Räsänen	*Räsänen M.* Versuch eines etymologischen Wörterbuch der Türksprachen. Helsinki, 1969.
RJA	Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika, I—XXIII—. Zagreb, 1880—1973—.
Russ. geogr. Namenbuch.	Russisches geographisches Namenbuch herausg. von M. Vasmer. I—. Wiesbaden, 1962—.
SKES	Suomen kielen etymologinen sanakirja. I—V. Helsinki, 1955—1975.
Skok	*Skok P.* Etymologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika, I—IV. Zagreb, 1971—1974.
Sławski	*Sławski F.* Słownik etymologiczny języka polskiego, 1—22—. Kraków, 1953—1976—.
Slovník jaz. stsl.	Slovník jazyka staroslověnského. Sv. 1—31. Praha, 1958—1977.
Słownik prasłowiański	Słownik prasłowiański. Pod redakcją Sławskiego F. I—II—. Wrocław—Warszawa—Kraków—Gdańsk. 1974—1976—.
Sł. stpol.	Słownik staropolski, I—. Warszawa, 1953—.
SSJ	Slovník slovenského jazyka. Vyd. Slovenskej Akademie vied, ved. redaktor dr. *Peciar Š.*, I—VI. Bratislava, 1959—1968.
St. čes. slov.	Staročeský slovník. Hlavní redaktor *Havránek B.* 1—8—. Praha, 1968—1976—.
Sychta	*Sychta B.* Slownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej, I—VII. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1967—1976.
БЕ	Българско езикознание
ВДИ	Вестник древней истории
ВЯ	Вопросы языкознания
ЖСт	Живая старина
ИГАИМК	Известия Государственной Академии истории материальной культуры
РФВ	Русский Филологический Вестник
СбНУ	Сборник за народни умотворения, наука и книжнина

Сб. ОРЯС	Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук
СЕЗб	Српски етнографски зборник
AfslPh	Archiv für slavische Philologie
BSL	Bulletin de la Société de linguistique de Paris
ČČM	Časopis České Matice
IF	Indogermanische Forschungen
IJSLP	International Journal of Slavic Linguistics and Poetics
JiS	Jezik in slovstvo
JP	Język Polski
LMS	Letopis Matice Slovenske
MSL	Mémoires de la Société de linguistique de Paris
RÉS	Revue des études slaves
RS	Rocznik slawistyczny
SR	Slavistična Revija
WdS	Die Welt der Slaven
WSlJb	Wiener slavistisches Jahrbuch
WuS	Wörter und Sachen

Языки и диалекты

абхазо-адыг.	абхазоадыгский
авар.	аварский
авест.	авестийский
аккад.	аккадский
алб.	албанский
алик.	аликский
англ.	английский
англосакс.	англосаксонский
андийск.	андийский
араб.	арабский
арм	армянский
арханг.	архангельский
арчин.	арчинский
баишинск.	баишинский
балт.	балтийский
бацб.	бацбийский
болг.	болгарский
брян.	брянский
будух.	будухский
буйск.	буйский
буков.	буковинский
бурш.	буршагский
вед.	ведийский
венг.	венгерский
вепс.	вепсский
витеб.	витебский
влад.	владимирский
в.-луж.	верхнелужицкий
волог.	вологодский
волхов.	волховский
ворон.	воронежский
вост.-балт.	восточнобалтийский
вост.-лит.	восточнолитовский
вост.-слав.	восточнославянский
вост.-словин.	восточнословинский
герм.	германский
гиндухск.	гиндухский
глушков.	глушковский
горьк.	горьковский
гот.	готский
греч.	греческий
гродн.	гродненский
груз.	грузинский
гуцул.	гуцульский
даг.	дагестанский
дакийск.	дакийский
дарг.	даргинский
деулин.	деулинский
днестр.	днестровский
донск.	донской
драв.	дравидский
др.-англ.	древнеанглийский
др.-брет.	древнебретонский
др.-в.-нем	древневерхненемецкий
др.-греч.	древнегреческий
др.-евр.	древнееврейский
др.-инд.	древнеиндийский
др.-ирл.	древнеирландский
др.-исл.	древнеисландский
др.-луж.	древнелужицкий
др.-норв.	древненорвежский
др.-перс.	древнеперсидский
др.-прусск.	древнепрусский
др.-рус.	древнерусский
др.-сакс.	древнесаксонский
др.-тюрк.	древнетюркский
др.-фризск.	древнефризский
др.-хетт.	древнехеттский
егип.	египетский
зап.-рус.	западнорусский
и.-е.	индоевропейский
иллир.	иллирийский

ильм.	ильменский	пенз.	пензенский
ион.	ионический	перм.	пермский
иран.	иранский	перс.	персидский
казах.	казахский	пехл.	пехлевийский
калин.	калининский	печор.	печорский
калуж.	калужский	подмоск.	подмосковный
карагас.	карагасский	полаб.	полабский
карел.	карельский	полесск.	полесский
картв.	картвельский	польск.	польский
касим.	касимовский	помор.	поморский
кашуб.	кашубский	праслав.	праславянский
кашуб.-словин.	кашубско-словинский	прусск.	прусский
коми-зыр.	коми-зырянский	псков.	псковский
корн.	корнуэльский	резьян.	резьянский
костр.	костромской	рум.	румынский
краснояр.	красноярский	рус.	русский
крыз.	крызский	рус.-цслав.	русский церковнославянский
крым.	крымский		
курск.	курский	русин.	русиновский
ладож.	ладожский	рутул.	рутульский
лазск.	лазский	ряз.	рязанский
лакск.	лакский	саам.	саамский
лат.	латинский	сван.	сванский
лезг.	лезгинский	свердл.	свердловский
ленингр.	ленинградский	сев.-вепс.	северновепсский
ливв.	ливвиковский	северско-блр.	северско-белорусский
лик.	ликийский	селькуп.	селькупский
лит.	литовский	семит.	семитский
лтш.	латышский	серб.	сербский
лув.	лувийский	ср.-перс.	среднеперсидский
люд.	людиковский	симб.	симбирский
ляш.	ляшский	синдомеот.	синдомеотский
макед.	македонский	скр.	санскрит
малаял.	малаялам	слав.	славянский
мегрел.	мегрельский	словац.	словацкий
микен.	микенский	словен.	словенский
минск.	минский	смол.	смоленский
младоавест.	младоавестийский	согд.	согдийский
могил.	могилевский	сойот.	сойотский
мокш.	мокшанский	соликам.	соликамский
морав.	моравский	ср.-в.-нем.	средневерхненемецкий
морд.	мордовский	ср.-ирл.	среднеирландский
нахск.-даг.	нахско-дагестанский	ст.-в.-луж.	староверхнелужицкий
негидал.	негидальский	ст.-польск.	старопольский
нем.	немецкий	ст.-прусск.	старопрусский
ненец.	ненецкий	ст.-укр.	староукраинский
ниж.-нем.	нижненемецкий	ст.-чеш.	старочешский
н.-луж.	нижнелужицкий	суджан.	суджанский
новг.	новгородский	с.-х.	семито-хамитский
ностр.	ностратический	с.-хорв.	сербохорватский
н.-перс.	новоперсидский	табас.	табасаранский
обск.	обский	тамб.	тамбовский
олон.	олонецкий	тамил.	тамильский
омск.	омский	татар.	татарский
онеж.	онежский	твер.	тверской
оренб.	оренбургский	тороп.	торопецкий
орл.	орловский	тох.	тохарский
осет.	осетинский	тунг.	тунгусский
оск.	оскский	тур.	турецкий
осташ.	осташковский	туркм.	туркменский

тюрк.	тюркский
удин.	удинский
удм.	удмуртский
узб.	узбекский
укр.	украинский
ульян.	ульяновский
умбр.	умбрский
урал.	уральский
уржум.	уржумский
фин.	финский
фрак.	фракийский
франц.	французский
хант.	хантыйский
хантайск.	хантайский
хетт.	хеттский
хиналуг.	хиналугский
хопер.	хоперский
х.-сакс.	хотаносакский
цахур.	цахурский
цезск.	цезский
ц.-слав.	церковнославянский
чагат.	чагатайский
челяб.	челябинский
чечен.	чеченский
чечен.-ингуш.	чечено-ингушский
чеш.	чешский
чуваш.	чувашский
швед.	шведский
швед.-саам.	шведско-саамский
шугн.	шугнанский
шумер.	шумерский
энец.	энецкий
эрз.	эрзянский
юж.-вепс.	южновепсский
юж.-карел.	южнокарельский
юж.-слав.	южнославянский
ягноб.	ягнобский
якут.	якутский
яросл.	ярославский

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

КРИТИКО-БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ